

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2024. Т. 30

№ 2

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2024. Vol. 30

№ 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)

А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)

Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)

А. В. Головнев, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)

В. Л. Иваницкий, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

С. Г. Корконосенко, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)

К. Кроо, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)

Дж. Майклсон, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)

А. Мустайоки, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)

Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)

Г. Саймонс (Greg Simons), PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)

Э. Э. Сьманюк, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

А. Федотов, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)

Г. Г. Щепилова, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

© Уральский федеральный университет, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)

Л. П. Быков, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Ю. Быстрова, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)

Т. А. Галеева, канд. искусствоведения, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. С. Глуханюк, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Л. Девятова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. М. Ершов, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)

И. А. Ершова, канд. филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Г. Е. Зборовский, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. Б. Кириллова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Б. Н. Лозовский, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. В. Матвеева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. Я. Мурзина, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)

М. А. Мясникова, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. Э. Павловская, д-р искусствоведения, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет)

Т. А. Снигирева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Н. Турышева, д-р филол. наук, доц. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Э. В. Чепкина, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

- Кутина Н. А., Пикулева Ю. Б.* Лингвоаксиологическая диагностика сверхтекста российских СМИ периода специальной военной операции на Украине 5
- Ямшинов А. Л.* Военная тема в православной журналистике 18

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Тарасов И. Е.* Нейросети в документальном телефильме: тенденции и перспективы 34
- Юань Е, Круглова Л. А.* К вопросу о типологии телевизионных музыкальных программ в России и Китае 46
- Антошин А. В., Антошин В. А.* Журналист на «далекой окраине» России: В. А. Панов и его газета «Дальний Восток» 59
- Фатеева И. А.* Типологические особенности дореволюционного журнала «Сотрудник печати» 66

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Снигирева Т. А.* Уральская поэзия военных лет: особенности оптики 77
- Маркин А. В.* Виктор Смирнов: поэт в провинциальном ландшафте 88
- Попова М. Ю., Ермоленко С. И.* Путевые заметки А. Н. Карамзина в личной и творческой судьбе Е. П. Ростопчиной 102
- Терещук А. А.* Идеино-художественное своеобразие романа М. Вайреды «Новая кровь»: от карлизма к консервативному каталонизму 115

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Крюкова Л. С.* Формирование лингво-социальной модели культуры России: исторический контекст 125
- Бугрова Е. Д.* Вопросы изучения dark-туризма как фактора сохранения культурно-исторической памяти 133

- Чжан Хайчао.* Карнавал и одиночество: воплощение эмоций в китайской молодежной интернет-субкультуре (на основе культуры Даньму) 142

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

- Зборовский Г. Е.* Есть ли у социальной общности биография? 151
- Шабуров А. С., Шернаев В. И., Сошникова И. В.* О месте цифровизации и искусственного интеллекта в развитии российского общества 164

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Бенин В. Л.* Языковой фон современного процесса воспитания будущих педагогов 176
- Амбарова П. А., Дмитриева Т. В., Мусина И. С.* Проблемы реализации программы «Пушкинская карта» среди студентов организаций СПО Свердловской области: взгляд педагогов 184

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

- Приказчикова Е. Е., Савчук В. С.* Особенности преподавания гуманитарных дисциплин в Смольном институте конца XVIII – середины XIX в. (на материале эго-документов) 198

ПСИХОЛОГИЯ

- Кремешкова С. Н., Лебедева Ю. В.* Восприятие собственного тела в структуре самоотношения студентов 212

УГОЛ ЗРЕНИЯ

- Ермаков Ю. А.* Личностный суверенитет: как защититься от манипуляций сознанием 226

ЮБИЛЕИ

- «С тропы своей ни в чем не сступая...» К юбилею Т. А. Снигиревой (Л. А. Назарова, А. В. Подчиченов) 241

АКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Научная статья

УДК 070.1:81'27 + 811.161.1'373.2 + 82.091 + 341.3 + 323.12(=161.1) + 327.8(4) +
+ 327.5(470:477)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.022

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА СВЕРХТЕКСТА РОССИЙСКИХ СМИ ПЕРИОДА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Наталья Александровна Купина¹
Юлия Борисовна Пикулева²

^{1,2}*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹natalia_kupina@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

²pik@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1948-3594>

А н н о т а ц и я. В статье представлены результаты лингвоаксиологической диагностики сегмента сверттекста российских СМИ, объединенного категорией хронотопа и темой провалившегося контрнаступления ВСУ. Установлено, что общей приметой сверттекста является экспансия военной лексики. Доказано, что аксиологическая маркированность речевых средств зависит от стратегических позиций коллективных субъектов-действующих. В ходе анализа осуществлена систематизация вербализованных ценностей россиян, выявлены идеологические основы аксиологического лексикона украинской стороны и коллективного Запада, обозначены варианты развития и разрешения украинского конфликта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аксиологический лексикон; контрнаступление; лингвоаксиологическая диагностика; русофобия; сверттекст; украинский конфликт; ценности

© Купина Н. А., Пикулева Ю. Б., 2024

LINGUOAXIOLOGICAL DIAGNOSTICS OF THE SUPERTEXT OF THE RUSSIAN MEDIA DURING THE PERIOD OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE

Natalia A. Kupina¹

Yulia B. Pikuleva²

^{1,2} Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

¹ natalia_kupina@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

² pik@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1948-3594>

Abstract. The article presents the results of the linguoaxiological diagnostics of the Russian media supertext segment, joined by the chronotope category and the theme of the AFU counteroffensive. It is established that the common feature of the supertext is the expansion of military vocabulary. It is proved that the axiological labeling of speech means depends on the strategic positions of collective actors. As a result of the analysis, the systematization of the verbalized values of Russians was carried out, the ideological foundations of the axiological lexicon of the Ukrainian side and the collective West were revealed, options for the development and resolution of the Ukrainian conflict were identified.

Key words: axiological lexicon; counteroffensive; linguoaxiological diagnostics; Russophobia; supertext; Ukrainian conflict; values

Предварительные замечания

В центре внимания отечественной лингвоаксиологии находится речевое существование россиян, объективно отражающее ценностные предпочтения и отталкивания носителей национальной культуры. Активная реализация в речи ценностных смыслов, требующих систематизации, наблюдается в ситуациях общенационального испытания. Лингвоаксиологический анализ речевого материала нуждается в уточнении терминологического аппарата, так как до настоящего времени в науке не сложилась единая концепция «аксиологического статуса слова» [Скляревская, с. 57].

В настоящем исследовании использованы следующие терминологические понятия: *аксиологема* — номинация ценности; *контраксиологема* — номинация антиценности; *аксиологический лексикон* — сложившаяся в национальной лингвокультуре система аксиологем и контраксиологем. Установлена необходимость выявления контекстуальной аксиологической маркированности слова, словосочетания, высказывания с учетом затекстовой ситуации.

В статье представлены результаты лингвоаксиологической диагностики сверткста традиционных и сетевых российских СМИ периода специальной военной операции на Украине. Предмет анализа — лингвоаксиологические приметы

сегмента сверткста, ограниченного хронологическими рамками апреля — декабря 2023 г. Сквозная тема — контрнаступление (далее также КН) украинских войск (ВСУ). По принципу дополнения привлекаются информационные материалы первых двух месяцев 2024 г.

Со ссылкой на *утекшие документы* РИА «Новости» сообщают, что *КН Украины назначено на 30 апреля (17.04)*¹. Фактическая дата начала КН — 4 июня; переход от КН к *стратегической обороне* объявлен Киевом 4 декабря 2023 г. По истечении времени президент В. В. Путин напоминает, что *ВСУ пять месяцев пытались наступать на Южнодонецком, Артемовском, Запорожском направлениях* (РИА «Новости». 19.11). Вместе с тем атакам подвергаются Москва, центральные и приграничные регионы РФ. Один из примеров:

Сегодня, 19 ноября, силы ПВО пресекли атаку беспилотника на столицу. БПЛА был сбит (Коммерсантъ).

В свертксте транслируется официальная позиция российского государства. В то же время отсылочные высказывания и тексты позволяют понять точки зрения на ход КН самой Украины и стран Запада.

Лингвоаксиологическая специфика анализируемого сверткста

Особая примета сверткста, освещающего КН ВСУ, — экспансия военной лексики [Бодриков; Склярова], ее высокая частотность². Контраксиологема *война* (далее также — *в.*) употребляется в 78 806 высказываниях. Ключевой статус последней поддерживается расширением атрибутивной сочетаемости: *информационная в., пропагандистская в., санкционная в., экономическая в., психологическая в., идеологическая в., лингвистическая в., гибридная в., ментальная в.* Ставшее устойчивым сочетание *специальная военная операция* зафиксировано в 31 447 высказываниях; аббревиатура *СВО* — в 56 385 контекстах. В речевой оборот вводится лексема *прокси-война* (129 употреблений). Контекстное значение: «Вооруженная борьба между Украиной и Россией, которая ведется киевским режимом с использованием ресурсов третьей стороны — стран Запада»:

Англосаксы не собираются завершить прокси-войну против России (РГ. 30.01.24).

Активно используются глаголы, в семантике которых закреплены компоненты уничтожения, разрушения. Отметим глагольные единицы в порядке убывания частотности: *уничтожить* (22 536 употреблений), *убить* (19 066), *бить* (18 736), *воевать* (16 241), *повредить* (14 314), *поразить* (12 940), *ликвидировать* (12 612),

¹ Здесь и далее извлечения из текстов СМИ, освещающих СВО в режиме реального времени, передаются светлым курсивом. В круглых скобках указаны день и месяц 2023 г.; в извлечениях из текстов 2024 г. в скобках указан год.

² Частотность слов и словосочетаний отмечается с опорой на базу данных «Интегрум» (integrum.ru). Хронологические рамки: 30 апреля 2023 г. — 31 декабря 2023 г.

разрушить (12 165), *сразаться* (12 081), *сбить* (11 676), *атаковать* (10 898), *ударить* (10 460), *стрелять* (7320), *уничтожать* (6962), *напасть* (6568), *взорвать* (3955), *расстрелять* (3944), *отбить* (3870), *разгромить* (3751), *обстрелять* (1976), *штурмовать* (1944), *заминировать* (1213). Активно употребляются однокоренные существительные: *удар* (36 898), *атака* (25 317), *поражение* (20 412), *мина* (14 924), *ликвидация* (14 760), *обстрел* (12 701), *уничтожение* (12 115), *нападение* (10 422), *разрушение* (9836), *разгром* (3264), *крушение* (2693), *расстрел* (2339), *разминирование* (1113). Тематическое слово *контрнаступление* зафиксировано базой данных «Интегрум» в 5975 высказываниях и устойчиво употребляется как контраксиологема.

При освещении хода КН значимыми оказываются определенный день, время суток и даже час:

Военная операция РФ на Украине. День 416-й (Газета.Ру. 16.04);
569-й день войны на Украине (Р1.18.09).

Ср.: *Ночью ПВО отразили атаку 20 дронов в российских регионах. <...> Четыре часа назад Собянин сообщил об отражении атаки нескольких БПЛА на Москву* (Life.ru. 26.11).

Ставка Киева на «*перемогу*» оказалась неосуществимой:

КН ВСУ сдулось, как мыльный пузырь (РИА «Новости». 18.09);
КН... провалилось (Там же. 09.11);
Зеленский признал, что КН не закончится хеппи-эндом (Life.ru. 08.11).

Идея Запада *принести раненого российского медведя на тарелочке не сработала* (ТВЦ. 20.01.24).

Информация о переходе к *стратегической обороне* распространяется в декабре 2023 г.:

Вместо обещанного КН Киев займется строительством оборонительных сооружений от Донбасса до Западной Украины (РГ. 01.12);
...начнет возводить зубы дракона (Р1. 14.12).

Оборона не исключает *мясных штурмов* и терактов:

ВСУ нанесли... 40 ударов по Херсонской области (ТАСС. 09.12).

Расчеловечивание не в последнюю очередь мотивируется выгодой:

В ВСУ сформированы... диверсионные группы для уничтожения священников. За голову назначили 250 тысяч рублей (РГ. 01.12).

Аксиологическая маркированность отдельных единиц зависит от заданной политической позиции противоборствующих сторон. В двусоставных глагольных предложениях обозначены коллективные субъекты-действователи; называются имена политических лидеров, военачальников, военкоров, а также независимых политиков и простых граждан.

Обозначим основные номинации коллективных субъектов-действователей украинской стороны противостояния: *Украина, Киев, киевский режим, ВСУ, украинские вояки, бандеровцы, националисты, диверсанты, наемники*. В соответствующих высказываниях активизируются концепты русофобии, превосходства, западничества, мести.

Киевский режим пропагандирует «войну за идею», предполагающую осознание украинцами европейской (фактически — западноевропейской, но не восточнославянской) идентичности, духовное отстранение от русского мира и уничтожение последнего:

Против России и Беларуси ведется самая настоящая ментальная война (РГ. 25.11).

Цитируется руководящее аксиологическое суждение министра образования Украины:

«Мы не имеем ничего общего с русским миром. Мы европейцы. В школах не должны изучать русский язык. Таков закон» (ТК1. 07.09).

Отметим, что борьба за правовой статус русского языка сопровождает десятилетнее противостояние народов Донбасса насильственной украинизации [Великий Блокпост; Документ эпохи; Купина]. Ментальной мишенью становится православие: в период КН президент Зеленский активизирует *религиозную войну*.

Идеологический маховик погружает жителей Украины в пучину ненависти. Русскоязычное население с ужасом воспринимает взрыв ксенофобии, которая поддерживается «триадой враждебности», т. е. синтезом эмоций «гнева, отвращения, презрения» [Изард, с. 286]. Ненависть служит психологическим оправданием насилия и убийств:

Пленный рассказал о расправе над жителями Запорожья за поддержку русских и России (РИА «Новости». 06.11);

Спикер Рады Степанчук, не замечая собственной политической ошибки, публично замечает, что никаких меньшинств на Украине нет и не может быть <...> и их права должны быть ущемлены (ТАСС. 20.11).

Убийства россиян возводятся украинской пропагандой в общемировой моральный долг:

На Украине попросили Цукерберга разрешить призывы к убийству российских солдат на платформе «Мета»* (Lenta.Ru. 27.01.24).

Уничтожение российских солдат на поле боя в процессе КН сопровождалось применением ВСУ американских химических боеприпасов. Об этом сообщил генерал-лейтенант Игорь Кириллов (РГ. 20.02.24). Очевидно нарушение требований Конвенции о запрещении химического оружия.

---

* Компания Meta признана экстремистской организацией и запрещена в России.

Универсальная константа человечности перемещается на периферию аксиологических компонентов концептуальных смыслов. Жажда крови ненавистного противника вызывает эйфорию:

В ночь на 3 мая киевский режим попытался двумя беспилотниками нанести удар по резиденции главы государства в Кремле. Летательные аппараты вывели из строя при помощи систем радиолокации обороны (РИА «Новости». 03.05).

Один из высокопоставленных чиновников откровенно признается:

«Для меня, как для любого украинца, удары по Москве — это большое удовольствие» (Р1. 31.05).

Атаки на гражданские объекты, на мирное население, на отступников проводятся по указанию командования не только в период КН, но и после объявления о его завершении:

На Артемовском направлении военные ВСУ получили приказ наносить артиллерийские удары по отступающим и сдающимся в плен сослуживцам (РГ. 25.01.24).

Вести из Лисичанска (ЛНР):

Украинские военные целенаправленно нанесли ракетный удар по старикам, женщинам и детям. Рядом с хлебопекарней нет ни одного военного объекта (Там же. 05.02.24).

Министерство обороны России неоднократно заявляет о том, что прицельные удары по гражданским объектам армией РФ не наносятся.

Уничтожают мирных жителей по собственной инициативе украинские военнослужащие. О патологических сдвигах в аксиологическом сознании свидетельствует чувство радости, которое доставляют совершаемые убийства:

Украинские военные просто от скуки или от злости расстреливают мирных безоружных граждан (РГ. 11.05).

«Российская газета» сообщает о трагических событиях, которые противоречат гуманитарным ценностным установкам:

Националисты «Правого сектора» (запрещенная в РФ террористическая организация) убили 22 мирных жителя Херсонской области (РГ. 09.10);

В одной из школ Лисичанска изверги... обустроили пыточную. Детей истязали, насиловали. Всё это снимали на видео (Там же. 22.06).

«Слезинка ребенка» не трогает костоломов. Сообщается, что в октябре *право-защитники издали книгу о преступлениях неонацистов* (Там же. 17.08).

Пропагандистская война на Украине сопровождается неустанной работой *фейккометов*. Недостоверная информация оправдывает необходимость физического уничтожения российских журналистов, которые становятся особой мишенью:

Националисты нанесли удар с БПЛА по группе журналистов. Журналист ВГТРК Максудов, командированный в Запорожье, получил ранение и скончался. Произошедшее — это акт мести от бессилия (Р1. 22.11).

СМИ сообщают, что в результате теракта погиб талантливый писатель и журналист Владлен Татарский. Следственным комитетом расследуются *убийства Дарьи Дугиной, покушения на Захара Прилепина, Владимира Соловьева* (РГ. 19.10).

Нарушая нормы международного правового законодательства, боевики *зверствуют над пленными, расстреливают отказников и даже, по указанию командования, которое не желает выплачивать компенсацию семьям погибших, оставляют их на поле боя непогребенными* (РИА «Новости». 05.09). Приведем спонтанное суждение российского офицера, оказавшегося невольным свидетелем бесчеловечности противника:

«Это не по-воински, конечно» (РГ. 04.10).

Беспощадность ужасает. Вот еще одно свидетельство россиянина — рядового с позывным «Наиль»:

«В плен я попал прямо на больничной простыне. Несмотря на мое состояние, со мной не церемонились. Было жестоко, конечно. Ухо вот пытались отрезать» (Там же. 22.09).

Фото казни троих безоружных российских военных выложил в интернет французский наемник (Там же. 27.04). Известно, что казнь, или смертный приговор, осуществляется только органами права, а не лицами, состоящими на службе в армии. Расстрелы, демонстративные казни безоружных людей — нарушение международного законодательства и универсальных морально-нравственных констант культуры. Украинские СМИ, поддерживающие ментальную войну, тиражируют русофобские аксиологические установки, не лишённые злорадства:

Москаль — лучший корм для червя; «Горит москаль» (заглавие лжепатриотической песни) (ТВЦ. 13.05).

Неприглядная действительность обнаруживает, что горят и становятся «кормом для насекомых» украинцы из числа отказников и военных, пожелавших добровольно сдаться в плен.

Чужой менталитет порождает сопротивление: появляются не только *уклонисты от всеобщей мобилизации* (фактически — *могилизации*), но и противники зверств. Группы украинских пленных переходят на сторону РФ. Слова клятвы:

«Мы даем присягу русскому народу, но не предавая при этом украинский народ. Мы всегда остаемся вместе, потому что мы братья» (Lenta.Ru. 17.11).

Оба народа осознают бесчеловечность ментальной войны, аксиология которой противоречит историческим традициям. Очевиден неприкрытый национализм. Обобщающее аксиологическое суждение:

Действия украинских боевиков... напоминают поведение карателей и зондеркоманд (РГ. 14.04).

Задачу денацификации осуществляют Вооруженные силы России в процессе СВО.

Смена руководства ВСУ после провала КН ознаменована поражением — беспорядочным бегством подразделений ВСУ из Авдеевки. Сдача Авдеевки 17 февраля 2024 г. оценивается Западом как *предвестник новых поражений украинской армии*. Прямое следствие: *поддерживать сыплющийся в пропасть киевский режим абсолютно бессмысленно* (РГ. 19.02.24).

В свертхтексте российских СМИ с помощью «характеризующих предикатов» [Арутюнова, с. 8] «Незалежна» оценивается как *заложница кураторов зла, марионетка, инструмент* в борьбе с Россией. По словам В. В. Путина, *стратегическим противником России являются западные страны* (ТВЦ. 23.12).

Номинаруются коллективные субъекты-действители западной стороны конфликта: *коллективный Запад, ЕС, НАТО, США, Вашингтон, Германия, Франция, недружественные страны* (термин, законодательно закрепленный с 2018 г., употребляется в значении: «государства, политика которых направлена на нарушение территориальной целостности и стабильности России»). Называются имена политических лидеров, военачальников, журналистов, общественных деятелей. Их высказывания, не всегда совпадающие с официальной точкой зрения, цитируются.

Ценностные установки коллективного Запада выявляются российской стороной противостояния: *гегемония, сила, выгода, прибыль, корыстное спонсорство*. Подчеркивается манипулятивное использование ценностей либеральной демократии. Аксиологическое суждение:

Коллективный Запад взял курс на нанесение России «стратегического поражения» в развязанной против Москвы гибридной войне (Известия. 30.10);
...превратил братскую страну в оборотня, ненавидящего Россию (ТВЦ. 30.06).

Россия к объявленной войне готова:

Отрыв Украины от России произошел под давлением и прямыми действиями Запада. Этому нужно положить конец (Life.ru. 07.12);
Вашингтон назначил себя мировым жандармом (ТК1. 13.04).

Ироническое замечание:

Вот мы всё про «Вашингтонский обком» любим говорить, но похоже, что курировать Европу и Украину поручено «Лондонскому райкому» (КП. 09.12).

Накачивая Украину оружием, Запад делал ставку на успех КН. Когда провал последнего стал общепризнанным, пришлось заявить об *отсутствии для помощи Киеву «волшебного горшочка»* (РБК. 04.12), «волшебной палочки» (ТАСС. 21.10). США и их союзники начинают осознавать, что миллиардная поддержка деньгами

и оружием была направлена *в топку украинского конфликта*, но полностью не отказываются от поддержки. В этой ситуации Палата представителей США была вынуждена уйти *в отпуск до конца февраля без согласования помощи Украине* (Lenta.Ru. 19.02.24).

Очевидными становятся утилитарные ценностные ориентиры:

Байден говорит, что конфликт на Украине — это новые рабочие места в США (РГ. 01.11);

Война делает могущественным американский ВПК (ТВЦ. 28.01.24);

США втянуло НАТО в конфликт на Украине, чтобы получить наибольшую выгоду от продажи оружия (РГ. 02.12);

Коррупционная Украина сейчас клондайк для Запада, особый бизнес-проект (ТВЦ. 18.04).

Война — выгодное предприятие и общий *коррупционный проект*:

Украинские чиновники воруют не только для себя, но и «для того парня». А те парни находятся и в Вашингтоне, и в Лондоне (Стратегия России. 29.09).

Режиссер Оливер Стоун придерживается особого мнения:

США хотят лишить Россию суверенности ради захвата ее ресурсов (РИА «Новости». 20.11).

В приведенных высказываниях речевые единицы *выгода, прибыль, бизнес-проект, коррупционный проект* выполняют функции контраксиологем.

Провальный финал КН и возникший израильско-палестинский конфликт позволяют констатировать: *Лавочка для Украины прикрыта* (ТВЦ. 30.11), но не закрыта окончательно. Замыслы западных стратегов подогреваются становящимися позволительными в публичном пространстве русофобскими высказываниями. Вот слова американского генерала-ястреба:

«Не должно быть ни одного русского, который, ложась спать, не думает, что ему перережут горло» (ТК1. 06.12).

Агрессивная риторика не ослабевает и в феврале 2024 г.

Обозначим основные номинации коллективных субъектов-действователей российской стороны противостояния: *Россия, РФ, Москва, Кремль, российская армия, военнослужащие РФ, добровольцы, солдаты, офицеры, наши герои*.

«Конкретная ценностная архитектоника» сверттекста российских СМИ [Бахтин, с. 142] формируется на базе вербализованных ментально значимых смыслов правого дела, суверенитета, самодостаточности, свободы, обороноспособности, безопасности, справедливости, взаимопомощи. В ядре аксиологического лексикона — коллективное *МЫ* — «единство самой множественности... вне которого немисливо никакое человеческое разделение» [Франк, с. 92]. В основе единения — общий духовный порыв, милосердие, справедливость:

Россия спасает своих соотечественников, которые оказались под властью киевской хунты (ТК1. 02.05);

КН зашло в тупик, однако российские войска продолжают вести активную оборону... и наращивать боевой потенциал (Известия. 01.12).

Аксиологическое суждение:

Каждый сбитый офицером реактивный снаряд, ракета или беспилотник — это спасенные жизни наших солдат и мирных жителей, чьи-то сохраненные дома (РГ. 23.11).

Присоединение к Российской Федерации Крыма, а также Донецкой, Луганской, Запорожской, Херсонской областей — ментальное оправдание защиты освобожденных территорий. Известно, что результаты референдумов, проведенных 10 лет назад в Крыму (*Крымская весна* — февраль — март 2014 г.) и 22–23 сентября 2022 г. в упомянутых выше областях, не признаны Западом и Украиной. По словам В. В. Путина, *Россия стала бы дряхлой, никому не нужной страной, если бы не вступилась за своих людей в Крыму и на Донбассе (РГ. 05.02.24).*

Аксиологическую маркированность приобретают топонимы и оттопонимические образования, с которыми связываются страдания жителей российских городов и деревень. Выделяются исконно русские названия географических точек глубинной провинции: *белгородское село Лозовая Рудка (МК. 27.07); поселок Запесочье Брянской области (Газета.Ру. 09.12)*. Даты показывают, что атаки на российские территории, осуществляемые после официального объявления о завершении КН, выступают как «маркеры слабости позиции» [Базжина] агрессора. Предсказуема ответная реакция:

Россия нанесла удары возмездия по военным объектам в Одессе и Николаеве (РИА «Новости». 20.07);

Армия России нанесла удары возмездия за Крымский мост (Там же. 27.07).

Ср.: *Мсть по-киевски: Экс-депутата Рады Илью Киву застрелили по заказу из Киева (РГ. 08.12).*

В сверхтексте концептуализируется местоимение *наши*. Координация форм числа поддерживает традиционное понимание персонального как органической части совместного, коллективного. Типичные сочетания: *наши войны, наши бойцы, наши солдаты, наши ребята, наши герои; наш человек (на поле боя), наш танкист* и др. Обобщающие аксиологические суждения содержат прямые номинации ценностей:

Подлинную свободу защищают сейчас наши парни, мужчины, солдаты и офицеры, дочери отечества (РИА «Новости». 28.11);

Наши солдаты и офицеры достойно продолжают ратные традиции своих предшественников, героически сражаются за наш мир и покой, за своих боевых товарищей, за Родину (Новое время. 22.02.24).

Вместе с российской армией сегодня сражается *непокоренный Донбасс* [Знаменитые люди Донбасса].

Наши — не только этнические русские. Это все россияне. В России, по результатам новейших социолингвистических исследований, функционируют 155 живых языков. В их числе — украинский (см.: РБК. 03.02.24). Русский язык, выполняя функцию межнационального общения, объединяет все этносы. «Отсутствие национального чванства», высокомерия, по словам академика Д. С. Лихачева, отличает русский народ (см.: РГ. 07.02.24).

Моральный дух *наших военных* поддерживает проникновенное родное слово. Это не только адресованные участникам СВО сердечные письма, но и стихи:

В окопах рождаются особенные стихотворные строки, сочиненные бойцами (ТК1.19.07).

Развивается *Z-поэзия* — о родине, о войне, об окопной правде (см.: РГ. 02.02.24), о лучших качествах *наших людей*, о воинском братстве. Мужество, сила духа, самоотверженность в сочетании с милосердием вызывают чувство гордости:

Мы гордимся участниками специальной военной операции, всеми, кто сражается на передовой, кто под огнем обеспечивает фронт, спасает раненых (РГ. 10.05).

Веру в победу поддерживает осознание непревзойденности отечественного оружия:

Российское оружие эффективно противодействует самой современной западной технике (Там же. 13.11);

Самыми результативными и грозными с начала проведения военной спецоперации объективно стали высокоточные ракеты «Калибр» (Там же. 20.11).

В границах оппозиции *наше* — *западное* (вооружение) номинации новейших российских разработок употребляются как аксиологемы, западных — как контр-аксиологемы:

Наши средства ПВО в течение суток перехватили два реактивных снаряда HIMARS и американскую управляемую авиационную бомбу JDAM (Там же. 15.11);

Собранный екатеринбуржцами дрон-камикадзе «Огурец» начали успешно при-менять в зоне СВО (Life.ru. 07.12).

Ср.: *Американские высокоточные ракеты M982 Excalibur не способны выстоять против российских систем радиоэлектронной борьбы* (Lenta.Ru. 20.11).

Неизменной победой россиян завершаются *артиллерийские дуэли*:

Немецкие танки «Леопард», британские «Челенджер» и американские «Абрамсы» не помогут ВСУ изменить ситуацию на фронте (РИА «Новости». 26.11);

«Леопарды» и «Бредли» уничтожаем без проблем (РГ. 04.10).

Российские военные, сопротивляясь, не теряют собственного достоинства и чувства юмора:

Они пытаются штурмануть, но мы не даем (Р1. 02.06);

Украинским штурмовым группам дали по зубам на Южно-Донецком направлении (Life.ru. 11.08).

Итоговое аксиологическое суждение:

Старый Свет сейчас находится в ситуации сбитого летчика (ТВЦ. 01.11).

Речевое существование военного времени, как свидетельствуют результаты анализа, обнаруживает «лингвистически релевантные кванты переживаемого знания» [Карасик, с. 7], способствующие активизации исторически сложившихся аксиологических констант русской культуры.

Заключение

В свертхтексте российских СМИ обозначены перспективы СВО после провала КН. Ключевой вопрос: возможно ли дипломатическое разрешение конфликта? Президент Путин, обращаясь 4 декабря 2023 г. к гражданам России, сформулировал государственную точку зрения: *Мир будет тогда, когда достигнем целей специальной военной операции. Они не меняются.* Он отметил целесообразность дипломатических контактов (глагольные аксиологемы: *договариваться, консультироваться, обсуждать, сотрудничать*). В послании Федеральному собранию президент подтвердил открытость страны для конструктивного сотрудничества:

Россия готова к диалогу с США по вопросам стратегической безопасности (ТК1. 29.02.24).

Слово *переговоры* стало одним из ключевых в интервью американскому журналисту Такеру Карлсону (ТК1. 09.02.24). Интервью пробило информационную блокаду России и обусловило возможность объективного осмысления реальности и проведения межгосударственных переговоров *на условиях учета ситуации де-факто* (РИА Новости. 22.02.24).

Политики-реалисты не исключают мирного завершения конфликта. Так, премьер-министр Словакии Роберт Фицо полагает, что *единственным способом прекратить российскую военную операцию является уступка Украине части своей территории* (Коммерсантъ. 22.01.24). Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан призывает ЕС *«проявить силу»* для сотрудничества с Россией (ТАСС. 11.02.24).

Возглавляемый США коллективный Запад блокирует переговоры. Лидер ЕС Боррель называет *ошибочной идеей дипломатического урегулирования конфликта* (РИА «Новости». 31.01.24). Государственный секретарь Блинкен утверждает, что *США не видят условий для переговоров по Украине* (Там же. 21.02.24). Манипулятивный вариант — *передышка*, объявленная по типу Минских соглашений, позволяющая Украине подготовиться к новым военным действиям.

«Российская газета» 21 августа сообщает, что *в Раду внесли постановление, запрещающее прекращение войны при наличии территориальных уступок*. В конце февраля 2024 г. киевский режим, агония которого очевидна, пытается убедить спонсоров в победоносности *нового КН* (ТВЦ. 23.02.24). Более того, несмотря на назревающий бунт в войсках и устрашающий *призрак майдана*, Зеленский сообщает о претензиях Киева на *территории РФ*, которые *исторически населены украинцами* (ТАСС. 10.02.24).

Не исключается катастрофический вариант: прямой конфликт НАТО с Россией; третья мировая война с применением ядерного оружия.

В текущий момент (конец февраля 2024 г.) вопрос о дипломатическом разрешении украинского конфликта остается открытым, но не исчезает надежда на восстановление мира между двумя братскими народами.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Базжина Т. В. Агрессия как маркер слабости позиции // Агрессия в языке и речи : сб. ст. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М., 2004. С. 242–254.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бодриков А. Б. Милитарные макроконцепты в русской лингвокультуре : монография. Красноярск, 2023.

Великий Блокпост: Антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. СПб., 2023.

Документ эпохи. Письма из Донецка (2015–2023 гг.) / Л. П. Квашина, Н. В. Пращерук. СПб., 2024.

Знаменитые люди Донбасса. М., 2023. (Сер. : Библиотека Донбасса).

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2006.

Карасик В. И. Языковая лестница познания : монография. М., 2022.

Купина Н. А. Поэзия многострадального Донбасса: верность русскому слову // Полит. лингвистика. 2023. № 6. С. 20–27.

Скляревская Г. Н. К вопросу о стилистических пометах как средстве экспликации языковой оценки // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2019. С. 56–58.

Склярова Н. Г. Лингвосемиотика милитарно-медийного дискурса : монография. М., 2019.

Франк С. Л. «Я» и «Мы» // Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Paris, 1930. С. 83–97.

Источники

Газета.Ру

«Известия»

«Коммерсантъ»

КП — радио «Комсомольская правда»

МК — газета «Московский комсомолец»

«Новое время»

РБК — группа компаний «РосБизнес

Консалтинг»

РГ — «Российская газета»

РИА «Новости»

Р1 — телевизионный канал «Россия 1»

«Стратегия России»

ТАСС — информационное агентство

ТВЦ — телевизионный канал «ТВ Центр»

ТК1 — Первый канал

Lenta.Ru

Life.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2024 г.

Научная статья

УДК 070:27-72 + 322 + 316.653 + 316.774:355.01 + 316.4 + 070.1:004.032.5

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.023

ВОЕННАЯ ТЕМА В ПРАВОСЛАВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Андрей Леонидович Ямшанов

*Негосударственное частное учреждение —
образовательная организация высшего образования
«Миссионерский институт»,
Екатеринбург, Россия,
gazetaz@yandex.ru*

А н н о т а ц и я. В статье рассмотрены аспекты реализации военной темы в православной журналистике. Исследование посвящено российским православным средствам массовой информации, реализующим эту социально значимую тему в своих текстах. Актуальность темы обусловлена ситуацией, сложившейся в современном обществе, где значимость миссии православных массмедиа возрастает многократно. Объектом исследования являются публикации российских православных СМИ в наиболее характерный для выбранной темы период — с 2022 по 2024 г., посвященные армии. Предметом исследования выступают особенности репрезентации темы защиты Отечества в православной журналистике, стратегии реализации христианских концептов в публикациях православных журналистов. Целью работы является характеристика практики реализации военной темы в православных СМИ России. Задачами исследования стали показ важности защиты Отечества в системе православных духовных ценностей, представление православной журналистики как части медиасферы современной России, выявление наиболее популярных православных печатных СМИ и интернет-сайтов, анализ присутствия и обозначение направления развития в них военной темы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: церковь; армия; государство; общество; военная тема; вооруженный конфликт

THE MILITARY THEME IN ORTHODOX JOURNALISM

Andrey L. Yamshanov

*Non-governmental private institution —
educational organization of higher education «Missionary Institute»,
Ekaterinburg, Russia,
gazetaz@yandex.ru*

Abstract. This article is devoted to the implementation of the military theme in Orthodox journalism. The study is devoted to the Russian Orthodox media, which

© Ямшанов А. Л., 2024

realize this socially significant theme in their texts. The relevance of the topic is conditioned by the situation in modern society, where the importance of the mission of the Orthodox media is increasing manifold. The object of the study is the publications of the Russian Orthodox media in the most typical for the selected topic period from 2022 to 2024, dedicated to the army. The subject of the study is the peculiarities of representation of the theme of defense of the Fatherland in Orthodox journalism, strategies for the implementation of Christian concepts in the publications of Orthodox journalists. The purpose of the study is to characterize the implementation of the military theme in the Orthodox media in Russia. The objectives of the study were to show the importance of the defense of the Fatherland in the system of Orthodox spiritual values, to present Orthodox journalism as part of the media sphere of modern Russia, to identify the most popular Orthodox print media and Internet sites, to analyze the presence, and identify the direction of development of the military theme in them.

К е у в о р д с: church; army; state; society; military theme; armed conflict

Основным ресурсом информационного общества является информация, позволяющая владеть технологиями и процессами, влияющими на качество нашей жизни. Формирование единого информационного пространства России, обеспечение информационной безопасности личности и общества невозможно без нормативно-правового регулирования деятельности средств массовой информации. Законодательство о СМИ включает федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и другие нормативно-правовые акты органов государственной власти.

И здесь важную роль играет руководство общественным развитием в виде разработанного законодательства о свободе совести, о роли Русской православной церкви и религии в условиях развития демократии, о свободе вероисповедания, о новых возможностях духовной жизни. Законодательство в области свободы совести, взаимопонимания Церкви и государства стало определяющим в поведении и государства, и Церкви, и средств массовой информации.

На современном этапе перед государством стоит важная задача реализации информационной политики, направленной на формирование у россиян понимания себя как народа с осознанной идентичностью, способного в любой момент встать на защиту своего Отечества.

Сегодня мы видим, как чрезвычайно востребован выход на «передовую» отечественных медиа, и прежде всего тех профессионалов, которые создают идеологический контент. Православная журналистика — не исключение. Это относительно молодое направление, и по своему определению оно призвано пропагандировать общечеловеческие идеалы, согласные с опытом христианства. Православная журналистика предстает как проводник духовно-нравственных ценностей в информационном поле современной России, как часть ее медиасферы.

Несмотря на достаточно большой объем публикаций, появившихся в последние годы в сфере российских медиа, комплексного и системного подхода в изучении феномена военной темы в православной журналистике нет, современные исследования по данной теме также отсутствуют. Нет и работ, представляющих

анализ развития православной журналистики в этом направлении. А между тем именно сегодня важно говорить на эту тему, что мотивировано современной социокультурной ситуацией и проводимой специальной военной операцией.

Тема защиты Отечества и ее реализация в православных медиа

Сегодня Русская православная церковь возлагает на себя ответственность за моральное состояние армии, оказывая существенную поддержку государству в сфере безопасности. Средства массовой информации, как церковные, так и СМИ Министерства обороны, активно информируют граждан о пастырской, духовно-просветительской, воспитательной роли Церкви в воинских коллективах.

Из публикаций мы видим, что военные священники принимают участие в различных учебно-боевых задачах подразделений, где служат в качестве штатных и внештатных помощников командиров, несут пастырскую службу во время стратегических учений различного уровня, окормляют воинство в морских походах и в ходе развернувшейся ныне специальной военной операции на Украине.

Особо подчеркивается, что в армии продолжается возрождение традиций православия. В воинских частях распространяется православная литература, рекомендованная для чтения военнослужащим. В публикациях говорится о таких ритуалах, как освящение знаков воинского отличия, вооружения и военной техники, совершение чина благословения на воинское служение, особенно часто — в день принятия присяги новобранцами.

В сети действует сайт Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами robeda.ru. С января 2003 г. центральный печатный орган МО РФ газета «Красная звезда» стала выходить с ежемесячным приложением «Победа, победившая мир» (4 полосы, 50 тыс. экз.), которое готовилось совместно редакцией и Синодальным отделом. Это издание оказалось очень полезным для тех, кто занимался решением проблем национально-религиозной самоидентификации.

На сайте kapellan.ru (журнал «Вестник военного и морского духовенства») публикуются новости о взаимодействии двух институтов: Церкви и армии. Этой теме посвящены журналистские материалы ведущих православных интернет-сайтов и печатных изданий, что станет предметом нашего дальнейшего исследования.

Роль армии сейчас осмысливается по-новому. Армия — ценность, гарант исторического выживания, воспроизводства общества и его традиций. Армия имеет многоуровневые культурные и духовные связи с обществом. Вместе с тем армия нуждается в уважении и поддержке. При освещении военных тем журналисты пропускают все события через себя, через личный опыт, что увеличивает силу и убедительность их публикаций. Журналистское слово — важное средство защиты того, что для нас свято, дорого и ценно.

Выступая 21 июня 2022 г. на XX фестивале «Православие и СМИ» в Тобольске, заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви

с обществом и СМИ В. В. Кипшидзе назвал защиту журналистами традиционных ценностей новой формой исповедничества в современном мире. Его цитирует sinfo-mp.ru:

В современном обществе журналистское служение тех, кто защищает ценности, защищает святых, является, на мой взгляд, новой формой исповедничества. Мы знаем, что исповедники прошлого отстаивали свою веру вопреки давлению, лжи, вопреки угрозе их жизни. Вот такое время во многом и сейчас. И мы должны нести свое служение именно так, как исповедничество, иначе мы просто не сможем изменить мир и станем потребителями информации, которую нам навязывают силы, враждебные Православию, враждебные нашей стране [В Тобольске проходит XX Межрегиональный фестиваль-конкурс...].

Русская православная церковь организует свою журналистскую деятельность в трех областях: формирование собственных церковных СМИ, церковное присутствие в светских СМИ, организация информационного обеспечения для публикации в светских СМИ.

Журналистика — это и выполнение профессиональных обязанностей, и реализация творческого потенциала. Но универсальной ее особенностью было и остается создание текста. Того самого контента, что определяет большинство характеристик участников современного медийного движения.

Что это за контент? Сейчас нам представляется возможным сказать о православной составляющей российской журналистики. Иначе — о той ее части, что рассматривает вопросы войны и мира, культуры, социологии и другие с позиции православных традиций, ставит своей целью духовно-нравственное просвещение людей.

Характеризуя в своей статье методологические особенности изучения деятельности православной журналистики, доцент кафедры журналистики Института массмедиа РГГУ Н. А. Костикова отмечает, что это один из видов религиозной журналистики, затрагивающий область православной религии и освещающий различные аспекты деятельности Русской православной церкви. Автор указывает, что в исследованиях в области православных медиа пока нет четкого определения базовых для данной сферы понятий. Так, понятия «православная журналистика», по сути, вовсе не существует, оно подменяется понятием «церковная журналистика», которое заметно сужает предметную область и несет в себе резкое противопоставление светским изданиям [Костикова].

На VII Международном фестивале «Вера и слово» к числу насущных вопросов было отнесено умение представлять и отстаивать позицию Церкви в информационном пространстве [Церковный вестник]. В связи с этим возникла потребность в определении православной журналистики как таковой.

По словам известного публициста протоиерея Владимира Вигилянского, определение «православная журналистика» — не видовое, а скорее метафорическое. Однако термин имеет право на существование. Ведь любой взгляд на жизнь, события, людей с точки зрения Евангелия является православным.

Необязательно писать только о Церкви, говорит он, можно писать о спорте, или об экономике, или о частной жизни людей, но так, что это будет настоящая православная журналистика. Термин «православная журналистика» возможен, но не как журналистская спецификация, а как духовное определение.

Красивый термин легко вошел в наш обиход и утвердился в речах самых разных представителей нашего общества. Так, по словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, главное дело, которому призван православный журналист, — это дело служения Господу Спасителю, это осуществление миссии Церкви в очень специфической среде.

Глава Синодального информационного отдела Владимир Легойда на встрече с участниками VI Международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово» представил специальное издание труда патриарха Кирилла «Свобода и ответственность: в поисках гармонии», адресованное участникам фестиваля, и заявил, что развитие православной журналистики без следования цели свидетельства о Христе — это путь в никуда. Он уверен, что «...смысл православного СМИ — свидетельство о Христе, по сути, апостольское служение. Если православное СМИ пишет преимущественно о политических вопросах или о православной кухне, но не о Христе — то оно бесполезно» [Легойда].

Представитель Церкви отметил, что православная журналистика предполагает движение вглубь, а не вширь, она не может развиваться экстенсивно, постоянно расширяя тематику в погоне за аудиторией, даже если это кажется эффективным для повышения популярности издания.

Реалии новой информационной среды оказывают сильное влияние на культурную, общественную и религиозную жизнь. Не остается сомнений, что медиaproстранство становится перспективным средством и благотворной средой для христианского благовестия. Во вступительном слове на VI фестивале «Вера и слово» (2014 г.) патриарх Кирилл четко обозначил главную миссию православного журналиста и публициста: «Церковный журналист — это тот, кто проповедует Христа», «Церковный публицист — это тот же проповедник, который работает на более широком фронте», и указал на главное требование к содержанию материалов такого рода СМИ: «Церковная журналистика должна быть заточена на мысли, на идеи, а не просто на перечне событий и фактов» [Евангелие является бездонным...].

Итак, христианское свидетельство — главная особенность, признак и качество православной журналистики. В настоящей работе нас будут интересовать печать и СМИ нового типа (сетевые издания), и в частности интернет-СМИ и интернет-представительства офлайн-СМИ как наиболее весомые православные контенты, сочетающие в себе новостную и аналитическую журналистику.

Для работы мы отобрали 3 печатных издания (СМИ центральные и епархиальные) и 5 интернет-изданий (СМИ электронные с наивысшими показателями публичности).

По тематической отнесенности: журнал «Журнал Московской патриархии» (печатный) — 5 материалов статейного формата; журнал «Фома»

(печатный) — 2 материала; «Православная газета» (печатная) — 12 материалов, газета «Церковный вестник» (электронная) — 22 материала; официальный сайт Московской патриархии — 86 материалов; интернет-журнал «Религия и СМИ» — 9 материалов; сайт Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ (sinfo-mp.ru) — 2 материала аналитического характера; сайт Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами (pobeda.ru) — 22 материала статейного формата; сайт журнала «Вестник военного и морского духовенства» (kapellan.ru) — 11 материалов информационно-методического характера.

Печать

Основной рабочий материал прессы — это слово и изображение. Пресса сегодня концентрируется на информационных интересах какой-либо отдельной группы людей, не претендуя на всеохватность. Газета удобна тогда, когда есть необходимость выхода на территориально локализованную аудиторию.

Охарактеризуем исследуемые издания. «Журнал Московской патриархии» — старейший журнал Русской православной церкви, ее официальный печатный орган. Издается с 1931 г. Весной 2009 г. патриарх Кирилл поставил вопрос о приведении содержания и внешнего вида журнала в соответствие с задачами, стоящими перед Русской православной церковью. Сегодня в «Журнале Московской патриархии» отражаются все сферы современной церковной жизни, в том числе проблемы духовного образования, социального служения Церкви, ее взаимодействия с Вооруженными силами, пастырского попечения о военнослужащих, миссионерской работы [Официальный сайт Русской православной церкви].

Одним из крупнейших в России православных средств массовой информации является журнал «Фома». Это православный журнал для сомневающих, он был основан в 1996 г. Журнал выходит каждый месяц тиражом 25 тыс. экз. Основная миссия проекта, говорится в аннотации к изданию, — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской православной церкви» [Журнал «Фома»]. В публикациях журнала не обсуждается светская политика, равно как и военная тема. В данной работе мы не могли не отметить тот факт, что в номерах журнала за 2022–2023 гг. практически отсутствуют статьи о взаимоотношениях общества и армии, Вооруженных силах, военной истории. В качестве иллюстрации общей картины СМИ автор считает необходимым показать пример независимости популярности издания от популярности тем, обсуждаемых в обществе.

Особым авторитетом не только на Урале, но и за его пределами пользуется «Православная газета» — официальное издание Екатеринбургской епархии Русской православной церкви (www.orthodox-newspaper.ru).

Газета выходит с марта 1994 г. и благодаря содержанию, печатному исполнению, формам распространения вызывает большой интерес у широкого круга

читателей. Здесь публикуются статьи о жизни Русской православной церкви и Екатеринбургской епархии, церковных праздниках и традициях, последние новости православного мира, широко освещена военная тема. «Православная газета» одна из первых стала публиковать материалы о поддержке российского воинства в специальной военной операции, гуманитарной помощи армии и жителям Донбасса. Газета выходит еженедельно по понедельникам на 32 цветных страницах формата А3.

СМИ нового типа (сетевые издания)

К СМИ нового типа относятся как цифровые средства массовой информации, так и цифровые носители информации (тексты, статичные изображения, видео, аудио, компьютерные программы, элементы интерфейсов и т. д.), а также медиа-продукты, которые требуют непосредственного активного вовлечения аудитории [Олешко, Малик].

Можно трактовать понятие «сетевые издания» как формат существования средств массовой информации. Остановимся на двух главных форматах.

1. Интернет-представительства офлайн-СМИ. Они предлагают дополнительные возможности: отложенное ознакомление с контентом, адаптацию контента под интересы пользователя, архив контента, поиск по контенту, дополнительный контент, интерактивное взаимодействие, дополнительные сервисы и др. «К марту 2002 г. в русскоязычном каталоге Yandex упоминалось 2136 СМИ, из которых периодические издания — 1697, телевидение — 163, радио — 118. Сегодня едва ли не все традиционные медиа имеют свои представительства в интернете» [Бакина, с. 9].

2. Интернет-СМИ. К этому типу медиа относятся СМИ, для которых сетевая среда как площадка репрезентации контента первична. Безусловно, они могут иметь и традиционные версии представления информации, но начальной, стартовой остается именно интернет-платформа.

Сегодня интернет-СМИ принято классифицировать по нескольким основаниям. Так, в зависимости от доминирующего типа контента они могут быть представлены газетой, журналом, альманахом, телеканалом, радио, информагентством и конвергентным медиа, объединяющим на своей платформе все или почти все обозначенные выше типы СМИ.

Главный официальный сайт Русской православной церкви — «Патриархия.ру», это сайт пресс-службы Московского патриархата, публикующий огромный массив официальной информации. На этом сайте находятся подробные отчеты о ежедневной деятельности патриарха, международные новости, связанные с Церковью, а также значимые для нее документы, такие как «Устав», «Основы социальной концепции», «Основные принципы отношения к инославиям», «Концепция миссионерской деятельности», «Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека» и др.

Отмечается, что официальный характер контента делает ресурс несколько сложным для восприятия неподготовленным пользователем [Берхин], поэтому вниманию широкой читательской аудитории предлагается газета «Церковный вестник» (дата создания 1987 г.), официальное издание Русской православной церкви. Редакция издания регулярно проводит круглые столы по актуальным вопросам церковной жизни, оказывает информационную поддержку церковным и церковно-общественным инициативам [Церковный вестник]. Военная тема представлена в постоянной рубрике «Церковь и армия».

Следует сказать и о сайте «Религия и СМИ» (Religare.ru). Этот справочно-информационный интернет-портал создан в 2002 г. по инициативе Методического совета по освещению религиозной тематики в СМИ и при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Одна из основных задач портала — оказывать экспертную помощь журналистам, работающим с религиозной тематикой, а также религиоведам, социологам, политологам и чиновникам законодательной и исполнительной властей.

Военные вопросы в широком формате представлены на сайте Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами (pobeda.ru). Особо можно выделить рубрики «Институт военного духовенства в России», «Священное Писание о воинском служении», «Воинские храмы», «Великая Отечественная война» и др. В первых позициях сайта — такие темы, как пастырское окормление православных военнослужащих в российской императорской и современной армии, духовные уроки Великой Победы, воспитание воинов государства российского, иконы, связанные с воинскими событиями, и др.

Представленное издание, так же как и журнал «Вестник военного и морского духовенства», в отличие от большинства церковных СМИ, является узкоспециализированным, оно направлено на определенную категорию граждан — на военнослужащих.

Журнал «Вестник военного и морского духовенства» (kapellan.ru) — также официальное издание Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами. Журнал информирует читателей о текущих событиях в сфере взаимодействия религиозных организаций с силовыми структурами, освещает актуальные вопросы служения военных священников в армии и правоохранительных органах, размещает на своих страницах методические пособия и разработки, необходимые военным священникам в их работе, публикует исторические материалы, обзоры книжных и кинематографических новинок и т. д.

«Вестник» ориентируется на представителей военного духовенства, военнослужащих и членов их семей, а также всех, кому небезразличны вопросы партнерства государства и религиозных организаций в области духовно-нравственного окормления военнослужащих.

Репрезентация армии в периодической печати и на интернет-сайтах

Православные медиа представляют армию в информационном пространстве, опираясь на несколько принципиально значимых смысловых единиц — концептов [Матвеева].

Рассмотрим, как представлены основные концепты, формирующие православный взгляд на тему защиты Отечества.

1. Триада «Армия — церковь — государство»

Одной из форм репрезентации этого концепта является цитирование. Например, цитируется речь Святейшего Патриарха Кирилла, произнесенная им во время 4-й недели Великого поста после литургии в Главном храме Вооруженных сил РФ:

Служба требует готовности от каждого, кто принял присягу, защищать Родину, не жалея жизни своей; и поэтому сегодня особая молитва наша о Вооруженных силах, о наших воинах, с которыми связывается надежда на безопасность, на свободу, на подлинную независимость нашей страны... [Пресс-служба Патриарха Московского...].

Данный концепт репрезентуется и через ключевые фрагменты речи участников круглого стола «Церковь, государство, армия: историческая традиция и современные аспекты соработничества». Особое внимание обращено на выступление председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В. Р. Легойды:

На протяжении многовековой истории России взаимоотношения Церкви и государства менялись, но одна константа сохранялась всегда — Церковь была и является тем институтом, без которого государство существовать не может [Легойда].

Большой интерес в раскрытии предложенного контента представляют аналитические материалы православных публицистов. Например, глубокое исследование доктора политических наук А. В. Щипкова «Непобедимая и легендарная», посвященное анализу армии как фундаментального института общества:

Армия не просто военная машина, это общественный институт. Она является третьим основанием социальной стабильности. Церковь, школа и армия (религия, образование, оборона) — это триада национального суверенитета. <...> Армия ни в коем случае не механическое соединение людей, просто связанных контрактом с государством. В первую очередь это союз людей, связанных духовными узами друг с другом, с народом и Богом. <...> Армия наряду с Церковью и школой является гарантом исторического выживания, воспроизводства общества и его традиций [Щипков, 2021, с. 383].

Одним из способов репрезентации выступает колонка церковного обозревателя. Так, сайт Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации представляет важные моменты международного форума «Армия — 2022», посвященного взаимодействию Церкви и армии. Вначале здесь цитируются слова замминистра обороны РФ генерал-полковника Виктора Горемыкина о том, что земная победа всегда начинается с победы духовной, в войсках работают

военные священники, как в местах дислокации, так и в полевых условиях. География обширна:

Духовную поддержку военнослужащим и гражданскому персоналу в настоящее время оказывают военные священники в России, Украине, Сирийской Арабской Республике, Абхазии, Южной Осетии, Киргизии, Таджикистане, в составе миротворческих сил в Нагорном Карабахе [Круглый стол о духовных основах].

На сегодняшний день в Вооруженных силах России имеется более 300 объектов религиозного назначения. Вопросами военного духовенства занимается специально созданное управление в Главном военно-политическом управлении ВС РФ.

Концепт «Армия — церковь — государство» является системообразующим, так как представляет титульную религию, православный взгляд первых лиц, обозначающих тему, проблематику и повестку дня. Для него не характерны чрезмерная эмоциональность и оценочность, читатель обнаруживает себя в позиции «здесь и сейчас» и видит направления развития ситуации.

2. «Армия — хранитель духовно-нравственных ценностей»

Концепт может быть представлен посредством реплик активистов или рядовых участников того или иного мероприятия:

Ментальная война, развязанная Западом против России, звучит в репрезентации, изменяет индивидуальное мировоззрение и массовое сознание противника (в данном случае — нас), деморализует его армию и общество, уничтожает духовно-нравственные ценности, традиции и культурно-исторические основы государства, стирает национальную идентичность [Лосев, Ильницкий].

Концепт раскрывается через воззвание митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Евгения к военному духовенству Екатеринбургской епархии:

Сегодня вопросы, связанные со служением воинов, — вопросы первоочередной важности. Здесь сосредотачиваются судьбы мира, решаются нашими военными. А от вас и от нас зависит то, насколько люди, которые сегодня отдают свои жизни за то, чтобы мир в сложившихся традициях продолжал существование, не просто служили, а чтобы они становились христианами. Чтобы они понимали высокую миссию своего служения и эту миссию несли уже не просто ради Устава или Присяги, а еще и ради Христа [Митрополит Екатеринбургский Евгений].

Он может презентоваться и через статью интернет-издания:

XXIV Всемирный русский народный собор начал свою работу 24 октября 2022 г., в понедельник, в тяжелый для России период, омываемый кровью бойцов, участвующих в СВО, и ни в чем не повинных людей [Предтеченская];

Во многих выступлениях говорилось о том, что сегодня даже люди, которые никогда не задумывались о духовно-нравственных ценностях, стали размышлять о них, пересматривать свою жизнь [Там же].

Степень репрезентации материалов в концепте «Армия — хранитель духовно-нравственных ценностей» нельзя считать достаточной из-за вытеснения «ценностных тем» новостной информацией. Проведенный нами анализ православных СМИ указывает на небольшой объем публикаций аналитического характера.

3. «Армия и православие»

Концепт репрезентуется, например, через текст патриаршей проповеди в день 600-летия обретения честных мощей преподобного Сергия Радонежского:

Преподобный Сергей благословил Дмитрия Донского пойти на Куликово поле и дать там первое сражение татаро-монголам. Замечательная духовная традиция обращаться к Богу в тяжелые моменты исторических испытаний поддерживалась нашими правителями и полководцами и после события на Куликовом поле [Патриаршая проповедь...].

А также посредством цитирования Святейшего:

Дай Бог, чтобы наши власти, и воинство, и интеллигенция наша, и весь народ наш сохраняли веру в Господа, веру православную, которой всегда была сильна Россия [Победа духа].

Сайт Patriarchia.ru представляет концепт «Армия и православие» следующим образом:

Согласно «Чину благословения воинских оружий» благословляются не только воины, но и воинские доспехи — «и меч, и сабля». Когда Церкви предлагается запретить освящать те или иные виды оружия — это значит, что ее хотят столкнуть с армией. Но у армии и Церкви близкие цели: армия защищает народ физически, а Церковь духовно [Щипков, 2022].

В печатном издании «Тагильский рабочий» (г. Нижний Тагил) концепт раскрывается через рождественское послание епископа Нижнетагильского и Невьянского Феодосия пастырям, монашествующим и всем верным чадам Нижнетагильской и Серовской епархий:

Сегодня мы много говорим, а иногда просто молчим о тех испытаниях, что выпали на наш век. Действительно, их много. Конечно же, в первую очередь это касается защитников Отечества, которые сегодня терпят опасности и лишения ради тех, кто нуждается в помощи и защите. Это их жертва, а жертвенность, по словам Святейшего Патриарха Кирилла, «есть величайшее проявление лучших человеческих качеств» [Рождественское послание...].

«Православная газета» приводит такие данные: в военном отделе Екатеринбургской епархии служат 169 священников, которые духовно окормляют 239 армейских частей и подразделений силовых структур [Священников и сотрудников...].

Через молитву также можно весьма достойно репрезентовать рассматриваемый концепт:

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся. Господь Бог благословен, поспешит нам Бог спасений наших. Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев, Той даст силу и державу людем Своим» (Псалом 67). Священный синод утвердил тексты молитв о воинах, на брани сущих, раненых, плененных и без вести пропавших [Молитвы о воинах].

Журнал «Фома» приводит на своих страницах весь список молитв, утвержденных Священным синодом. В их числе: «Молитва ко Пресвятей Богородице о воинах, на поле брани сущих», «Молитва ко Господу нашему Иисусу Христу о войне, на поле брани ураненном», «Молитва матери (сродников) ко Пресвятей Богородице о избавлении воинов, в пленении сущих» и др. [Тексты православных молитв...].

Воин — это особый статус. Независимо от того, сражается он или несет службу, готовясь в любой момент встать на защиту Родины и слабых, воину необходима молитва. Обращаться к Богу, Богоматери и святым с просьбой о помощи, заступничестве и наставничестве нужно и ему самому, и находящимся вдали от него близким... [Молитва о воинах].

Формы репрезентации концепта «Армия и православие» отличаются разнообразием. Это обусловлено шириной границ данной темы.

4. «Армия и вооруженный конфликт»

Концепт раскрывается посредством публикации мнений представителей СМИ о конфликтных событиях, в том числе на Украине:

Свою точку зрения высказали представители епархий и СМИ из Луганска, Киева, Ростова-на-Дону, Хабаровска, Краснодар, Твери и других регионов канонического пространства Русской Церкви. Отдельное внимание на встрече уделили проблеме медийной работы церковного ресурса в обстановке информационной войны [Журналисты и священники...].

Концепт представлен через цитирование обращения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла к Епархиальному собранию духовенства города Москвы:

Размышляя о причинах и последствиях военного конфликта, мы должны обратить свои мысли к воинам. Напутствуя их, мы молимся о них как о людях, которые находятся в условиях смертельной опасности и крайне трудного нравственного выбора [Доклад Святейшего Патриарха Кирилла...].

Интересна практика журнала «Русский дом». Издание репрезентует концепт, используя широкий набор средств выразительности. В материале представлен взгляд на военный конфликт непосредственных участников событий [Ахундова]. Один из них — Владимир Голубев. Он принимал участие в специальной военной

операции на Украине, в одном из боев потерял ногу, но остался жив. Сейчас Владимир уже дома. Своим друзьям и родным он рассказывает о явном чуде — о том, как Богородица спасла его от верной смерти.

В «Журнале Московской патриархии» показано восприятие военными священниками факта гибели 6 ноября 2022 г. в зоне специальной военной операции на Украине протоиерея Михаила Васильева:

Многие отмечают его невероятную энергию. Для военных священников он был «духовным локомотивом», который очень многие вопросы и проблемы тянул на себе, пытаясь решить самостоятельно. И это ему часто удавалось, прежде всего за счет своего авторитета как среди духовенства, так и среди военных [Алексеева].

Сайт Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ (sinfo-mp.ru) в материале «На военные действия Церковь отвечает молитвой о мире» представляет концепт «Армия и вооруженный конфликт» через призму Священного Писания:

Сколь важно, чтобы в условиях военных действий рядом с воинами находились священники, которые молились бы вместе с ними, пастырски их окормляли, наставляли в Евангелии, исповедовали, причащали Святых Христовых Таин [Патриарх: На военные действия...].

Патриарх Московский и всея Руси особо подчеркивает, что воинское служение непременно должно иметь христианское измерение:

Задача воина-христианина — честно и самоотверженно исполнять свой долг на поле битвы, сохраняя душевное благородство и достоинство. Очень важно руководствоваться правильными моральными, духовными ориентирами. Борьба с врагом не должна превращаться в ненависть к отдельному человеку [Выступление Святейшего Патриарха Кирилла...].

Репрезентация концепта «Армия и вооруженный конфликт» отличается большей эмоциональностью, оперативностью и полнотой по сравнению с другими концептами. Однако степень освещенности темы нельзя считать достаточной. На это указывает и превалирование материалов новостного характера над аналитическими. В них зачастую констатируется факт без аргументации, и читатель вынужден самостоятельно формировать свое отношение к происходящему, но сегодня на это способен не каждый. Отсюда — утрата интереса к предлагаемой информации и, как правило, доверия к тому или иному СМИ.

Выводы

Таким образом, нами были исследованы наиболее популярные православные печатные средства массовой информации и интернет-сайты, выявлено наличие в них военной темы, определены направления ее развития и степень ее освещенности.

Исследованные материалы не изобилуют широким спектром жанров. Мы видим слабое присутствие материалов очеркового характера, аналитических и классических корреспонденций, очень мало ярких зарисовок, в которых герои рассматривались бы не с какой-то одной стороны, а целостно. Предпочтение отдается кратким информциям, репортажам, интервью, нередко — просто проповедям или «дежурным» статьям типа «Как на поле Куликовом». Однако проблема не в выборе жанра, тем более что для современной журналистики характерна жанровая неопределенность. Здесь стоит говорить об отсутствии дополнительного подтекста — межстрочного присутствия христианского свидетельства, евангельской идеи, выводящих творческий контент на совершенно иной уровень понимания. Иными словами, журналистский текст есть, а Бога в нем нет. На наш взгляд, перспективность представления данной темы актуальна именно с позиции православного журналиста. Им может считаться носитель православной нравственности и духовных принципов, умеющий это подать в том или ином журналистском жанре. Самоопределение автора как члена православной Церкви, разделяющего ее вероучение и участвующего в таинствах, — залог успешного освещения событий и наполнения их православным смыслом.

Проанализированный в представленных СМИ материал позволяет говорить о фрагментарности журналистских текстов на военную тематику, об отсутствии системности в освещении проблем. Причем это происходит на фоне признания важности защиты Отечества в системе православных духовных ценностей. В большинстве случаев содержание материала не соответствует заявленным рубрикам. Релевантность контента снижена по причинам:

- отсутствия системности в подаче текста военного характера;
- краткости новостного материала;
- несвоевременности выбираемых образов;
- маловыразительности жанрового исполнения;
- недостаточности аналитики.

Тем не менее видно, что реализация военной темы в православных средствах массовой информации на сегодняшнем уровне способствует развитию взаимоотношений Русской православной церкви и Вооруженных сил, поиску новых форм духовного соработничества. В контексте сказанного выше отметим: несмотря на незначительные разногласия, связанные прежде всего с недостаточным пониманием внутренних процессов в современной армейской среде, с вопросами предназначения Вооруженных сил, православные медиа являются сильной структурой, имеющей большой потенциал для реализации военной темы в ее современном, историческом и христианском понимании.

Алексеева А. В армии священник нужен больше, чем автомат. Памяти протоиерея Михаила Васильева // Офиц. сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5999646.html> (дата обращения: 11.01.2024).

Ахундова И. Р. Нас спасла найденная в Изюме икона Богородицы // Русский дом. URL: <http://russsdom.ru/node/12645> (дата обращения: 11.01.2024).

Бакина О. В. Современная православная журналистика: опыт региональных СМИ : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 207 с.

Берхин В. Электронный мир веры // Нескучный сад. 2013. № 5–6, май – июнь.

В Тобольске проходит XX Межрегиональный фестиваль-конкурс «Православие и СМИ» // Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. URL: <https://sinfo-mp.ru/predstaviteli-otdela-prinyali-uchastie-v-otkrytii-mezhregionalnogo-festivalya-pravoslavie-i-smi.html> (дата обращения: 10.02.2024).

Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на XI Рождественских парламентских встречах в Государственной думе // Офиц. сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5999511.html> (дата обращения: 11.01.2024).

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы 22 декабря 2022 г. // Сайт Тихорецкой епархии. URL: <https://tiheparh.ru/cnews/item/8082-doklad-svyatejshego-patriarkha-kirilla-na-eparkhialnom-sobranii-g-moskvy-22-dekabrya-2022-goda> (дата обращения: 11.01.2024).

Евангелие является бездонным, бесконечным источником новостей: Патриарх Кирилл о жизни в информационном обществе и церковной миссии // Душа : сайт. 2014. 26 сент. URL: <http://dysha.info/public/jizn/1109-evangelie-yavlyayetsya-bezdonnym-beskonechnym-istochnikom-novostey.html> (дата обращения: 20.11.2022).

Журнал «Фома»: православный журнал для сомневающихся. URL: <https://foma.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).

Журналисты и священники обсудили тему христианского взгляда на войну // Фома. URL: <https://foma.ru/zhurnalistiyi-i-svyashhenniki-obsudili-temu-hristianskogo-vzglyada-na-voynu.html> (дата обращения: 11.01.2024).

Костикова Н. А. Православная журналистика: методологические особенности изучения эффективности деятельности // Радонеж.Ру. 2013. 14 янв. URL: <https://radonezh.ru/analytics/pravoslavnaaya-zhurnalistika-metodologicheskie-osobennosti-izucheniya-effektivnosti-deyatelnosti-47690.html> (дата обращения: 27.10.2022).

Круглый стол о духовных основах // Сайт Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации. 2022. 18 авг. URL: <https://ghvs.ru/life/news/4068/> (дата обращения: 10.02.2024).

Легойда В. Р. Православная журналистика может быть только христоцентричной // Офиц. сайт Русской православной церкви. 2011. 15 июня. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3757466.html> (дата обращения: 20.11.2023).

Лосев А. В., Ильницкий А. М. Почему русские не сдаются // Религия и СМИ : интернет-журнал. 2022. 17 февр. URL: http://www.religare.ru/2_121491.html (дата обращения: 06.02.2024).

Матвеева Д. С. Концепт как единица сознания // Вестн. ВУиТ. 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kak-edinita-soznaniya> (дата обращения: 10.02.2024).

Митрополит Екатеринбургский Евгений: Наша с вами задача, чтобы русские воины оставались христианами даже на поле боя // Воинство.Ru. 2023. 7 февр. URL: <https://rusk.ru/vst.php?idar=116238> (дата обращения: 06.02.2024).

Молитва о воинах // Фома. 2022. 28 мая. URL: <https://foma.ru/molitva-o-voinah.html> (дата обращения: 11.01.2024).

Молитвы о воинах, на поле брани сущих, раненых, плененных и без вести пропавших // Офиц. сайт Русской православной церкви. 2022. 29 дек. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5990445.html> (дата обращения: 06.02.2024).

Олешко В. Ф., Малик О. Е. Влияние цифровых средств массовой информации на формирование глобальной системы социальных коммуникаций // Изв. Урал. федер. ун-та. 2017. Т. 23, № 4 (168). С. 5–12.

Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

Патриарх: На военные действия Церковь отвечает молитвой о мире // Милосердие.ru : портал. 2023. 26 янв. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/patriarh-na-voennye-dejstviya-cerkov-otvechaet-molitvoj-o-mire/> (дата обращения: 11.01.2024).

Патриаршая проповедь в день 600-летия обретения честных мощей преподобного Сергия Радонежского по окончании Литургии в Троице-Сергиевой лавре // Офиц. сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5944861.html> (дата обращения: 11.01.2024).

Победа духа // Сайт С.-Петербур. митрополии. 2022. 18 июля. URL: <https://mitropolia.spb.ru/news/mitropolit/?id=211502> (дата обращения: 26.11.2023).

Предтеченская И. Не стереть с лица земли Русь православную! // Религия и СМИ : интернет-журнал. 2022. 28 окт. URL: http://www.religare.ru/2_121598.html (дата обращения: 26.11.2023).

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в неделю 4-ю Великого поста после литургии в Главном храме Вооруженных сил РФ (3 апреля 2022 г.) // Офиц. сайт Русской православной церкви. 2022. 3 апр. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5914188.html> (дата обращения: 10.02.2024).

Рождественское послание епископа Нижнетагильского и Невьянского Феодосия // Тагил. рабочий. 2023. 7 янв. URL: <https://tagilka.ru/105043-rozhdestvenskoe-poslanie-episkopa-nizhnetagil'skogo-i-nevyanskogo.html> (дата обращения: 06.02.2024).

Священников и сотрудников Екатеринбургской митрополии отметили наградами // Православная газета. URL: <https://orthodox-newspaper.ru/component/content/article/4-even-ts/43983-2022-12-25-17-54-23> (дата обращения: 06.02.2024).

Тексты православных молитв и богослужений // Фома. URL: <https://foma.ru/bogosluzhenie> (дата обращения: 11.01.2024).

Церковный вестник : офиц. сайт. URL: <http://www.e-vestnik.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).

Церковный вестник : офиц. изд. Русской православной церкви // Офиц. сайт Русской православной церкви. 2005–2022. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/513552.html> (дата обращения: 27.11.2022).

Щипков А. В. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. М., 2021. 464 с.

Щипков А. В. Наступило время прямого высказывания // Офиц. сайт Русской православной церкви. 2022. 8 нояб. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5974926.html> (дата обращения: 05.01.2024).

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Научная статья

УДК 070.1:004.8 + 004.032.26 + 791.229.9:004.9

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.024

НЕЙРОСЕТИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТЕЛЕФИЛЬМЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Илья Евгеньевич Тарасов

Югорский государственный университет,

Ханты-Мансийск, Россия,

animus_anima@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6798-1726>

Аннотация. В статье исследуется опыт применения нейросетей в современных документальных фильмах, зарубежных и отечественных. Показана практика внедрения в кино- и телепроизводство искусственного интеллекта, позволяющего реставрировать изображения с киноплёнки, разрабатывать сценарии, имитировать голоса и создавать так называемые визуальные «дипфейки». Проанализировано содержание документальных фильмов, в которых в той или иной форме используются нейросети. В рамках интервью с представителями профессионального сообщества — кинорежиссером-документалистом и создателем нейрокреативного агентства рассмотрены основные вопросы использования нейросетей в документальном кино и перспективы их повсеместного внедрения в кинопроизводство в ближайшие годы. Затронуты морально-этические и законодательные аспекты применения нейросетей в создании документального кино.

Ключевые слова: нейросети; нейромедиа; генеративный ИИ; документальное кино; искусственный интеллект

NEURAL NETWORKS IN DOCUMENTARY TELEVISION FILMS: TRENDS AND PROSPECTS

Ilya E. Tarasov

*Ugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia,
animus_anima@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6798-1726>*

Abstract. The paper studies the use of neural networks in modern documentary films – both foreign and domestic ones. The author examines the development of artificial intelligence in film and television production, which allows to restore images, develop scripts, imitate voices and create so-called visual “deep fakes”. The study analyzed the content of documentaries in which neural networks were used in one form or another. The interview with representatives of the professional community – a documentary filmmaker and the creator of a neuro-creative agency – explores the main issues of using neural networks in documentary filmmaking and the prospects for their widespread introduction into film production in the coming years. Moral, ethical and legislative aspects of the use of neural networks in documentary filmmaking were also addressed.

Key words: neural networks; neuromedia; generative AI; documentary films; artificial intelligence

Постановка проблемы

На наших глазах искусственный интеллект (ИИ) из атрибута фантастического романа становится полноценным помощником и соавтором человека во многих сферах, в том числе в творческих профессиях. Изобразительное искусство, литература, журналистика, кинематограф – везде новым технологиям готовы найти применение. В первую очередь это замещение ручного, монотонного труда машинным, автоматическим, позволяющим человеку сэкономить время и ресурсы для более сложных и творческих задач.

Документалисты, привыкшие опираться на реальность, жизненность, натуральность материала, к подобным нововведениям относятся осторожно и пока лишь пробуют возможности нейросетей, пытаясь найти для них наиболее рациональное применение. Однако сам процесс интеграции искусственного интеллекта в производственную цепочку уже запущен. За рубежом нейросети использовались при создании нескольких документальных фильмов, не так давно подобный эксперимент предприняли и отечественные документалисты. Очевидно, что такая практика будет лишь набирать обороты.

В данном исследовании мы ставим перед собой цель определить, насколько широко и на каких этапах производства документального кино сегодня может применяться искусственный интеллект. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятия «генеративный искусственный интеллект», «нейросеть» и «нейромедиа»;
- 2) изучить зарубежный и отечественный опыт использования ИИ в документалистике на материале фильмов «Они никогда не станут старше» П. Джексона, «Бегун: фильм об Энтони Бурдене» М. Невилла и «Автор сценария: нейросеть» Л. Дружининой;
- 3) обозначить основные тенденции развития нейросетей в документальном кинопроизводстве, основываясь на интервью с режиссером документального кино Л. Дружининой и специалистом по работе с нейросетями Е. Апполоновым;
- 4) наметить законодательные и этические проблемы, которые встают перед авторами документальных фильмов, использующих нейросети.

Нейросети, генеративный искусственный интеллект, нейромедиа: к определению понятий

В рекламных и журналистских текстах понятия «нейросеть» и «генеративный искусственный интеллект» зачастую выступают как контекстные синонимы. Однако различия между ними все-таки есть. Понятие «*нейронные сети*», или «нейросети», Большая российская энциклопедия определяет как «логические структуры, составленные из формальных нейронов» [Большая российская энциклопедия]. Идея, которую еще в 1943 г. начали прорабатывать У. Маккалок и У. Питтс, заключалась в создании и воплощении математической модели, функционирующей по принципу нервной системы человека. В дальнейшем Д. Хебб предложил закон обучения, ставший ключевым для развития нейросетей. Если раньше улучшение технологий происходило путем совершенствования их программного кода, то сегодня нейросети могут самостоятельно усваивать новые знания и навыки.

В отличие от нейросетей, термин «*генеративный искусственный интеллект*» является относительно новым. Л. Е. Гринин определяет его как тип искусственного интеллекта, «который может создавать новое содержание, формулировать идеи, вести диалоги, создавать произведения, истории, изображения, видео и музыку, а также редактировать фото, видео и пр.» [Гринин и др., с. 20]. Он основывается на моделях машинного обучения, которые используют большие объемы данных и ориентированы на выполнение языковых задач: создать текст, изображение, проанализировать информацию. Таким образом, генеративный ИИ является разновидностью нейросети, позволяющей создавать новый продукт на основе вербального запроса. В нашем исследовании, говоря о внедрении искусственного интеллекта в производство документального кино, мы можем применять оба термина — «нейросети» и «генеративный ИИ».

Обширное внедрение искусственного интеллекта в производство медиа позволяет говорить о появлении принципиально новой предметной области — нейромедиа. За рубежом изучением этого явления занимаются М. Линч, К. Тернер, причем рассматривают его с позиций эпистемиологии и сохранения интеллектуальных

возможностей человека при продолжающемся расширении когнитивных возможностей нейросетей [Turner, p. 1]. В России серьезных исследований на тему нейромедиа применительно к массовым коммуникациям практически нет. Так, на необходимость изучения нейромедиа как неизбежного компонента продолжающейся цифровой трансформации, берущей отсчет с четвертой промышленной революции, указывает С. Л. Уразова. Термин она определяет как продукт соединения двух лексем: «нейро- (нейронные сети) и медиа (медиа как творческое направление, вид профессиональной деятельности, медиапродукт), которые сфокусированы на идущие процессы изменений как в профессиональной сфере (деятельность креативных индустрий), так и в социальной действительности, где спрос на расширение медийных и массовых коммуникаций растет» [Уразова, с. 143]. Несмотря на то, что технология находится на начальном этапе развития, заключает исследователь, ее изучение уже сейчас имеет большие перспективы, и оно должно быть комплексным, междисциплинарным, учитывающим как технические, так и гуманитарные аспекты явления. Отметим, что в Донском государственном техническом университете, к примеру, уже ведется подготовка студентов по программе «Нейромедиа» (направление подготовки «Медиакоммуникации»).

Таким образом, широкое внедрение нейросетей в производство медиапродукции — вопрос ближайшего времени. Не обойдет этот процесс стороной и документальные фильмы, хотя природа новых технологий неизбежно вступает в противоречие с сущностными особенностями неигрового кинематографа, среди которых можно выделить жизненность материала, образность языка, отказ от вымысла и искусственности. Тем не менее первые примеры подобного рода произведений уже есть в мировой и отечественной документалистике.

Опыт применения нейросетей в отечественной и зарубежной документалистике

В кинематографе — как игровом, так и документальном — технологии искусственного интеллекта начали применять еще в прошлом десятилетии. В крупных голливудских блокбастерах их используют, к примеру, для омоложения лиц актеров или их замены в случае, если артиста уже нет в живых (как это было, например, в фильме «Звездные войны. Истории. Изгой-один»). Аналогичную технологию применили и в российском сериале «Диверсант. Идеальный штурм» 2022 г., где умершего актера Владислава Галкина вернули на экран, отсняв похожего на него дублера и воспользовавшись помощью нейросети.

В документальном кино применение искусственному интеллекту тоже нашлось. Прежде всего нейросети позволили улучшить качество кадров, снятых на старую киноплёнку. Россиянин Денис Ширяев на своем канале в YouTube выкладывает «обновленные» версии немых фильмов, снятых еще на заре эры кинематографа: «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» 1896 г., «Путешествие по Нью-Йорку» 1911 г., «Рабочие в викторианской Англии» 1901 г., «Москва, Тверская улица» 1896 г. и т. д. Это видовые съемки, часто сделанные одним планом,

которые нейросеть помогла улучшить до уровня 4К с частотой 60 кадров в секунду. В интервью Денис Ширяев рассказал, что начинал с увеличения частоты кадров вручную при помощи программы для видеомонтажа, а затем стал подключать к работе различные алгоритмы [Как «оживлять» картины...]. Для этого он модифицировал нейросеть DAIN, позволяющую автоматически увеличить частоту кадров (например, с 16 до 60) и сделать движения в видео более плавными и естественными. При помощи программы ESRGAN разрешение видео увеличивалось до 4К (3840 × 2160 пикселей). Чтобы этого добиться, нейросеть искала изображения высокого качества, схожие с тем, которое нужно было доработать, и на их основе «дорисовывала» недостающие фрагменты. А алгоритм DeOldify использовался для колоризации и цветокоррекции. Разработчик отметил, что большой интерес к его услугам проявили несколько киностудий, занимающихся производством документального кино. При этом вопрос сохранения «документальности» изображения после реставрации у специалистов индустрии стоит достаточно остро. «При обновлении старых видео с помощью нейросетей нельзя быть уверенным в том, что алгоритмы воссоздали все точно, потому что нейросети “додумывают” цвета или, допустим, вид лиц людей, — отмечает Денис Ширяев. — Но если в плане окраски это полное угадывание, то в плане увеличения количества фреймов и ресайза (изменения разрешения. — *И. Т.*) алгоритм добавляет всего 5 % данных. То есть реальные данные за этим все-таки стоят. Тем не менее я всегда пишу в превью: “Not historical accurate”, чтобы люди не ругались, не думали, что это магия» [Там же].

Гораздо более масштабную работу по реставрации изображения провел режиссер Питер Джексон, который в 2018 г. выпустил документальный фильм «Они никогда не станут старше». В нем использован метод перемонтажа при работе с кадрами кинохроники Первой мировой войны. Однако режиссер не просто выстроил из давно отснятого материала собственную драматургическую конструкцию, но использовал нейросеть для улучшения качества изображения. Из черно-белого оно стало цветным, размер увеличили до кинотеатрального, а частота кадра с 16 выросла до привычных зрителю 24. Режиссер и сценарист Рамиль Хадиулин отмечал, что нейросеть сгенерировала и добавила недостающие промежуточные кадры и таким образом детализировала изображение: «Задача Джексона была актуализировать героев прошлого, и это получилось в полной мере: они двигаются с адекватной скоростью, с привычным количеством кадров в секунду, раскрашены вполне прилично — будто не архив, а реконструкция» [Перспективы развития...].

Подобную технологию улучшения качества изображения могут применять не только крупные кинокомпании. Красноярская студия «Енисей кино» ведет большую работу по оцифровке хроникально-документальных фильмов, снятых кинооператором из Норильска Юрием Ковтуном на 35-миллиметровой и 16-миллиметровой пленках. Искусственный интеллект помогает улучшить качество оцифрованного видео за счет удаления артефактов и шумов — нежелательных элементов изображения, вызванных плохими условиями съемки или физическими

повреждениями пленки: «Нейронные сети могут помочь улучшить качество изображений и видео (речь, как следует из контекста, идет о фотографических и видеоизображениях. — И. Т.), потому что они могут обучаться на большом количестве данных и выявлять закономерности в изображениях и видео» [Блинников, Ковалев, с. 0225–0226].

Кроме того, искусственный интеллект сегодня позволяет не только улучшить качество уже готового материала (будь то фотография или кинопленка), но и сгенерировать принципиально новый контент, опираясь на имеющуюся в его распоряжении базу данных. В 2021 г. в прокат вышла лента режиссера-документалиста М. Невилла «Бегун: фильм об Энтони Бурдене», посвященная известному американскому шеф-повару. В картине активно применяются прижизненные съемки героя, видеозаписи из его соцсетей, а повествование построено на воспоминаниях друзей и близких Бурдена. В одной из сцен, когда художник Дэвид Чо вслух цитирует письмо главного героя, его голос внезапно сменяется голосом самого Энтони Бурдена. Создатель фильма М. Невилл признался, что эти слова умерший никогда не произносил. Однако режиссеру так хотелось их озвучить, что он обратился за помощью к специалистам по разработке программного обеспечения, предоставив им порядка 12 часов записей интервью с Бурденем. В итоге получилось воссоздать модель голоса шеф-повара. И хотя фрагмент текста, который сгенерированный искусственным интеллектном голос читал за кадром, звучал всего 10 секунд, кинокритиков и самих создателей ленты поразила «бесшовность» речи. «Если вы посмотрите фильм... вы вряд ли поймете, какие из фраз были произнесены искусственным интеллектном», — заявил режиссер изданию «Нью-Йоркер» [A haunting new documentary...]. Он также признал, что видит в самой возможности такого использования нейросети серьезную этическую проблему — пожалуй, главную проблему в контексте применения нейросетей, которая стоит перед документальным кино, и применение этой технологии в ленте еще будет разбираться на комиссии по этике.

Нейросеть как соавтор документалиста

Одним из первых опытов полноценного использования нейросети в российском документальном кино, когда она выступила не просто одним из технических инструментов, а полноценным соавтором при создании фильма, стала 25-минутная лента «Автор сценария: нейросеть», снятая телеканалом RussiaToday. Премьера состоялась 16 августа 2023 г. Авторами картины стали документалисты Лана Дружинина и Елена Норкунайте, которым искусственный интеллект помогал не только писать сценарий, но и создавать визуальные образы. Для работы документалисты использовали популярные нейросети, находившиеся в широком доступе: чат-бот GPT участвовал в написании текстов, а сеть Midjourney привлекалась для генерации изображений.

В начале фильма Лана Дружинина заявляет: «Я режиссер, и мне пришлось за свою работу написать огромное количество сценариев. А сможет ли нейросеть

выполнить работу за меня?» После этого она начинает задавать боту вопросы, в формате диалога разрабатывая концепцию будущего фильма. В интервью, проведенном при подготовке данного исследования, режиссер призналась, что изначально не планировала переносить на экран процесс общения с искусственным интеллектом. Однако работа над сценарием превратилась в полноценное общение с чат-ботом. Режиссер задавала ему необходимые параметры будущего произведения — стиль, жанр и многое другое. Однако для нейросети недостаточно было сформулировать 1–2 запроса, чтобы получить готовый скрипт — нужно было задавать наводящие, уточняющие вопросы. «В какой-то момент я даже чувствовала, словно со мной переписывается обычный человек, с которым я могу обсудить идеи, — признается в интервью Лана Дружинина. — Но быстро развеивалось ощущение, поскольку чат уж слишком галантно общается. Соответственно нам сразу становится понятно, что перед нами машина. И возможно, некоторые идеи воспринимались в штыки. В итоге я написала сценарий с диалогами. И только после этого возникло желание показать зрителю и сам формат моего общения с нейросетью»¹. Режиссер Лана Дружинина отмечает, что при написании сценария компьютер с огромной скоростью создавал большие фрагменты текстов, что значительно ускоряло рабочий процесс. При этом Лана задавала вопросы такого типа: «Как думаешь, если они (наши герои. — *И. Т.*) встретятся, они поймут друг друга?» Были у искусственного интеллекта и определенные ограничения. К примеру, на вопрос «Какой герой тебе симпатичен?» чат-бот отвечал, что не обладает предпочтениями и эмоциями. Получившиеся в результате совместного творчества человека и искусственного интеллекта сцены документалисты перенесли на экран.

Так, нейросеть, по признанию режиссера, написала сценарий одного из ключевых эпизодов фильма. Она придумала героев, составила для них диалоги и предложила им сыграть в шахматы. Их голоса, которые звучат за кадром, также были сгенерированы нейросетью. В качестве моделей для этой сцены авторы пригласили двух реальных людей, с историями которых зритель знакомится на протяжении всей ленты. Это 13-летний предприниматель-программист Ильдар Кудашев и профессор кафедры цифровых технологий управления транспортными процессами Российского университета транспорта Эдуард Лецкий. Сначала сцену с их участием сняли вживую, а затем, с их согласия, заменили настоящие лица на те, что были сгенерированы искусственным интеллектом. При этом внешность новых персонажей создавалась на основе уже существующих изображений, размещенных в интернете. Драматургически такой сценарный ход ничем обоснован не был — авторы экспериментировали, проверяя возможности новой технологии. С этой же целью в отдельных кадрах изображения реальных людей и локаций (лицо режиссера Ланы Дружининой, а также некоторых героев и экспертов, интерьер поезда, в котором происходит одна из сцен фильма) заменяются образами, сгенерированными нейросетью. Происходит это на несколько секунд и не несет

---

¹ Фрагмент личной беседы с Л. Дружининой, состоявшейся 10.01.2024.

какой-либо смысловой нагрузки, но помогает создать в фильме футуристическую атмосферу.

Подводя итог совместной работе с нейросетью, Лана Дружинина отметила, что искусственный интеллект порой помогал ей с проработкой идеи, быстро генерируя несколько вариантов развития ситуации, из которых автору оставалось выбрать самый подходящий. Также он мог подсказать удачное название или отредактировать синопсис фильма. Гипотетически, по словам режиссера, нейросеть способна помочь в поиске исторической и справочной информации, а также с подбором героев — правда, только в том случае, если это герои известные, а информация о них доступна в интернете. Однако, отмечает Дружинина, «...если вы даете нейросети задачу все написать с нуля с минимумом параметров, то и результат будет очень посредственный. А вот чем больше конкретики, тем нейросети проще помочь автору»². Таким образом, подводит итог автор, написать сценарий за человека ИИ пока не способен, и опытный документалист по-прежнему должен четко им руководить.

Нужно учитывать и то, что роль сценариста для нейросети ограничена лишь некоторыми разновидностями документального кино, такими как мокьюментари и докудрама. Будучи гибридными формами художественного и неигрового кино, фильмы этой категории требуют создания полноценного сценария — с диалогами, игровыми сценами и актерами. В остальных жанрах документального кино искусственный интеллект, как отмечает Л. Дружинина, выступает лишь подспорьем в работе.

Будущее нейросетей в документалистике: перспективы и угрозы

Специалисты в области использования нейросетей отмечают: для того чтобы из диковинки искусственный интеллект стал привычным инструментом, необходимо наличие квалифицированных кадров, высокопроизводительного оборудования и качественного доступа в интернет. Уже сейчас возможности генеративного ИИ позволяют применять его для решения огромного количества творческих задач, стоящих перед документалистами. Это и уже упомянутая технология изменения лиц DeepFake, и использование нейросетей для замены отдельных деталей интерьера, представленных в кадре. Генеративные адверсарные сети (GAN) и иные технологии глубокого обучения позволяют даже создавать реалистичные видео «с нуля», без использования актеров, реквизита и декораций, и такие технологии открывают огромные возможности перед уже упомянутыми разновидностями документального кино — мокьюментари и докудрамой. А. О. Гетманенко отмечает, что поскольку искусственный интеллект ориентирован на универсализм, функциональность и простоту использования, «в подобных условиях решение общечеловеческих проблем посредством использования искусственного интеллекта является ориентиром его совершенствования и достижения

---

² Фрагмент личной беседы с Л. Дружининой, состоявшейся 10.01.2024.

уровня функционирования, превышающего человеческий» [Гетманенко, с. 146]. А значит, не исключено, что в обозримом будущем нейросеть сможет достигнуть такого уровня, при котором она станет не только помощником, но и полноценным соавтором произведений искусства, в том числе и в определенных разновидностях документального кино.

Егор Апполонов, создатель нейрокреативного агентства «Синтетика» и телеграм-канала «Нейронутые», в интервью, проведенном в рамках данного исследования, отмечает огромный потенциал таких технологий, которые уже в ближайшем будущем можно будет использовать при создании документального кино. По мнению специалиста, особенно востребованы нейросети будут для моделирования событий прошлого (реалистичных исторических реконструкций, применяемых в докудраме) либо визуализации будущих событий. «В этом контексте нейросети могут стать мощным инструментом для визуализации потенциальных будущих сценариев, будь то научные прогнозы, концептуальные идеи или футуристические виды, — указывает Апполонов. — ИИ может помочь создать убедительные и визуально привлекательные изображения будущего, хотя здесь творческий вклад и направляющая рука человека остаются ключевыми»³.

В то же время режиссер Лана Дружинина, резюмируя свой опыт совместной работы с нейросетью, уверена, что в документалистике, построенной на фиксации реальности, нейросеть даже при высоком уровне развития технологий не сможет заменить собой оператора, поскольку в ней все основывается «на чувственном восприятии мира и героев самим режиссером или оператором, а запечатлеть что-то редкое и неуловимое может только человек»⁴. С. Л. Уразова указывает на то, что, хотя искусственный интеллект сегодня способен создавать различные виды контента, в том числе и востребованного в сфере искусства, его продукция «далека от творчества и формулирования идей, нацеленных на ментальное развитие индивида, его умение рефлексивно мыслить» [Уразова, с. 143].

Исследователи Элин Ву и Адам Фиш в статье «ИИ как среда: производство и потребление документальных фильмов на фоне медиаконвергенции» также указывают на то, что постепенно нейросети, созданные как инструмент расширения человеческих способностей, перестают быть простыми помощниками и становятся полноценными соавторами: «Пока ИИ не может превзойти человека в креативности, его можно использовать для сбора информации, сопоставления данных и создания контента, освобождая специалистов медиа от некоторой части рутинной и утомительной работы, экономя тем самым время для творчества; но ИИ уже также имитирует человека и в творчестве» [Wu, Fish, p. 124]. Следовательно, заключают авторы статьи, современный дискурс, касающийся развития генеративного ИИ, должен поднимать множество вопросов, прежде всего это вопросы закона, морали, профессиональной этики и границ использования искусственного интеллекта в кинопроизводстве.

³ Фрагмент личной беседы с Е. Апполоновым, состоявшейся 03.02.2024.

⁴ Фрагмент личной беседы с Л. Дружининой, состоявшейся 10.01.2024.

Так, очевидно, что неконтролируемое использование нейросетей в производстве фильмов-реконструкций (к примеру, исторических документал) может привести к масштабным фальсификациям. Новейшие технологии позволяют создать сцены с участием любого исторического деятеля и выдать их за подлинный документ. Поэтому, уверен Е. Апполонов, важно убедиться, что использование ИИ не ведет к искажению исторических фактов или представлению недостоверной информации, особенно в документальном кино, которое ценится за достоверность и точность: «С ростом способностей ИИ создавать реалистичные видео возрастает и риск их использования для дезинформации или создания нелегального контента, что требует разработки соответствующих нормативных и законодательных мер»⁵.

Насущным остается и вопрос соблюдения авторских прав, поскольку нейросеть сегодня не создает принципиально новый контент, а выполняет задание, опираясь на уже существующие материалы, найденные в интернете. Это тексты, фотографии и видео, созданные другими пользователями, которые не давали свое согласие на «переосмысление» их трудов нейросетью.

Более того, ряд исследователей, среди которых, к примеру, К. Тернер, выражают беспокойство из-за того, что у человека, привыкшего во всем полагаться на труд нейросети, со временем начнут притупляться его собственные когнитивные (а следовательно, и творческие) способности: «Озабоченность, которую мы выражаем в этой статье, заключается, таким образом, не в том, что появление нейромедиа принесет новые эпистемические проблемы... а скорее в том, что это значительно усугубит уже существующие проблемы» [Turner, p. 4]. Обойти вниманием этот аспект сегодня невозможно.

Наконец, важным является и вопрос восприятия «искусственного искусства» человеком, на что указывают тюменские исследователи: «Мы считаем, что будущее ИИ невозможно без включения в концепцию человека как “потребителя” созидательной деятельности ИИ. Например, с точки зрения этики у творца есть чувство ответственности за свою деятельность. Что на месте ответственности у ИИ? Или с точки зрения культурного кода — возможен ли настоящий диалог между “искусственным творцом” и его аудиторией?» [Соколов, Зиганшина, Кресова, Соловова, с. 193] Вопрос, ответ на который даст только время.

Заключение

Резюмируя сказанное, отметим, что нейросети сегодня развиваются ускоренными темпами, и их масштабное внедрение в процесс производства документалистики — вопрос времени. Начав с кинематографа, искусственный интеллект теперь ищет свою нишу и в телевизионном неигровом кино, из чего следует, что отечественным документалистам и медиаменеджерам, создающим большие многосерийные проекты, стоит присмотреться к возможностям, которые открывают

---

⁵ Фрагмент личной беседы с Е. Апполоновым, состоявшейся 03.02.2024.

перед ними новые технологии. Эти возможности, по мнению специалистов, можно разделить на несколько категорий:

1. *Сокращение затрат.* Нейросети позволяют режиссерам отказаться от использования дорогостоящих декораций и реквизита, костюмов и даже самих актеров (речь опять же идет скорее о фильмах, где воссоздаются исторические или будущие события).

2. *Ускорение производственного процесса.* Генеративный ИИ может автоматизировать некоторые аспекты производства, такие как написание сценария, редактирование, цветокоррекция, что сокращает время, необходимое для завершения проекта.

3. *Визуализация недоступных или утраченных сцен.* Нейросеть помогает представить на экране события и места, которые невозможно зафиксировать традиционными методами.

4. *Творческая свобода и поле для эксперимента.* Использование ИИ дает документалистам новые инструменты для творчества, позволяя экспериментировать с визуальными эффектами, сценариями и повествованиями. Это может привести к созданию более динамичных и визуально привлекательных документальных фильмов.

5. *Доступность.* С улучшением и удешевлением технологий документалисты, ограниченные в ресурсах, могут получить инструменты для создания качественного и яркого контента.

В то же время, несмотря на быстрое развитие технологий и очевидные преимущества, которые получают производители документалистики, важные этические вопросы пока что остаются нерешенными. Регулирование использования искусственного интеллекта в аудиовизуальном искусстве необходимо и в законодательной плоскости, иначе документалистику может захлестнуть поток низкопробной, вводящей в заблуждение недостоверной продукции.

Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. URL: <https://bigenc.ru/c/neironnye-seti-e734b3> (дата обращения: 20.01. 2024).

Блинников А. В., Ковалев И. В. Использование нейросетевого подхода при постобработке части оцифрованных киноматериалов кинооператора Ю. Я. Ковтуна // Информатика. Экономика. Управление. 2023. № 2(2). С. 0224–0241. <https://www.doi.org/10.47813/2782-5280-2023-2-2-0224-0241>

Гетманенко А. О. К проблеме дигитализации современного искусства // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2023. № 8(876). С. 144–149. https://www.doi.org/10.52070/2542-2197_2023_8_876_144

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Гринин И. Л. Искусственный интеллект: развитие и тревоги. Взгляд в будущее. Статья первая: Информационные технологии и искусственный интеллект: прошлое, настоящее и некоторые прогнозы // Философия и общество. 2023. № 3(108). С. 5–35. <https://www.doi.org/10.30884/jfio/2023.03.01>

Как «оживлять» картины и улучшать видео, записанные в XIX веке: интервью с Денисом Ширяевым, специалистом по нейросетям // DTF.RU : интернет-портал. 2020. URL: <https://dtf.ru/u/47977-dzharndis/192509-kak-ozhivlyat-kartiny-i-uluchshat-video-zapisannye-v-xix-veke-intervyu-s-denisom-shiryayevym-specialistom-po-nejrosetyam> (дата обращения: 19.01.2024).

Перспективы развития документального кино как искусства в России // Балкон : сетевой лит. журн. 2020. URL: https://lit-balkon.ru/s_publicism/perspektivy-razvitiya-dokumentalnogo-kino-kak-iskusstva-v-rossii.html (дата обращения: 20.01.2024).

Соколов А. Н., Зиганшина Е. А., Кресова В. П., Соловова Д. Д. Нейросети в современном искусстве // Вестн. Тюм. гос. ин-та культуры. 2021. № 3(21). С. 189–193.

Уразова С. Л. Нейромедиа как новый формат образов цифровой реальности // Вестн. ВГИК. 2023. Т. 15, № 3(57). С. 140–150.

A haunting new documentary about Anthony Bourdain // The New Yorker. 2021. 15 July. URL: <https://www.newyorker.com/culture/annals-of-gastronomy/the-haunting-afterlife-of-anthony-bourdain> (date of access: 01.02.2024).

Turner C. Neuromedia, cognitive offloading, and intellectual perseverance // Synthese. 2022. Vol. 200, № 66. P. 1–26. <https://www.doi.org/10.1007/s11229-022-03472-w>

Wu E. (Yi.), Fish A. A. I. as a medium: the production and consumption of documentaries programming against the background of media convergence // International Journal of Education and Humanities. 2023. Vol. 10, № 1. P. 123–126. <https://doi.org/10.54097/ijeh.v10i1.11100>

Статья поступила в редакцию 20.02.2024 г.

Научная статья

УДК 070.1:654.197 + 78.07:654.197(470) + 78.07:654.197(510)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.025

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В РОССИИ И КИТАЕ

Юань Е¹

Людмила Алексеевна Круглова²

^{1,2}Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

¹yuanye9681@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-0384-1151>

²abiljo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5022-4772>

А н н о т а ц и я. В статье исследуются современные российские и китайские телевизионные музыкальные программы и различные подходы к их классификации в России и Китае. Авторы приходят к выводу, что на сегодняшний день в отечественном научном дискурсе существует проблема определения данных программ и их классификации, так как существующие классификационные подходы очень сильно разнятся. Авторы на основе предложенных ранее типологий пытаются классифицировать российские и китайские телевизионные музыкальные программы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: телевизионная журналистика; телевидение; музыкальная программа; типология; классификация; форматы; жанры; Россия; Китай

ON THE ISSUE OF THE TYPOLOGY OF TELEVISION MUSIC PROGRAMS IN RUSSIA AND CHINA

Yuan Ye¹

Ludmila A. Kruglova²

^{1,2}*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

¹yuanye9681@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-0384-1151>

²abiljo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5022-4772>

Abstract. The article examines modern Russian and Chinese television music programs and various approaches to their classification in Russia and China. The authors conclude that today in the domestic scientific discourse there is a problem of defining these programs and their classification, since existing classification approaches vary greatly. Based on the previously proposed typologies the authors try to classify Russian and Chinese television music programs.

К e y w o r d s: television journalism; television; music program; typology; classification; formats; genres; Russia; China

Введение

Музыкальные телевизионные программы с самого зарождения телевидения пользовались популярностью у зрителя не только в России и Китае, но и во всем мире. По мнению Т. П. Ванченко, телевидение, изначально появившееся как технический аттракцион и зрелище, постепенно выросло из рамок аттракциона, «превратившись не только в средство массовой информации и коммуникации, но и в одно из “экранных искусств” с совокупностью изобразительно-выразительных средств» [Ванченко, 2013, с. 122]. Ученый считает, что телевидение может выступать транслятором любых зрелищных форм искусства, а также создавать собственные телевизионные зрелища, сливаясь с такими видами, как музыка, кино, театр и т. д. Телевидение как феномен массовой культуры соединяет свою собственную телевизионную специфику с многообразием характеристик шоу, в результате чего получается симбиоз — телевизионные шоу-программы. Это одно из самых сильных по степени воздействия на зрителя изобретений массовой культуры. Ванченко, опираясь в большей степени на западные профессиональные телевизионные классификации, выделяет пять основополагающих моделей шоу-программ: музыкальное шоу, ток-шоу (разговорное шоу), шоу-театр, шоу-игра, реалити-шоу (документальное шоу) [Ванченко, 1999]. Что касается музыкально-развлекательных телевизионных шоу-программ, то новые телевизионные технологии открывают самые широкие возможности не только для создания, но и для сочинения эстрадного номера телевизионными средствами.

Исследователь С. Н. Акинфеев предлагает разделить развлекательное российское телевидение по формальному признаку на условные четыре вида (направлениях вещания): реалити-шоу, «легкие», или развлекательные, ток-шоу, телевикторины (квизы, телеигры) и так называемые шоу. В большинстве из предложенных видов присутствует музыкальная составляющая [Акинфеев].

Специфику музыкальных реалити-шоу в российском телевизионном сегменте исследовала группа ученых [Казачкова, Круглова]. Авторы комплексно анализировали контент проектов «Новая Фабрика звезд» (телеканал «Муз-ТВ») и «ПЕСНИ» (телеканал ТНТ) за 2017–2018 гг., рассматривали перспективность музыкальных реалити-шоу в условиях российской аудиовизуальной отрасли и масштабы их влияния на аудиторию.

Исследователь В. А. Колотаев утверждает, что форматная структура музыкальной телепрограммы глубока и многоаспектна, потому что она сформировалась (и еще формируется) под влиянием многих факторов и имеет достаточное количество разнообразных форматов, которые смешиваются и взаимопроникают друг в друга. Исследователь подчеркивает важность типологизации медиаобъектов: «Теория журналистики сегодня нуждается в более широком использовании типологии как метода научного познания, чтобы достичь более глубокого понимания

сущности журналистики, полнее раскрыть механизмы осуществления ее системных закономерностей» [Колотаев, с. 238].

В современном мире практически все телепрограммы используют музыку, но это не значит, что они являются музыкальными телепередачами. Музыкальных телевизионных программ также очень много, и они достаточно разнообразны. Как правило, музыкальные программы занимают высшие строчки телевизионных рейтингов (табл. 1 и табл. 2), но исследователи зачастую не считают их серьезной разновидностью телевизионного контента.

Таблица 1

**Лидеры российских телевизионных развлекательных программ
(05.02.2024–11.02.2024)***

№	Дата	Название	Канал	Рейтинг, %	Доля, %
1	11.02.2024	«Своя игра»	НТВ	3.2	5.3
2	09.02.2024	«Голос»	Первый канал	3.1	7.1
3	10.02.2024	«Ты не поверишь!»	НТВ	3.0	6.7
4	09.02.2024	«Ну-ка, все вместе!»	«Россия 1»	2.9	8.8
5	10.02.2024	«Привет, Андрей!»	«Россия 1»	2.8	7.7

* Источник: Рейтинги. Телевидение Mediascope // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 15.02.2024).

Таблица 2

**Лидеры китайских телевизионных развлекательных программ
(05.02.2024–11.02.2024)***

№	Дата	Название	Тип	Канал	Рейтинг, %
1	10.02.2024	«Привет, суббота!»	Тоу-шоу	Hunan TV	0.6
2	10.02.2024	«Бесконечный звук»	Музыкальная шоу-программа	Hunan TV	0.4
3	09.02.2024	«Если ты единственная»	Шоу знакомств	Jiangsu TV	0.35
4	11.02.2024	«Горячая точка»	Реалити-шоу	Jiangsu TV	0.26
5	11.02.2024	«Кикбоксинг»	Спортивный	Henan Television	0.22

* Источник: Рейтинги: CMC Media Research. URL: <https://www.csm.com.cn/cpfw/ds/ssl.html> (дата обращения: 15.02.2024).

Методология и результаты исследования

Многообразие музыкально-развлекательных телевизионных шоу-программ порождает проблему определения программ данного класса и их классификации. В своем исследовании авторы ставили перед собой задачу — найти наиболее логичную, на их взгляд, типологию музыкальных программ российских и китайских телеканалов. Авторы провели комплексный анализ разработанных ранее классификаций музыкальных программ, предложенных В. В. Егоровым, Е. А. Шерстобоевой, Т. П. Ванченко и др. Также были проанализированы 62 музыкальные китайские, российские и западные телевизионные программы. Авторы предложили адаптировать российские классификации к китайскому контенту. Исследование проводилось в 2023–2024 гг., но рассматривались также музыкальные программы, которые уже прекратили свое существование на экране. Критерием отбора программ для анализа служила их принадлежность к той или иной типологической единице.

Сама музыкальная телепрограмма является феноменом многогранным, включающим в себя множество разных компонентов: исполнители, песни, музыка, сценарное воплощение шоу, сценарий и т. д. Музыкальные телепрограммы концентрируются вокруг самой музыки, используя телевидение в качестве основного носителя, и представляют собой форматы аудиовизуальных программ, которые развлекают публику.

Классификация музыкальных программ в России

В. В. Егоров констатирует, что «телевизионные жанры музыкального вещания прошли путь от трансляций концертов, музыкальных спектаклей, через тематические программы к музыкальному документальному фильму-портрету и к музыкальному оригинальному художественному фильму» [Егоров, с. 90]. При этом исследователь отмечает, что появление более сложных жанров не исключило из телевизионного эфира и трансляций популярных концертов, спектаклей, песенных конкурсов и т. п.

По жанровым особенностям В. В. Егоров разделяет музыкальные телепередачи на четыре основных типа:

1. Концертные программы:

1.1. Составленные из отдельных разнородных номеров, которые должен соединить ведущий;

1.2. Составленные из записанных и отредактированных концертов конкретных исполнителей;

1.3. Монтируются по определенному сценарию и вмещают в себя как давно снятые кадры, так и новые.

2. Трансляционные программы:

2.1. Трансляция спектакля, концерта, музыкального представления или события со специальной подготовкой и включением телевизионных сюжетов;

- 2.2. Трансляция без дополнительных телевизионных сюжетов;
- 2.3. Программы, составляемые по сценарному плану и сочетающие новые и записанные ранее номера.
3. Концертно-постановочные передачи:
  - 3.1. В основе которых лежат симфонические, камерные, а также песенные программы;
  - 3.2. Посвященные творчеству деятелей музыкальной культуры и отдельных творческих коллективов во всех музыкальных жанрах.
4. Постановочные представления:
  - 4.1. Сюжетное музыкальное представление, созданное по оригинальному сценарию, требующее режиссерской постановки номеров, их телевизионного решения, работы с композитором, балетмейстером, исполнителями, коллективами;
  - 4.2. Не требующее постановки номеров или их нового решения;
  - 4.3. Представление, основой которого является музыкальная драматургия без оригинального текста [Егоров, с. 102].

По нашему мнению, данная классификация имеет исторические ограничения и ее необходимо расширять, обновлять и актуализировать. С развитием музыкальных программ меняются их характеристики и классификации. Основной особенностью развития музыкальных шоу является интеграция с другими программами разных жанров и форматов.

В своей работе Т. П. Ванченко утверждает, что в результате синтеза шоу как особого типа зрелищности и музыкальной телевизионной программы возникают следующие разновидности телевизионных музыкально-развлекательных шоу-программ:

1. Концерт:
  - 1.1. Концерт-дивертисмент;
  - 1.2. Театрализованный концерт.
2. Театральные формы телевизионного эстрадного шоу.
3. Телевизионные музыкальные новостные шоу-программы [Ванченко, 1999].

Также ученый отмечает, что структурным элементом музыкальных программ, кроме концертного номера, является и чисто телевизионная продукция — музыкальный видеоклип, обладающий огромными выразительными возможностями, которые, в свою очередь, превращают музыку в спектакль, кино или телешоу. Предложенная типология логична, но чересчур ограничена, на наш взгляд, форм музыкального вещания гораздо больше.

В своей диссертации «Музыкальное телевидение: программные и структурно-функциональные особенности» Е. А. Шерстобоева разрабатывает жанровую типологию музыкальных программ, основанную на системе жанров телепрограмм, которая была предложена научной школой кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, в частности, Р. А. Борецким и В. Л. Цвиком (см. учебник «Телевизионная журналистика» [Кузнецов]). Ниже мы даем классификацию музыкальных передач Е. А. Шерстобоевой [Шерстобоева, с. 135] и приводим соответствующие примеры российских и китайских музыкальных программ:

1. Группа информационных жанров музыкальных проектов как особые телепередачи, которые существуют на музыкальных каналах:

1.1. *Новостные программы*, основное содержание которых направлено на знакомство с тенденциями развития отечественной и зарубежной музыки. В настоящее время наиболее популярными информационными музыкальными программами в Китае являются «Китайское музыкальное телевидение», «Музыкальный рейтинг», «Деревня песен», «Музыкальный чарт» (ССТV). В России программами подобного типа можно назвать «Ньюсблок» («MTV (Эм-ти-ви) Россия», до 2022 г.) и «Про новости» («Муз-ТВ»).

1.2. *Выступление* (монолог в кадре) — это скорее не жанр, а метод передачи информации от исполнителей. Выступление может сопровождаться показами видео и фотографий. Если выступление происходит вне студии, может быть показана окружающая обстановка, но основным содержанием выступления всегда является монолог человека, который передает не только конкретное сообщение телеаудитории, но и свое отношение.

1.3. *Прямые включения* — тоже не являются жанром, а представляют собой метод трансляции международных конкурсов и музыкальных фестивалей. Россия: «Новая волна» («Россия 1»), «Евровидение» (Первый канал).

2. Группа аналитических жанров:

2.1. *Тележурнал*. Является форматом периодической телевизионной программы, состоящей из отдельных сюжетов, которые объединены ведущим. Самый популярный пример — программа «Абсолютный слух» («Россия-Культура»).

2.2. *Комментарий*. Это тип медиаконтента в форме телевизионных или онлайн-трансляций, который обычно включает в себя комментарий музыкального произведения, его исполнения и т. д. Такие программы имеют множество различных форматов, но их основная цель — обеспечить углубленное обсуждение и оценку музыки и связанных с ней исполнителей. Комментарий впервые появился в сериале «Знакомство с оперой» на советском телевидении. Комментарии профессиональных музыковедов сопровождают трансляции опер и концертов Большого театра. В Китае такой жанр часто сочетают с ток-шоу (например, «Хороший голос» на платформе Youku). В России это «Знакомство с оперой» (ЦТ).

2.3. *Беседа*. Этот жанр основан на диалогической форме сообщения и используется в программах, представляющих общественный интерес. Примерами могут служить программа «Антропология», которая выходила на телеканале НТВ, и программа «Улица рекордов» (ССТV-3), представляющая собой интервью с музыкантами и певцами.

2.4. *Дискуссия*. Целевые установки дискуссии — отстаивать свое мнение — создают определенную атмосферу речевого общения. Примером может служить «Музыкальный ринг» (советская и российская музыкальная программа) — дискуссионная программа, в которой обе стороны занимают равные творческие позиции, они используют в качестве аргументов и контраргументов факты и музыкальные выступления.

2.5. *Рецензия*. Основное внимание музыкальной рецензии направлено на оценку творческого объекта — музыкального произведения, музыкального исполнения, музыкально-творческого события [Курышева, с. 127]. примеры таких передач в России — «Шит-парад» («MTV Россия»), «Пип-парад» («Муз-ТВ»).

2.6. *Обозрение* — один из традиционных, устойчивых жанров аналитической публицистики. Основные особенности, которые его характеризуют:

— во-первых, обозрение строго фактологично, причем факты отбираются и группируются в соответствии с определенной авторской целью;

— во-вторых, обозреватель рассматривает факты в их взаимодействии, вскрывает существующие между ними причинные связи, отыскивает в единичном общем;

— в-третьих, для обозрения характерна широта исследования материала в отличие от комментария, в центре которого может быть единичный факт или событие;

— в-четвертых, материал обозрения нередко ограничен хронологическими рамками [Кузнецов].

Программа «МузОбоз» (ЦТ) была классическим примером обозрения на российском телевидении.

2.7. *Хит-парады*. В музыкальной индустрии в хит-парадах обычно учитываются данные по продажам, в некоторых случаях берутся в расчет данные по скачиванию композиций через интернет. Хиты определяют читатели различных музыкальных журналов, слушатели радиостанций и телезрители. Самыми яркими примерами являются «Вершины популярной музыки» («Top Of The Pop») в Великобритании и «Глобальный китайский музыкальный чарт» («Global Chinese Music Top 10», CCTV).

3. Документальный телефильм на тему музыки. Практически у каждого всемирно известного певца или музыканта сегодня есть хотя бы один документальный фильм о себе или своем творчестве, произведенный телеканалами или продюсерскими компаниями. Эти документальные фильмы могут включать фрагменты концертов, отрывки музыкальных видеоклипов, интервью с кумиром, его окружением или поклонниками, репортаж с концертов, вечеринок и др. Такие фильмы рассказывают об определенном периоде жизни исполнителя, его гастролях, быте и т. п. Появление подобного вида документального кино дает публике возможность ближе узнать музыканта, музыкальное явление и т. д. (например, «Джордж Харрисон: Living in the Material World», «Gimme Danger», «Searching for Sugar Man», «Майкл Джексон: This is it», «The Nowhere Inn», «Михаил Горшенёв. Легенда о Короле и Шуте», «Кобейн: Montage of Heck», «Amy» и т. д.).

4. Телевизионные шоу: концерты, конкурсы, реалити-шоу, телеигры:

4.1. *Телевизионные песенные концерты* часто собирают известных певцов для исполнения классических или популярных песен. Концерт занимает центральное место среди музыкальных жанров. «Современный эстрадный концерт все чаще реализуется как эстрадно-шоу с усиленной ролью эффектного зрелища и выстроенной целостной драматургией всей программы», со специфической формой «выстроенностью во времени» [Шерстобоева, с. 135]. В настоящее время на экранах

телевизоров по-прежнему активны музыкальные программы концертного типа, такие как «Песни от всей души» («Россия 1»), «Чудесная музыкальная коллекция» (Китай, CCTV) «Концерт времени» (Hunan TV), «Музыкальный клуб» (Hunan TV), «Музыка сейчас» (Hebei Television), «Новая музыка» (Jinan TV).

4.2. *Конкурс*. Конкурс обычно состоит из двух частей: концерта как внешнего образа и конкурсного механизма как внутреннего ядра. Наиболее типичные программы подобного типа: «Маска» (НТВ), «Ты супер!» (НТВ), «Во весь голос» («МИР»), «Главная сцена» («Россия 1»), «Щас спою!» (Первый канал), «Новая звезда» («Звезда»), «Можешь? Спой!» (Первый канал).

4.3. *Музыкальное реалити-шоу*, в котором участники соревнуются по определенным правилам. «Сама форма реалити-шоу крайне разносторонняя и емкая, именно с этим связаны дискуссии о ее природе и классификации, в целом бесспорно, что реалити-шоу относятся к гибридным шоу, в основе которых лежит игра» [Новикова, с. 165]. В последние годы, в связи с популярностью «Голоса», на китайских телеканалах набирают популярность музыкальные телевизионные реалити-шоу. Яркими примерами в Китае являются программы «Я певец» (Hunan TV) и «Кроссовер певец» (Jiangsu TV), «Голос» (Zhejiang Television), «Хочу с тобой петь» (Hunan TV), «Певец в маске» (Jiangsu TV); в России — «Голос» (Первый канал), «Фабрика звезд» (ТНТ) и т. д.

4.4. *Игра*, или музыкальное игровое шоу, которое сочетает музыкальные элементы с игровыми. Это независимый и инновационный тип телепрограмм, который отличается от западных музыкальных телешоу. Наиболее важная особенность подобных программ — интерактивность. Самым ранним музыкальным телеигровым шоу в Китае стало «Лего», запущенное спутниковым телевидением провинции Гуандун в 2011 г. Позже появились программы «Скрытый певец» (Zhejiang Television) и «Смотри свой голос» (Jiangsu TV), «Угадай мелодию» (CCTV), «Кто певец?» (Zhejiang Television). Типичные игровые программы в России: «Два рояля» (РТР), «Угадай мелодию» (ОРТ) и «Концерт-загадка» (ЦТ).

4.5. *Телевизионное караоке* (программы «Я люблю запоминать тексты» (Zhejiang Television), «Я великий судья» (Hunan TV), «Ты выиграешь, еслилюбишь петь» (Guangdong TV)).

5. *Клипы*. Сегодня, когда мы говорим о певцах или музыкантах, сразу вспоминаются их самые успешные клипы. Благодаря визуальным эффектам образ музыканта сильнее впечатывается в наше сознание. Музыкальный видеоклип — короткий кино- или видеофрагмент (видеоклип), сопровождающий музыкальную композицию. «Клип отображает стилистику музыки, нередко иллюстрирует песню, иногда показывает внешние данные артиста с наиболее выгодных ракурсов. Видеоклип может содержать визуально-сюжетную линию событийной истории песни, сценарий на которую подготавливается режиссером-«клипмейкером» [Львовская, с. 109]. Различают постановочные, концертные, анимационные клипы. Видеоклипы в основном снимаются для показа по ТВ или в интернете. Видео- или киноклип может быть фрагментом полнометражного фильма. Среди категорий престижной музыкальной награды «Грэмми» есть

номинации «Музыкальный клип» и «Музыкальный фильм». Победителями в этой области в разные годы становились Питер Гэббриэл («Sledgehammer»), Майкл Джексон («Thriller»), Бьорк («All is Full of Love»), Бритни Спирс («Baby One More Time») и др.

Типология музыкальных программ в Китае

Несмотря на множество схожих моментов, классификации музыкальных программ китайского и российского телевидения отличаются друг от друга [Круглова, Юань]. Из-за развития развлекательных музыкальных телепрограмм в Китае и постоянной интеграции с другими телевизионными жанрами их содержание становится все более широким и сложным, что делает процесс их классификации очень трудным. Основываясь на предложенных российских типологиях, мы попытались разделить китайские музыкальные телепрограммы по форматам, содержанию, структуре, функциям.

1. Музыкальная информационная программа

На современном китайском телевидении музыкальные информационные программы представлены слабо. Обычно в них говорится о последних новостях из мира музыкальной индустрии, демонстрируются новые песни, новые релизы и т. д. Основными приемами подобного типа программ являются анализ и комментарии, а также показ музыкальных видеоклипов, что позволяет зрителям следить за тенденциями современной музыкальной моды. Самая известная программа этого формата в Китае — «Музыкальный чарт». Шоу создается компанией *Enlight Media* и ориентировано на музыкальные рейтинги. В настоящее время эта музыкальная информационная программа является эталоном данного формата передачи, у нее самые высокие аудиторные рейтинги и самый широкий охват в Китае. Программа транслируется по 30 минут каждый день и выходит в эфир почти на 80 телеканалах по всей стране. В частности, ежегодная церемония награждения, транслируемая в прямом эфире, правила и система отбора которой соответствуют международным стандартам, получила широкое признание, ее называют «Китайской Грэмми». Аудитория подобных музыкальных информационных программ — молодежная. Стиль программ непринужденный, живой, динамичный и модный, что соответствует эстетике современной молодежи.

2. Интервью с музыкантами и певцами

Этот тип программы может включать в себя, помимо интервью, исполнение музыкальных произведений, что помогает создать оживленную атмосферу и привлечь публику. Стиль программы может быть как юмористическим, так и доверительным. Ярким примером подобного рода шоу можно назвать программу канала CCTV-3 «Улица рекордов». Здесь членами жюри становятся обычные зрители, они могут спокойно общаться с музыкальными кумирами. Программа «Золотой диск», созданная компанией *Beijing Harmony Sky Culture Media*, рассказывает

о музыке, знакомит с новыми произведениями, а также в ней в процессе личного общения раскрываются разные стороны музыкальных звезд.

3. Телевизионное караоке

Это новый тип музыкальной программы, которая выводит на экран телевизора массовое развлечение, заключающееся в непрофессиональном пении. С 2008 г. телекараоке занимают большую часть развлекательных программ на местных телеканалах. В настоящее время в Китае шесть локальных спутниковых телеканалов (Zhejiang Television, Hunan TV, Guangdong TV и др.) запустили телекараоке. Например, «Я люблю запоминать тексты», «Я великий судья», «Ты выиграешь, если любишь петь», «Вызов микрофону», «Кто смеет петь», «Выиграй мир», «Начни сначала», «Давай споем».

На самом деле эти программы можно разделить на две категории: соревнования по запоминанию текстов песен и соревнования по певческим навыкам. К первой относятся такие программы, как «*Don't Forget the Lyrics*» и «*Singing Bee*», которые в настоящее время популярны в Европе и США. В этих программах на первое место выходят не певческие навыки участников, а умение ими точно запомнить текст. «Я люблю запоминать тексты песен» — успешный представитель такого типа программ в Китае.

Соревнования по певческим навыкам опираются на формат программы «*Who Dares Sings*», запущенной ITV в Великобритании в 2008 г. Здесь в основном оценивается сходство вокального исполнения участников и оригинальных певцов. Однако от участников ожидается более высокий уровень пения.

4. Песенный концерт

Ведущая CCTV *Ян Ин* использовала простую формулу, чтобы дать определение песенному концерту: «Старые песни + поп-песни + исполнение певца = песенный концерт». То есть песенный концерт принимает форму концерта или фан-клуба, куда певцов приглашают выступить вживую. Телевизионный песенный концерт сочетает в себе музыкальные песни с различными художественными жанрами (танец, игра на музыкальных инструментах и т. д.).

«Та же песня» — один из первых песенных концертов на телевидении Китая, который постоянно транслируется по CCTV. Эта программа была создана 27 января 2000 г., ее продюсер — Мэн Синь. Программа приглашает известных певцов спеть классические песни. Каждый выпуск имеет особую тему. «Та же песня» ориентирована на создание уникальной серии рейтинговых масштабных концертов. В 2005 г. программа впервые появилась в США и с тех пор очень плодотворно сотрудничает с крупными международными медиаорганизациями в Южной Корее, Японии и Сингапуре.

Подобные программы появились на местных китайских телеканалах с 2005 г.: «Музыкальный клуб» (Hunan TV), «Музыка сейчас» (Hebei Television), «Новая музыка» (Jinan TV), «Музыка на месте» (Yunnan Television).

5. Музыкальные игровые шоу

Игра является важной составляющей частью развлекательной программы, в том числе музыкального типа. Мотивацией для участников, как и в других телеиграх, становится приз (деньги, поездки, товары или услуги). В книге «Игры и люди» французский исследователь предлагает разделить все игры на четыре основных типа: 1) соревновательные; 2) азартные; 3) актерские; 4) психологические [Кайуа, с. 304].

В телеиграх соревновательных типов участники состязаются в музыкальном навыке, например, музыкальные игры «Угадай мелодию», «Можешь? Спои!». Ключевым фактором в азартных телеиграх является случайность, результат зависит от удачи, игроки не столько играют, сколько угадывают. Примеры программ: «Музыкальная интуиция» (ТНТ, Россия) «Кто певец?» (Китай). Сейчас на китайском и российском телевидении актерских и психологических музыкальных телеигр нет, однако элементы актерской игры и психологической составляющей присутствуют во многих шоу.

6. Музыкальные реалити-шоу

С XX в. на телевидении появился новый жанр передачи — реалити-шоу, с тех пор возникло большое количество популярных телевизионных проектов, которые с успехом демонстрировались во всем мире. Сегодня элементы реалити-шоу используются в различных телепроектах, в том числе музыкальных программах.

Популярность музыкальных реалити-шоу неразрывно связана с их уникальным форматом, который, по сути, не меняется [Абраменко, 2005]. Музыкальные реалити-шоу относятся к программам поиска новых талантов. В подобных телевизионных программах участники чаще всего показывают свои вокальные способности [Гуцал, 2008]. Подобный формат существует и в Китае. Музыкальные реалити-шоу основаны на технике документальных съемок и следуют правилам мероприятия, позволяя участникам продемонстрировать свои музыкальные таланты [Юань Сяофан].

Говоря о музыкальном реалити-шоу, нельзя не упомянуть самый известный проект в мире «Голос» (первоначальное название «Голос Голландии») — телевизионное музыкальное реалити-шоу, созданное в 2010 г. голландскими продюсерами Джоном де Модем и Роэлем ван Велзеном. «Голос» не только возродил интерес зрителей к шоу талантов, но и вызвал бурные дискуссии в обществе. Основная миссия этого шоу — поиск и отбор универсальных вокалистов, поющих в разных жанрах и на разных языках. Программа привлекла 3 млн телезрителей (что составляет 18,2 % от общей численности населения Нидерландов) сразу после ее трансляции на голландском телеканале RTL4 [The Voice of Holland]. После успешного завершения первого сезона формат шоу «Голос» был продан в 55 стран, включая Францию, Великобританию и Германию. «Голос Китая» на Чжэцзянском телевидении и русская версия на Первом канале были запущены в 2012 г. Как и в России, китайская версия шоу «Голос» существует уже более десяти лет. За это время вышло более 150 выпусков.

Выводы

Основываясь на предложенных российских типологиях, мы попытались разделить китайские и российские музыкальные телепрограммы по форматам, содержанию, структуре, функциям. Были выделены шесть типов музыкальных программ, которые реализовываются на китайском и российском телевидении: музыкальная информационная программа, интервью, телевизионное караоке, песенный концерт, музыкальные игровые шоу и музыкальные реалити-шоу.

Данная типология позволяют конкретизировать подход журналистов к созданию музыкальных программ, привлекательных для телезрителей. Однако необходимо подчеркнуть, что конечная классификация музыкальных программ на сегодняшний день еще не сформирована. Классификация музыкальных программ меняется с появлением новых форматов телепрограмм и новых технологических платформ, с развитием цифровизации. В настоящее время все больше и больше телеканалов интегрирует преимущества телевидения и интернета для создания более качественных телепрограмм. Очевидно, что новые методы и средства разработки телепрограмм стимулируют создание новых типов и форматов музыкальных программ.

Абраменко А. Жанр реалити и его особенности на российском телевидении // Вестн. Аста Diurna. Перм. гос. ун-та. 2005. № 1. URL: https://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_1/abr_real.htm (дата обращения: 01.03.2024).

Акинфеев С. Н. Развлекательное телевидение: классификация, определение, жанры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2008. № 6. С. 110–124.

Ванченко Т. П. Технология моделирования культурных программ на телевидении (состояние и перспективы) : дис. ... канд. филос. наук. М., 1999. 135 с.

Ванченко Т. П. Шоу-программы современного ТВ. Классификация и специфика моделирования // Вестн. ВГИК. 2013. № 16. С. 122–132.

Гуцал Е. А. Реалити-шоу на современном российском телевидении : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

Егоров В. В. Телевидение: теория и практика : учеб. пособие. М., 1992. 225 с.

Казачкова А. Ю., Круглова Л. А. Музыкальные реалити-шоу на российском телевидении (2017–2018 гг.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 1(195). С. 48–59. <https://www.doi.org/10.15826/izv1.2020.26.1.006>

Кайца Р. Игры и люди : статьи и эссе по социологии культуры / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2007. 304 с.

Колотаев В. А. Типология реалити-шоу // Бизнес. Образование. Право. 2012. № 2(19). С. 238.

Круглова Л. А., Юань Е. Музыкальные реалити-шоу в Китае и России: сравнительная характеристика // Меди@льманах. 2023. № 5 (118). С. 23–29.

Кузнецов Г. В. Телевизионная журналистика. М., 2002.

Курьшева Т. А. Музыкальная журналистика и музыкальная критика : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Музыковедение». М., 2007. С. 127.

Львовская Е. М. Музыкальные видеоклипы как новое кино // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации : сб. материалов Всерос. конф. молодых исследователей с междунар. участием. М., 2019. С. 109.

Новикова А. А. Современные телевизионные зрелища: история, формы и методы воздействия. СПб., 2008. 208 с.

Цвик В. Л. Введение в журналистику : учеб. пособие. М., 2000.

Шерстобоева Е. А. Музыкальное телевидение: программные и структурно-функциональные особенности : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 136 с.

Юань Сяофан. Инновации и развитие китайских музыкальных реалити-шоу в контексте новых медиа // Новостная коммуникация. 2016. № 6. С. 22–23.

The Voice of Holland. Ratings. URL: <https://www.imdb.com/title/tt2419212/ratings/> (date of access: 01.03.2024).

Статья поступила в редакцию 03.03.2024 г.

Научная статья

УДК 070.23(571.6)“19/20” + 327(470:520) + 94(47) “19/20”

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.026

**ЖУРНАЛИСТ НА «ДАЛЕКОЙ ОКРАИНЕ» РОССИИ:
В. А. ПАНОВ И ЕГО ГАЗЕТА «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК»**

Алексей Валерьевич Антошин¹

Валерий Алексеевич Антошин²

¹ *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
alex_antoshin@mail.ru*

² *Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
alex_antoshin@mail.ru*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена истории журналистики на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX в. В центре внимания — газета «Дальний Восток», которую около 30 лет выпускал во Владивостоке отставной морской офицер В. А. Панов. Доказано, что данное издание является ценным источником по истории не только дальневосточной журналистики, но и социально-экономической и культурной модернизации края в конце XIX — начале XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дореволюционная журналистика России; «Дальний Восток»; В. А. Панов; Всероссийский национальный союз; русско-японские отношения

JOURNALIST ON THE “FAR OUTSKIRTS” OF RUSSIA: V. A. PANOV AND HIS NEWSPAPER “FAR EAST”

Alexey V. Antoshin¹
Valery A. Antoshin²

¹Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
alex_antoshin@mail.ru

²Ural Institute of Management of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Ekaterinburg, Russia,
alex_antoshin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of journalism in the Russian Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The article focuses on the newspaper “The Far East,” which was being published in Vladivostok by retired naval officer V. A. Panov for about 30 years. It has been proven that this publication is a valuable source not only referring to the history of Far Eastern journalism, but also regarding the problems of socio-economic and cultural modernization of the region in the late 19th – early 20th centuries.

Key words: pre-revolutionary journalism in Russia; “Far East”; V. A. Panov; All-Russian National Union; Russian-Japanese relations

Россияне, заброшенные судьбой в дальневосточный регион нашей страны, практически всегда ощущали свою удаленность от основных политических, экономических и культурных центров России. Не случайно одна из крупнейших газет дореволюционного Дальнего Востока называлась «Далекая окраина». Эта ситуация оказывала влияние и на работу журналистов, оказавшихся во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске.

История дореволюционной журналистики на российском Дальнем Востоке привлекала внимание исследователей уже в советский период. Однако в трудах советских историков затрагивались прежде всего сюжеты, связанные с изданием революционной прессы региона: социал-демократических газет «Забайкальский рабочий», «Приморский рабочий», «Голос приказчика», «Заря Востока», эсеровских изданий «Солдатская жизнь», «Голос революции» [Глущенко; Колыхалова; Макачук; Стрюченко]. Меньшее внимание уделялось либерально-оппозиционным органам печати: так, например, Т. Ф. Колыхалова, характеризуя деятельность основанной в Благовещенске группой местной интеллигенции Конституционно-демократической партии (кадетов), упоминала ее издание — газету «Голос окраины» [Колыхалова, с. 75].

Крайне редко в трудах советских авторов затрагивалась история тех периодических изданий Дальнего Востока, которые последовательно поддерживали правительственную политику. Особое место среди них, бесспорно, занимали

«Приамурские ведомости», которые начали выходить в Хабаровске с 1 января 1894 г. История возникновения этой газеты показывает, в каких сложных условиях приходилось работать журналистам на Дальнем Востоке в конце XIX в. Даже для издания «официоза» не было типографии, укомплектованной квалифицированными наборщиками и имевшей необходимые шрифты. Первоначально «Приамурские ведомости» выпускались в военной типографии, а в качестве наборщиков выступали нижние чины местной воинской части [ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 24]. Впоследствии газета стала печататься в типографии Приамурского генерал-губернатора. В начале XX в. «исполняющим должность» редактора «Приамурских ведомостей» был Александр Николаевич Баранцев — уроженец Смоленской губернии, переехавший на Дальний Восток. Здесь он работал сначала в качестве журналиста в Забайкальском областном правлении, а затем стал чиновником канцелярии Приамурского генерал-губернатора, был награжден орденами Святой Анны и Святого Станислава 2-й и 3-й степеней [Дальний Восток России..., с. 108]. Баранцев олицетворял тип редактора регионального «официоза», выражавшего точку зрения местных властей на развитие края.

Роль «Приамурских ведомостей» и других печатных изданий в обсуждении проблем развития Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX в. обстоятельно проанализирована в диссертационном исследовании Т. В. Прудкогляд [Прудкогляд]. Историки указывают на то, что на Дальнем Востоке роль СМИ была особой: именно на них возлагалась задача создания в крае информационного пространства, что должно было способствовать интеграции и развитию региона [Баранникова, с. 15].

Вместе с тем особенно интересен, на наш взгляд, феномен тех периодических изданий, которые, не будучи «официозами», выпускались местной интеллигенцией, поддерживавшей усилия правительства по социально-экономической и культурной модернизации региона. Следует учитывать, что ситуация на Дальнем Востоке России имела свою специфику. В осуществлении имперской политики в регионе большую роль играли представители общественности — ученые, инженеры, эксперты в разных областях знания. Многие из них входили в состав Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, который возник в 1894 г. по инициативе генерал-губернатора С. М. Духовского [ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 4]. Характеризуя те круги дальневосточной общественности, которые активно взаимодействовали с местными властями, известный историк А. В. Ремнев писал: «Это был сложный дискурс интеллектуалов (обосновывавших идеальные геополитические конструкции и пугавших мир возможными глобальными конфликтами) и политических прагматиков, которые хотя и скептически относились к интеллектуальным писаниям, но не могли не использовать их в имперской политической и управленческой практике» [Ремнев, с. 27].

Одним из наиболее ярких представителей дальневосточной общественности, который активно отстаивал на страницах прессы идеи модернизации региона, был Виктор Ананьевич Панов. Он происходил из петербургских мещан, окончил

Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте и более 20 лет служил на судах Российского Императорского флота. С 1875 г. служба В. А. Панова проходила в Сибирской флотилии, с 1890 г. в чине штабс-капитана он заведовал Владивостокскими и Александровскими мореходными классами [Архив ОИАК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 1].

Однако известность В. А. Панову принесла основанная им в 1892 г. во Владивостоке типография «Дальний Восток», в которой в том же году начала печататься одноименная газета. Постепенно В. А. Панов стал руководителем весьма крупного по тем временам издательского бизнеса. В благодарственном адресе по случаю 25-летия газеты «Дальний Восток», составленном в 1916 г., сотрудники издательства писали своему директору: «Только благодаря Вашему упорному труду Вы смогли создать такое обширное предприятие со всесторонними его отраслями, как то: образцовыми типографией, хромо-литографией, фото-цинкографией, с переплетной и картонажной мастерскими, в которых работает свыше 100 человек» [Там же. Д. 28. Л. 1].

Политическая позиция газеты «Дальний Восток» определялась взглядами самого В. А. Панова, вокруг которого, по заявлениям публицистов оппозиционной хабаровской газеты «Приамурье», «группировался правый лагерь» во Владивостоке [Приамурье]. В 1910 г. газета «Дальний Восток» фактически стала печатным органом Всероссийского национального союза (ВНС): редакция газеты даже принимала заявления о вступлении в состав данной политической организации [Дальний Восток]. Партия русских националистов (так обычно именовали ВНС) была создана в 1908 г. в Петербурге группой представителей консервативно настроенных чиновников и интеллигенции. Члены ВНС стремились содействовать «господству русской народности в пределах Российской империи», укреплению сознания русского народного единства, а также упрочению самодержавной власти царя «в единении с законодательным народным представительством» [Коцюбинский, с. 135].

Именно на эти идеи ориентировалась и редакция «Дальнего Востока»: газета нередко перепечатывала статьи из петербургских изданий «Россия» и «Новое время», которые также были близки к идеологии ВНС. Русские националисты являлись политической партией, которая последовательно выступала за поддержку всего комплекса реформ П. А. Столыпина, направленных на социально-экономическую модернизацию России.

Как отмечает историк Д. А. Коцюбинский, спецификой организационного строительства ВНС явилось преимущественное «насаждение» местных отделов «сверху», усилиями выезжающих в провинцию депутатов Думы, либо тесно связанных с ними местных активистов, что неизбежно привносило в данный процесс значительный элемент случайности» [Коцюбинский, с. 135]. На Дальнем Востоке отдел ВНС фактически возник вокруг В. А. Панова и редакции издаваемой им газеты. Как и в других регионах Российской империи, русские националисты здесь прежде всего вели борьбу против оппозиционных партий, активно используя тезис о связях между революционными кругами и «иногородцами». По заявлениям

публицистов газеты «Дальний Восток», можно было говорить об «инородческом засилье» в регионе. «Национальное русское дело на дальневосточной окраине доведено до полного упадка, — утверждали они. — Стоит заглянуть в библиотеки, народные дома, театры и т. д., чтоб убедиться в том, какие опустошения успели произвести там “освободители”» [Националист...]. По мнению деятелей Владивостокского отдела ВНС, такая ситуация была возможна только благодаря политической апатии патриотических сил, их инертности и нежеланию вести активную контрпропаганду идей революционеров. Указывая, что «инородцы всегда были и остаются врагами нашей родины», а левые интеллигенты «лишились национального чувства», публицисты газеты «Дальний Восток» задавали своим читателям вопрос: «Так могут ли они вершить все дела?» И сами же на него отвечали: «Пока да! Пока спит народ...» [Н. М.].

Организации ВНС были особенно активны на окраинах Российской империи, где наиболее остро стоял национальный вопрос. Кроме того, здесь можно было успешно использовать тезис о необходимости консолидации общества для противостояния внешним силам. Однако анализ публикаций газеты «Дальний Восток» показывает, что В. А. Панов и его соратники занимали довольно противоречивую позицию по внешнеполитическим вопросам.

С одной стороны, газета «Дальний Восток» критически отреагировала, например, на слухи о намерении правительства России продать Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). Признавая, что дорога приносила России лишь ежегодные убытки на сумму 30–40 млн руб., публицисты данного печатного издания, однако, указывали: «Этот вред — меньший того, который она несомненно принесет нам, будучи передана в чужие руки... В чужих руках Китайская дорога будет, несомненно, использована таким образом, что нанесет окончательный удар самому нашему существованию на Дальнем Востоке» [А.Б.С.]. По мнению одного из публицистов газеты, поскольку «единственным мыслимым для нас серьезным противником на Дальнем Востоке» выступала Япония, то именно она и стала бы реально распоряжаться КВЖД, угрожая безопасности восточных рубежей России.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что руководство редакции газеты «Дальний Восток» во главе с В. А. Пановым накануне Первой мировой войны последовательно выступало за уважение Россией национальных интересов Японии, считая это основой для нормализации отношений с данной страной. Так, известный русский архитектор А. И. Середин-Сабатин, автор ряда построенных в Сеуле дворцов, на страницах газеты доказывал, что России надо было готовиться не к войне с Японией, а к противостоянию Великобритании и Германии. «Воевать нам придется во всяком случае, — прозорливо замечал он еще в январе 1910 г. — Разница только та, что если выбор падет на Англию, то будем воевать только в Европе, а на Дальнем Востоке нас никто не тронет. Пойдем “спасать царей” (Германия) — будем воевать на два фронта — на Западе и на Дальнем Востоке». При этом А. И. Середин-Сабатин указывал, что именно Германия разжигала японо-российский конфликт, стремясь этим ослабить позиции Антанты [Середин-Сабатин].

В 1910 г. широкий резонанс имела инициатива США, предложивших провести так называемую нейтрализацию Маньчжурии, в рамках которой все ее железные дороги должны были перейти в собственность Китая, но находиться под международным контролем. Против этой идеи решительно выступила Япония, так как этот проект лишал ее тех преимуществ, которые она получила благодаря своим военным кампаниям первого десятилетия XX в.

В. А. Панов встал в этом вопросе на точку зрения Японии. Он доказывал, что в реальности предложение США имело целью ослабить позиции Японии не в Маньчжурии, а в Корее, которая являлась «центральным пунктом интересов Японии на азиатском материке». Для Японии любой проект «нейтрализации» Кореи был совершенно неприемлем. Однако особенно важно то обстоятельство, что, по мнению В. А. Панова, России следовало признать за Японией права на Корею: «Россия ни при каких политических комбинациях не должна тратить даже ломаного гроша на содействие к вытеснению Японии с материка Азии, потому что пребывание ее на нем не исключает возможности не только длительного добрососедского сожительства с Россией, но и совместных согласительных действий» [Панов].

Газета «Дальний Восток» приветствовала совместное отклонение Россией и Японией американских предложений по нейтрализации Маньчжурии. Однако публицисты газеты не строили иллюзий относительно надежности русско-японского союза. Они считали, что единственной гарантией обеспечения национальных интересов России в регионе является повышение ее обороноспособности. «Раз мы собственными руками раскрывали прикрывавшую нас бездорожную, глухую Маньчжурию, раз мы сами политикой авантюры в Маньчжурии и Корее создавали себе врага в соседнем государстве и обостряли международное соперничество у собственной отдаленной и глухой окраины», необходимо заняться укреплением Русского Императорского флота, заявлял В. А. Панов [Там же]. Ему вторил Н. М. Португалов: «Если мы не хотим быть завоеванными, если мы не хотим потерять наш Дальний Восток, то мы должны без всякого замедления приступить к постройке нескольких бронированных подводных крейсеров и нескольких десятков подводных лодок» [Португалов]. Публицисты газеты «Дальний Восток» последовательно поддерживали программу перевооружения русской армии, которую осуществляло накануне Первой мировой войны правительство П. А. Столыпина.

Таким образом, и после выхода в отставку бывший директор маяков и лоции Восточного океана В. А. Панов (именно так именовалась должность, которую он занимал в 1887–1890 гг.) продолжал выступать за повышение обороноспособности России на ее морских рубежах. Эту позицию отстаивала и газета «Дальний Восток», которую он редактировал более четверти века. Одна из старейших газет региона, она является весьма ценным источником по истории не только дальневосточной журналистики, но и социально-экономической и культурной модернизации края в конце XIX — начале XX в.

А. Б. С. Возможна ли продажа Китайской дороги // Дальний Восток (Владивосток). 1910. 1 янв.

Архив ОИАК (Архив Общества изучения Амурского края). Ф. 24. Оп. 1. Д. 26, 28.

Баранникова А. О. Взгляды представителей региональной власти на обеспечение национальных интересов России на Дальнем Востоке (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2018. 24 с.

Глущенко Н. А. Большевицкая печать Дальнего Востока в годы первой русской революции 1905–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1967. 14 с.

ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1.

Дальний Восток. 1910. 4 февр.

Дальний Восток России: из истории системы управления : док. и материалы. К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999. 233 с.

Кольхалова Т. Ф. Социал-демократическое движение на Амуре в период революционной борьбы с самодержавием (январь 1905 — февраль 1917 гг.). Томск, 1979. 260 с.

Коцюбинский Д. Всероссийский национальный союз // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в. : энцикл. М., 1996. С. 135–137.

Макарчук С. В. Социал-демократические организации Дальнего Востока в период отступления первой русской революции и в годы реакции (1906–1910) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1979. 23 с.

Националист. К вопросу об открытии на дальневосточной окраине национальных организаций // Дальний Восток. 1910. 26 янв.

Н. М. К выборам во Владивостокскую городскую думу // Дальний Восток. 1910. 6 февр.

Панов В. А. Нейтрализация Маньчжурии // Дальний Восток. 1910. 23 янв.

Португалов Н. М. Ни с места... // Дальний Восток. 1910. 21 февр.

Приамурье (Хабаровск). 1912. 5 янв.

Прудкогляд Т. В. Периодическая печать и ее роль в социально-экономическом и культурном развитии Дальнего Востока России, 1865–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. 29 с.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX в. Омск, 2004. 552 с.

Середин-Сабатин А. И. К грядущим событиям на Дальнем Востоке // Дальний Восток. 1910. 3 янв.

Стрюченко И. Г. Печать Дальнего Востока в пролетарский период освободительного движения в России (1895–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1986. 35 с.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024 г.

Научная статья

УДК 070.32(051) + 070.325(470)“1912/1915” + 347.781.52 + 82-92

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.027

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЖУРНАЛА «СОТРУДНИК ПЕЧАТИ»

Ирина Анатольевна Фатеева

Московский педагогический государственный университет,

Москва, Россия,

fateevafia@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-2119-2120>

А н н о т а ц и я. В статье анализируются типологические особенности журнала «Сотрудник печати» (1912, 1915) А. И. Хаста и М. А. Хаста, в частности, использование традиций научно-популярного и профессионального издания, а также журнала для самообразования с элементами «журнала-приложения» и других типов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Сотрудник печати»; А. И. Хаст; М. А. Хаст; типологические особенности; целевая аудитория; функции издания; научно-популярный журнал; профессиональное издание; журнал для самообразования

TYOLOGICAL FEATURES OF THE PRE-REVOLUTIONARY JOURNAL «THE EMPLOYEE OF THE PRESS»

Irina A. Fateeva

Moscow Pedagogical State University,

Moscow, Russia,

fateevafia@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-2119-2120>

Abstract. In the paper, the author analyzes the typological features of the journal “The Employee of the Press” (1912, 1915) by A. I. Hast and M. A. Hast. The author finds there traditions of popular and scientific magazine and professional publications, as well as a magazine for self-education with elements of supplement magazine and editions of other kinds.

Key words: “The Employee of the Press”; A. I. Hast; M. A. Hast; typological features; target audience; publication functions; popular and scientific magazine; professional publication; self-education magazine

Журнал «Сотрудник печати» не обращал еще на себя специального внимания историков отечественной журналистики. И это объяснимо: просуществовал он недолго, никакого выдающегося места в системе периодики не занял. Но нам представляется, что обращение к нему может иметь определенный интерес, если рассматривать его с точки зрения исторической типологии — как издание, совместившее в себе черты нескольких видов журналов и внесшее определенный вклад в их развитие.

Но прежде чем приступить к анализу типологических особенностей издания, дадим самую общую характеристику ему и его владельцам. Журнал «Сотрудник печати» начал издаваться в Петербурге в 1912 г. как ежемесячник. Всего вышло 5 номеров, причем один из них — двоянный (№ 4/5). Затем по неизвестным нам причинам издание было приостановлено, но в 1915 г. была попытка его возобновить: вышел № 7, однако он позиционировался уже не как журнал, а как сборник [Библиография периодических изданий России], хотя структура выпуска не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. Что же касается первого года издания, надо иметь в виду, что параллельно с журналом его организаторы выпускали в течение 8 месяцев политическую, общественную и литературную газету «Столичные отзвуки», ее история насчитывает всего 5 номеров.

Данные издательские проекты принадлежали Александру Израилевичу и Марку Александровичу Хастам: они значились соиздателями, а Марк Александрович еще и редактором; в № 7 «Сотрудника печати» роль А. И. Хасти не зарегистрирована. Достоверных данных о Хастах нет, но можно предположить, что это отец и сын. Кроме них к газетно-журнальному бизнесу был причастен еще один их родственник — Моисей Израилевич Хасти, соиздатель и соредактор выходившего в 1906 г. в Екатеринославе еженедельника «Вестник труда», а также редактор-издатель пяти номеров выпускавшейся тогда же и в том же городе ежедневной газеты «Южная Русь».

Версия о екатеринославском происхождении семейства косвенно подтверждается имеющимися сведениями о некоем Александре Горине (Хасти) 1884 г. р., «литераторе», члене екатеринославской организации РСДРП с 1902 по 1905 г., редакторе и соредакторе во время первой русской революции нескольких социал-демократических изданий, выходивших на южных территориях Российской империи, дважды за свою оппозиционную деятельность пережившем арест. Заметим, что о месте нахождения его после 1907 г. ничего неизвестно, но зато сообщается, что к 1917 г. он оказывается постоянным жителем Петрограда и руководителем / членом нескольких партийных и советских органов.

Если этот Александр Горин (Хасти) и есть Александр Израилевич, издатель «Сотрудника печати» и «Столичных отзвуков», то понятно, почему он отошел от семейного газетно-журнального бизнеса за 5 лет до Октября, оставив его сыну Марку. После закрытия вышеназванных проектов младший Хасти пытался предпринять в 1913–1914 гг. выпуск еще одного издания — художественно-литературного, политического и «популярно-научного» журнала «Наши силы», но вышло всего 4 номера.

Переходя непосредственно к решению той задачи, которую мы перед собой поставили, попробуем реконструировать хотя бы пунктирно концепцию учредителей «Сотрудника печати», понимая под ней выражение их замысла, идеи, которую они стремились реализовать, принимая решение об основании журнала. Это неизбежно должно было проявиться в нейминге издания. Обратим сначала внимание на его подзаголовок: «литературный и популярно-научный журнал для самообразования». С чем-то из этой авторской характеристики нельзя не согласиться, а что-то на проверку оказывается пустой формулой, так как не отражает профиля издания. Так, абсолютно не соответствует современным представлениям о видовой сущности журнала характеристика «Сотрудника печати» как литературного, поскольку на его страницах не публиковались художественные произведения в тех или иных жанрах, он не знакомил читателей ни с современным литературным процессом, ни с архивными произведениями писателей и поэтов. Что же касается двух других авторских слагаемых замысла («журнал для самообразования» и «популярно-научный журнал»), с ними приходится считаться; отметим только, что в современной типологии СМИ принято использовать измененный вариант второго термина («научно-популярный»).

Журналы для самообразования и научно-популярные издания в начале XX в. были чрезвычайно распространены. При всей адресно-функциональной общности в целевом отношении это несколько разные феномены: первые фокусировались на интересах целевой аудитории и предназначались для повышения уровня ее осведомленности, а вторые открывались в целях популяризации науки в широких слоях населения, что свидетельствовало о заинтересованности учредителей в ее развитии. Иногда в самом названии издания для самообразования указывался характер целевой аудитории («Деревенский самоучка» — для крестьян, «Курсы железнодорожных знаний» — для работников железных дорог, «Варшавский военный вестник» — для «русского воинства»), а в названии научно-популярного журнала — знаниевая область, являвшаяся предметом освещения («Вокруг света» — география, «Природа и люди» — естественные науки, «Вестник воспитания» — педагогика, «Путь к здоровью» — медицина и гигиена).

Знаменательно, что Хасты включили обе формулы в характеристику своего издания. Думается, резон у них был. У журнала, конечно, очень специфичная целевая аудитория — люди, начинавшие свой путь в прессе: в публиковавшемся на обороте титула рекламном объявлении об открытии подписки заявлялось, что «журнал ставит себе целью заочное обучение газетному и журнальному труду, а также поддержку и развитие (как теоретическое, так и практическое) начинающих литературных работников (корреспондентов, публицистов, беллетристов и т. п.)» (Сотрудник печати. 1912. № 2). Соответственно, это действительно был журнал для самообразования четко определенной группы людей. Чтобы узнать их получше и «установить тесную связь» с ними, дабы «не писать не по адресу», редакция поместила в первом номере «Анкету к читателям» и «убедительно просила ответить на все... вопросы возможно скорее» (Там же. № 1. С. 91–92).

Отвечая потребностям подписчиков, редакция очертила для себя круг освещаемых явлений — все то, что связано с периодической печатью. Учитывая, что время выхода журнала — это время институализации на Западе науки о журналистике (под которой журнал понимал «печать, служащую отражением повседневной бытовой, умственной, нравственной, политической, экономической и социальной жизни» (Сотрудник печати. 1912. № 1. С. 13), публикации издания логично рассматривать как контент, популяризовавший проблематику и достижения данной науки. Этому посвящены такие статьи, как «Журналистика и ее развитие» А. Юрина (№ 1), «Фельетон» А. Сергеева (№ 6, 7), «Газета и реклама» Р. Волина (№ 7). Несколько публикаций отдано под национальные «портреты» печати зарубежных стран: анонимные «Американская газета» (№ 2) и «Испанская журналистика» (№ 3), «Английская печать» Б. Лебедева (№ 4/5), «Периодическая печать в Японии» Н. Александровича (№ 7), «Женщины в парижских газетах и журналах» (№ 2).

Второй композиционно-смысловой пласт контента составляли обширные статьи, тематически связанные с журналистикой как социальным феноменом: «Государственное устройство» С. Громова (№ 7), его же «Бюджет и бюджетное право в России» (№ 1, 2), «Законодательство о печати за границей и в России» А. Юрина (№ 6, 7), «Основы самоуправления в Западной Европе» С. Качкова (№ 4/5) и его же «Самоуправление в России» (№ 7), «Основные течения в новейшей литературе» П. Самойлова (№ 4/5).

Таким образом, рассматриваемый нами журнал вполне соответствовал виду научно-популярного издания, специализировавшегося — в этом его новаторский характер — на теоретических и обзорных статьях по журналистике и связанным с нею областям. Расширяя интеллектуальный горизонт читателей, издание вместе с тем подчинялось логике журнала для самообразования, которая требовала от редакции уделять внимание и практическим (если угодно, ремесленническим) запросам аудитории. Для этого в нем помещались материалы, имевшие цель дать начинающим авторам руководство в литературной работе: «Что нужно знать каждому газетному и журнальному работнику» Вл. Михайлова (№ 1–7), «Применение статистики в журналистике» Х. Озеровского (№ 1), «О стихосложении» С. Борина (№ 2, 3, 4/5). Особенно много всякого рода практических рекомендаций содержится в статье Михайлова (опубликована в № 1–5 за 1912 г. и в № 7 за 1915 г.). Например, освещая правила написания отчетов о собраниях, лекциях и других мероприятиях, он советовал начинающим авторам быть решительными, но осмотрительными:

Несмотря на то, что закон карает газету за оглашение обстоятельств, позорящих честь отдельных лиц и учреждений, — газеты подобные обстоятельства оглашать могут, если только они были оглашены кем-либо на собраниях. Но при этом... необходимо, во-первых, назвать фамилию лица, оглашавшего эти обстоятельства, а во-вторых, почти со стенографической точностью воспроизвести заявление, сделанное в собрании, и ни в коем случае во избежание судебной ответственности газеты не допуская никаких замечаний от себя лично (Сотрудник печати. 1915. № 7. С. 40).

Пытаясь направлять читательскую активность своих подписчиков, создатели журнала давали им рекомендательные списки литературы, научной и художественной. Это делалось в рубрике «Систематическое чтение».

Важно также отметить, что редакция в каждом номере публиковала рубрику «Практические работы» и помещала в ней специально составленные задания, выполняя которые, подписчики имели возможность развивать свои авторские способности и оттачивать творческие навыки, причем задания эти были проблемно-тематически связаны с материалами того номера, в котором они помещались. Для примера приведем список заданий из последнего номера издания:

1. Напишите фельетон на какую-либо общественную или политическую тему.
2. Напишите и пришлите почтой телеграмму, какую вы отправили бы в газету о выдающемся событии в вашем районе.
3. Пришлите отчет о какой-либо лекции, прочитанной в месте вашего пребывания.
4. Пришлите статью на общественную, политическую или литературную тему.
5. Прочитайте какую-либо изданную в последние дни книжку (главным образом по беллетристике) и изложите в небольшой статье содержание прочитанного и ваше отношение к прочитанному (согласны ли вы со взглядом автора? Нужны ли подобные книги и т. п.).
6. Пришлите конспект одной из статей, напечатанных в этом номере.
7. Когда в месте вашего жительства будет слушаться громкое судебное дело, то, по окончании его, пришлите статью, в которой была бы сделана общественная оценка процесса и были бы подведены его итоги.
8. Побывайте на нескольких заседаниях вашего земства или вашей городской думы и пришлите статью с оценкой их деятельности (Сотрудник печати. 1915. № 7. С. 59).

Вступая с подписчиками в непосредственную переписку, Хасты предлагали им высылать в редакцию выполненные ими работы. Наиболее интересные из них редакция обещала печатать в той самой общественно-литературной и политической газете «Столичные отзвуки», которая выпускалась параллельно с журналом. Такая практика действительно использовалась. Следовательно, «начинающим авторам» предоставлялась возможность творческой самореализации в избранной профессии и комфортного выхода на рынок труда.

А для нас данный союз двух изданий позволяет говорить еще об одной специфичной характеристике «Сотрудника печати» — о его не вполне автономном характере и фактической зависимости от другого издания (без партнерских «Столичных отзвуков» издательская концепция журнала была бы лишена возможности полноценного воплощения в жизнь). Такая черта обычно присуща приложениям; только тут непонятно, какое именно из двух изданий основное, а какое приложение (они по статусу равноценны и в то же время каждое из изданий в какой-то степени зависит от другого). Исторически имели место быть оба варианта — и когда журнал являлся главным в проекте, а газета выступала приложением (например, «Молва» при «Телескопе» у Н. И. Надеждина), и когда наоборот (новиковский журнал «Детское чтение для сердца и разума» был приложением к «Московским ведомостям»).

Случались и более экзотические «дуэты», когда «журнал-приложение» прибавлялся к журналу же. Первый такой кейс, по-видимому, случился в начале 1860-х гг., когда в качестве «журнала-приложения» к «Архиву исторических и практических сведений, относящихся до России» выступил ежемесячник «Юридический вестник» [Русская периодическая печать..., с. 406]. Идея совмещения двух изданий журнального типа была реализована Н. В. Калачевым; современный исследователь называет его «интересным издательским ходом» [Горобец].

Мы готовы замысел проекта «Сотрудник печати + Столичные отзвуки» Хастов оценить точно так же: они придумали механизм обнародования пробных работ «начинающих авторов», ведь до институализации регулярных учебных газет как площадок для их публикации было еще далеко.

Важнейшая типологическая составляющая «Сотрудника печати» определялась принадлежностью его к оформлявшемуся виду профессиональных изданий, которые, как правило, имели заголовок, обозначающий представителя той или иной профессии. В начале XX в. таких изданий в России было предостаточно. Вот несколько столичных: «Электротехник» (1900–1906), «Садовник» (1906), «Фотограф» (1907), «Рабочий по металлу» (1906–1907), «Строительный рабочий» (1906–1907), «Петербургский кожевник» (1908–1909), «Столяр» (1910–1916), «Русский учитель» (1912–1913). Выходили такие издания и в других городах империи: «Русский пивовар» (Москва, 1911–1915), «Южный фармацевт» (Киев, 1908), «Судоходец» (Нижний Новгород, 1906–1916), «Сельский сотрудник» (Екатеринодар, 1909–1910), «Сотрудник Омской церкви» (Омск, 1914).

Специфичность анализируемого журнала в том, что профессия, которой он посвящен, еще только формировалась и получала признание социума. Эта ее «процессуальность», недостаточная определенность, аморфность отразилась в вариативности названий профессиональных изданий, имеющих отношение к работе в прессе: «Газетчик» (Петербург, 1907), «Сотрудник печати» (Петербург, 1912, 1915), «Журналист» (Москва, 1914–1915), «Кавказский журналист» (Тифлис, 1914).

Как видно из сведений о годах выхода, перечисленные выше издания трудно назвать особо успешными, все они существовали один-два года, независимо от того, были ли это частные проекты или органы общественных организаций, которым могла оказываться с их стороны организационная и финансовая поддержка. «Сотрудник печати» относится к первой группе, равно как и более ранний столичный журнал, издателем которого выступил некий И. А. Кудрявцев, а редактором — Н. А. Курилов. Окупаться такое издание могло прежде всего за счет рекламы и продажи тиража, но этому препятствовала слишком узкая целевая аудитория профессиональных изданий, не позволявшая проектам выходить на уровень прибыльности, поэтому они быстро закрывались. Однако не удалось долго удерживаться на плаву и изданиям другой («общественной») группы — журнальному органу московского Общества деятелей периодической печати и литературы (под редакторством В. М. Фриче, будущего советского академика)

и газете Тифлисского общества журналистов (сначала редактор Е. З. Гонзаго-Лавличинская, с № 4 — А. А. Глаголев). Значит, не созрело еще журналистское сообщество до осознания значимости и полезности коллективного представительства в системе печати.

Каковы типформирующие признаки и функции профессиональных изданий в целом и журналистских в частности? Некоторые из них явным образом пересекаются с теми, что характерны для уже рассмотренных нами групп журналов, если они адресованы именно специалистам в сфере журналистики (аудитория, специфичность информации, мозаичность в ее подаче, прикладная полезность, нацеленность на передовой опыт и технологии, истории успеха, обращенность к проблематике профессиональной культуры). В той или иной степени они, на наш взгляд, успели-таки проявиться в «Сотруднике печати». Почему, например, в нем так много материалов о зарубежной печати? Потому что члены редакционного кружка исходили из тезиса о «поразительной отсталости русской журналистики» (Сотрудник печати. 1912. № 1. С. 22), что предполагало обращение к более развитым ее формам в Западной Европе и США. Но положительный опыт имелся и в России — его примеров предостаточно, скажем, в упоминавшейся выше статье Вл. Михайлова, репрезентовавшей «нормальный технический кругооборот газеты и журнала» (Там же. С. 53).

Вопрос о функциях профессиональных изданий остается в науке открытым до сих пор. Так, С. Б. Юфкина в современном журнале «Журналист» выделила семь функций: аналитическую, обозренческую, собирательную, консультирующую, идейно-лидирующую, образовательную и функцию закрепления авторства [Юфкина, с. 128–130]. Но это когда речь идет о журналистике как давно устоявшемся институте и о роли в нем издания, уже отметившего 110-летний юбилей! Помнится, Б. И. Есин в свое время заметил, что «каждое конкретное издание может иметь свое лицо при некоей типологической общности» [Есин, с. 110]. Если это верно при синхроническом подходе, то при диахроническом верно вдвойне. И понятно, что «индивидуализированные разновидности типа» в значительной степени обусловлены спецификой исторического момента существования издания.

Есть все основания полагать, что редакция «Сотрудника печати» чутко уловила функциональные запросы аудитории своего времени и адекватно ответила на эти ожидания своей «индивидуализированной разновидностью» типа профессионального журнала. Укажем здесь на две содержательные и коммуникационные черты «Сотрудника печати», вытекающие из системных особенностей начала десятих годов прошлого века.

Запрос первый обусловлен потребностью всех начинающих авторов в своей профессионально-личностной самоидентификации, сопряженной с тогдашней молодостью профессии, еще не успевшей до конца осознать свою высокую миссию. Следовательно, редакция считала себя обязанной многократно подчеркивать «весьма важное значение и назначение журналистики». Например, в одной из первых статей журнала читаем:

Если правильно ходячее сравнение печати с мировой державой, то верховная власть в этой державе по справедливости следует признать за журналистикой (Сотрудник печати. 1912. № 1. С. 8).

Ею она, по мнению автора, обязана «непосредственной связи с жизнью, которая до мельчайших подробностей, словно в зеркале, находит себе отражение в журналистике» (Там же).

Называя роль журналистики «практической, как бы подсобной», а иногда и «руководящей», журнал в лице А. Юрина убеждал своих читателей:

...журналистика, собирающая отдельные факты жизни и с быстротой, опережающей развитие событий, передающая их с одного конца земного шара в другой; журналистика, объединяющая эти разрозненные факты и события, чтобы раскрыть их внутреннюю сущность и их последствия; журналистика, проникающая яркими лучами своего света в самые темные и глухие подземелья жизни; журналистика, отражающая мнение всего общества или отдельных его групп, — по справедливости должна занимать в истории человечества исключительно выдающееся место. Она приобщает человека к мировой жизни и культуре и расширяет его опыт... Обществу она показывает его внутреннюю жизнь и уясняет его смутно чувствуемые потребности. Она толкает вперед законодательство; она заставляет власть служить обществу; она вскрывает все язвы жизни... Огромная заслуга журналистики заключается уже в том, что она заставляет нас задумываться над новыми задачами, которые ставит изменяющаяся жизнь, — и дает весь необходимый материал для разрешения этих задач... (Там же. С. 10).

Подобными материалами журнал подкреплял жизненный и профессиональный выбор своих читателей.

Запрос второй продиктован потребностью всех людей в принадлежности к группе и естественным желанием начинающих авторов коммуницировать с себе подобными. Чтобы предоставить им такую возможность, редакция учредила рубрику «Переписка друзей» и в каждом номере печатала письма подписчиков «друзьям по журналу». Между читателями действительно завязались контакты: они обменивались друг с другом важными сведениями, обсуждали общие проблемы, предлагали высказываться по поводу своих творческих замыслов, делились потенциальными возможностями. Например, в № 3 один из подписчиков (С. Суфражист) поместил в рубрику сообщение об объявленном Обществом деятелей периодической печати и литературы (Москва) конкурсе лирических стихотворений на соискание пяти премий в честь 50-летнего юбилея С. Я. Надсона (Сотрудник печати. 1912. № 3. С. 63), взамен он просил предоставлять информацию о других конкурсах.

Частенько к дискуссиям присоединялась редакция, подписывая свои реплики «От редакции». Например, некий Григорий З. отметил таким эпатажным высказыванием: «Поставить женщин в правах наравне с мужчинами — все равно, что смешать стаю волков со стадом овец, или пустить голодного волка в овчарню». Это, по мнению автора реплики, «неопровержимая истина», но редакция считала необходимым назвать такой взгляд «слишком упрощенным и необоснованным»

и посоветовала его носителю прочитать книгу Бебеля «Женщина и социализм» (Сотрудник печати. 1912. № 3. С. 62). На соседней странице подписчик Г. Смагин, увлекающийся стихотворством, предложил «друзьям» с аналогичными интересами «поменяться стихами» и, в случае необходимости, «сгладить некоторые шероховатости» его творений. Чтобы дружба завязалась, он просил редакцию опубликовать его полный адрес и высказывал намерение начать печататься. На это последовал ответ «От редакции»:

Мы не рекомендуем покамест нашему подписчику Г. Смагину посылать свои рассказы и стихотворения в другие журналы и газеты. Хорошие произведения могут найти себе место и в «Столичных отзвуках», а плохих нигде не примут. Лучше раньше попрактиковаться, а затем хороших работников мы и сами будем рекомендовать разным изданиям (Там же. С. 59–60).

Темы для дискуссий заявлялись в «Переписке друзей» самые разные (от «причин дороговизны мяса» до сионизма и судеб «народов, не имеющих государственности»). Но наиболее популярными оказались три: о женском равноправии (в № 4/5 соответствующая «ветка» включала 10 писем-ответов), о самоубийствах и об объединении «начинающих авторов». Последняя представляет для нас особый интерес, потому что в контексте ее обсуждения высказывались комментарии по поводу редакционной политики журнала. В качестве примера приведем письмо, подписанное «Подписчик Правдоискатель»:

Объединение — дело хорошее и легко исполнимое, и оно отчасти уже началось в «Сотруднике печати», но удовлетворит ли это начинающих — вот вопрос. По-моему, нет. Журнал даст только возможность упражняться в той области литературы, которая ему свойственна — и только.

Каждый автор может считать цель достигнутой лишь в том случае, если он будет получать за материалы вознаграждение, именуемое гонораром, если приобретет обширную аудиторию читателей и если его произведения, собранные в отдельную книжку, найдут себе сбыт.

Но как этого достигнуть? По-моему, авторы должны создать союз, закрепленный уставом, который кроме профессиональных задач должен заняться изданием какого-либо периодического органа, давая в нем место произведениям членов своего союза, а также издавать отдельными книгами произведения своих членов. Разумеется, все это осуществимо лишь при условии, если членские взносы и подписка на журнал дадут средства (Там же. С. 64).

В дальнейших откликах по этой теме подписчики журнала высказали несколько конкретных идей: организовать «нечто вроде частного Литературного товарищества» (наподобие многочисленных товариществ типографов, книгоиздателей, торговых объединений); взять кредит; привлечь усилиями подписчиков по регионам их проживания новых пайщиков; определиться с величиной членского взноса в «Авторский союз» и с форматом собственного периодического органа, который должен бы отличаться параметрами общего интереса от «Столичных отзвуков», названных одним из дискуссионтов «домашней» газетой, и пр.

Можно даже предположить, что возникший в 1913 г. журнал «Наши силы» — это и есть результат обсуждений и предложений в «ветке». Если это так, то становится понятной хронология проектов и возврат М. Хаста в 1915 г. (после закрытия в 1914 г. этого нового журнала) к «Сотруднику печати» в усеченном виде (как сборнику).

Следует оговориться, что относящийся ко второму десятилетию XX в. факт превращения журнала, на базе специализированной рубрики, в площадку для живого общения людей со схожими интересами — это отнюдь не первый случай в России, когда редакция периодического органа становится модератором эффективной коммуникации с заинтересованной публикой и инициации ее на реальную деятельность. В литературе неоднократно описывалась аналогичная практика журнала В. В. Битнера «Вестник знания» (1903–1918), включая опыт «развиртуализации» членов комьюнити в процессе проведения им лекций, экскурсий и съездов подписчиков [Махонина; Морева]. При этом эксперты указывали на уникальность данной практики. Мы же видим, что у дела «вестникознавцев» были продолжатели (с поправкой на масштаб и тайминг проекта).

Итак, проведенное нами историко-типологическое исследование показало, что журнал «Сотрудник печати», при всей своей ограниченной состоятельности, является примером оригинального совмещения черт нескольких типо-видовых образований, уже вполне сложившихся в русской периодике к моменту его возникновения. Давно известно, что начало XX в. — это не только время наивысшего количественного роста и качественного развития системы периодических изданий в России, но и период интенсивного обогащения форм составляющих ее элементов. Благодаря этому в стране существовала богатейшая палитра типологических моделей, из которой каждый издатель мог выбирать нужную, а также смешивать их в целях достижения желаемого и адекватного запросам аудитории результата. Концепция «Сотрудника печати» является результатом такого смешения, а в качестве «ингредиентов» получившегося на выходе медиапродукта послужили типологические черты научно-популярного и профессионального изданий, а также журнала для самообразования с элементами «журнала-приложения» и нового для своего времени виртуального «места для переписки друзей», в полной мере развившегося в паблики и чаты только к рубежу XX и XXI вв. на базе новейших информационных технологий.

Библиография периодических изданий России. 1901–1916 / сост.: Л. Н. Беляева, М. К. Зиновьева, М. М. Никифоров ; под общ. ред. В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского : в 4 т. Л., 1958–1961. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/bibliografija-periodicheskikh-izdanij-rossii-1901-1916/> (дата обращения: 13.02.2024).

Горбеев А. Ф. Отечественные юридические журналы XIX века (эволюция и характерные особенности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2012. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005042619?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 12.02.2024).

Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России: задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981.

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века : учеб. пособие. 3-е изд. М., 2004. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text1/94.htm> (дата обращения: 13.02.2024).

Морева О. В. Содружество читателей «Вестника знания» (1903–1918) — пример успешной коммуникации редакции журнала с аудиторией // Библиосфера. 2023. № 3. С. 20–27.

Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черпахова. М., 1959.

Юфкина С. Б. Журнал «Журналист» как профессиональное издание // Тр. Ин-та бизнес-коммуникаций. СПб., 2018. Т. 4. С. 126–134. URL: <https://socialist.memo.ru/lists/slovník/index.htm> (дата обращения: 13.02.2024).

Статья поступила в редакцию 14.02.2024 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-1(470.5)“1941/1945” + 82.091 + 81'42 + 316.723

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.028

УРАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ: ОСОБЕННОСТИ ОПТИКИ

Татьяна Александровна Снигирева

*Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия,
tas0905@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>*

А н н о т а ц и я. В статье представлена поэзия Урала периода Великой Отечественной войны (1941–1945). Этим временем ограничен исследуемый материал, который рассмотрен в двух ракурсах. Во-первых, в соотнесенности с общепозитическими закономерностями литературы того времени показано, что региональная поэзия и с точки зрения жанровой картины, и с точки зрения стиливых особенностей (существование романтико-героического и реалистического письма) едина с общесоюзной. Во-вторых, предложен анализ творчества поэтов, представителей трех разных взглядов на войну: фронт — тыл — лагерь. Пространство / место, которое занимает человек в ситуации войны, напрямую влияет на своеобычность поэтической оптики войны, о чем явственно свидетельствует творчество М. Львова, Л. Татьяничевой и Б. Ручьева тех лет.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уральская поэзия периода войны; проблемно-тематический комплекс; жанровая картина; стиливые закономерности; поэтическая оптика; Л. Татьяничева; М. Львов; Б. Ручьев

THE URAL WARTIME POETRY: FEATURES OF VISION

Tatyana A. Snigireva

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS,
Ekaterinburg, Russia,
tas0905@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>*

A b s t r a c t. This article displays the Great Patriotic War (1941–1945) poetry of the Urals. The researched material is limited by this time interval, which is being considered from two perspectives. Firstly, in relation to the general poetic patterns of that time literature it is shown that the regional poetry is united with the all-Union poetry both from the point of view of genre painting and stylistic features (the coexistence of romantic heroic and realistic writing). Secondly, the article analyses the art of the poets who appeared to be the representatives of the three different angles of the war – the frontline – the rear – the camp. The dimension / the place taken by the individual at the state of the war affects directly the originality of the poetic perception of the war in a direct way, that is clearly proved by that period artworks of M. Lvov, L. Tatianicheva and B. Ruchiev.

К е y w o r d s: Ural war period poetry; problem thematic complex; genre painting; stylistic patterns; poetic optics; L. Tatianicheva; Mich. Lvov; B. Ruchiev

Традиционно литература Урала в своих основных художественных направлениях несколько отставала от общероссийской, что объясняется исторически сложившимися отношениями столичности и провинциальности, в нашем случае еще и региональной удаленностью от социально-культурного центра российской или (позже) советской империи. Литературная ситуация периода Великой Отечественной войны – исключение из установившегося правила. Лидерство поэзии первых месяцев войны, обусловленное ее способностью моментального отклика на трагические события, общность героико-патетического пафоса, смягченного «скрытой теплотой патриотизма» (Л. Толстой), идущей от того, что грянувшая война была «понятной» (вновь определение отечественных войн Л. Толстым), сделали единство и одновременность поэтического движения возможным и реальным.

Вполне сопоставима жанровая картина поэзии военных лет как в центре, так и на периферии: совмещение классических традиций (баллада, элегия, лирическая миниатюра, письмо, инвектива, с очевидной балладной доминантой¹) с фольклорными (причеть, заплачка, плач, клятва, песня, слово). Так же, как и всей поэзии, поэзии Урала присущи два основных стилевых потока: романтико-героический (зачастую становящийся агитационным) и реалистический, нередко реализующий

¹ См., например, названия стихотворений поэтов-уральцев первых лет войны: Вен. Станцев «Баллада о сорок первом», «Баллада о журавлях», «Апрельская баллада», «Баллада о 20-летнем капитане», «Печальная баллада», Марк Гроссман «Баллада об уральском танке», Николай Петропавловский «Баллада о живом аэродроме», Ан. Головин «Солдатская баллада», Ник. Маркин «Фронтальная баллада», Сергей Дагуров «Баллада о фронтовике с обезображенным лицом».

себя в конкретно-бытовом письме, предполагающий и дающий убедительный психологический рисунок.

Агитационность, столь оправданная в годы войны, нередко реализует себя в таких жанрах, как присяга, клятва, слово бойца: «Не хочет немец уйти из траншей / С нашей священной земли. / К земле его, подлого, пулей пришей, / Штыком его приколи!» [Куштум]; «Сохраним мы веселую, гордую речь! / Пронесем сквозь огонь» [Головин]; «В те дни, когда я стал народом, оставшись и самим собой...» [Найдич].

Конкретно-реалистическое изображение войны нередко совмещает элегическую интонацию, связанную с ощущением близости смерти, с «окопной правдой» войны, ее жестокой повседневностью и гибельностью:

Нас пятнадцать дней учили —
Бою одиночного бойца.
И винтовки СВТ вручили
Стриженным взволнованным юнцам.

...

И впервой за восемнадцать лет
Поняли: на всем на белом свете
Лучше, чем в кювете, места нет [Тулин].

Строчка Сергея Шитина «Моя, в атаке рухнувшая рота...» [Шитин] может быть названием или эпиграфом многих стихотворений уральцев военных лет, полных откровенных, горьких признаний: «Еще до рассвета / Нас было без малого двести, а после рассвета / Осталось всего сорок восемь» [Станцев]; «Под Ельней / Сначала шепчут слово / “Мама”, / Потом уже кричат / “Ура”» [Петропавловский]; «Полдень сталью ошарашивал, / бил по лицам суховой. / И никто тогда не спрашивал, / Кто — татарин, кто — еврей...»; «О, как мне тяжело этим вечером, когда гляжу я, сам не свой, / На фотографию разведчиков, где я — / Единственно живой» [Найдич].

Личностно окрашенные посвящения другу, матери, возлюбленной иной раз сопровождаются документальными предуведомлениями такого рода: «При взятии деревни Острова Новгородской области 206-й пулеметно-артиллерийский батальон, которым я командовал, потерял 87 человек. Было это в феврале 1944 года», дающими возможность лирическому герою задать исполненный чувством вины вопрос: «Как ты живешь, деревня Острова? / Какие сны тебе ночами снятся?» [Тулин].

Оба направления соотносимы как с индивидуальной манерой автора, так и с теми поэтическими задачами, которые он перед собой ставит. Достаточно сопоставить два стихотворения, близкие по времени создания: «Отчизна» Е. Хоринской и «Суровый танец» Л. Татьяничевой. Плакатная пафосность первого очевидна, но и уместна в первые месяцы войны: «И ночью и днем / Алый свет струится / От ясных / Рубиновых звезд Кремля. / Отчизна! / Священны твои

границы. / Отчизна! / Священна твоя земля. / ...Отчизна! / Родная! / Тебе клянемся / До капли / кровь / отдать / за тебя!» [Хоринская].

Стихотворение «Суровый танец» Л. Татьяничевой, как и многие ее произведения военных лет, сосредоточено на горе, которое принесла война в дом, семью: «И на току, / И в чистом поле / В войну я слышала не раз: / — А ну-ка, бабы, / Спляшем, что ли! / И начинался сухопляс». Поэтесса дает жесткое описание мужества, которое сродни отчаянию:

Без музыки,
Без вскриков звонких,
Сосредоточенны, строги,
Плясали бабы и девчонки,
По-вдовьи повязав платки.

...

Наперекор нелегкой доле,
Да так, чтобы слеза из глаз,
Плясали бабы в чистом поле
Суровый танец —
Сухопляс [Татьяничева, с. 206].

Уральская поэзия, особенно в первые месяцы войны, пытается избежать болевых тем, таких как «дети и война», «женщины и война», но они властно находят в ней свое место. А. Твардовский писал в дневниковой книге «Родина и чужбина»: «...дети и война — нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете» [Твардовский, 1978, с. 268], и только после войны он счел возможным опубликовать стихотворение «В пилотке мальчик босоногий», написанное в 1943 г. Представляется возможным сопоставить его со стихотворением 1941 г. К. Симонова «Майор привез мальчишку на лафете...» и стихотворением 1942 г. уральского поэта М. Гроссмана «Мальчик на дороге». Все три стихотворения сближены тематически: дети на войне, их трагические судьбы, опаленное войной детство. Однотипен хронотоп: ситуация встречи на дороге войны. К. Симонов решает тему в романтико-героическом ключе, что ведет к использованию резких контрастных красок: седина ребенка и заснувшая игрушка на его руках, именно военный лафет кажется самым надежным местом для мальчика, он взмахом руки приветствует войска, «идущие ему навстречу из России», идущие для того, чтобы вернуть ему истинный дом. Автор мечтает о том, «как тот мальчишка возвратиться с нами и поцелует горсть родной земли» [Симонов, с. 160]. А. Твардовский исключил саму возможность патетической приподнятости. Поэт в свойственной ему манере избрал путь «заземленного» рассказа о случайной встрече на обочине дороги взрослого солдата с мальчиком-сиротой, одним из многих сирот войны, который на участливый вопрос: «Сынок, должно быть, сирота?» — с давнишней тенью досады и тоски, с недетской серьезностью отвечает: «— Ну, сирота. — И тотчас: — Дядя, / Ты лучше дал бы докурить» [Твардовский, 1977, с. 122]. Ситуация встречи на дороге войны и в стихотворении М. Гроссмана «Мальчик на дороге».

Портрет, данный в зачине стихотворения, ближе к Твардовскому: «Мальчишка мне попался на дороге, / Он шел, смотря из-под опухших век, / Русоголовый, маленький и строгий, / Узнавший горе русский человек». Через перечисление событий и примет горя, выпавших на долю ребенку, в финале уральский поэт выходит на приподнятую интонацию, что сродни симоновской патетике: «Мы в этот день форсировали Волгу, / Мы шли к нему. / К мальчишке своему» [Гроссман, с. 11].

При всей очевидной вписанности поэзии Урала в общее движение литературы военных лет, она несет на себе явный отпечаток личности, отличимости, связанной со спецификой той литературной ситуации, что сложилась на Урале в годы войны. Прежде всего, ее создавали объединенным усилием литераторы не только разных поколений и национальной принадлежности, но и географического, социального и собственно литературного статуса и известности. Это поэты, жизнью-судьбой связанные с Уралом, уроженцы Свердловска, Челябинска, Магнитогорска, Качканара, Перми, Тюмени, Кургана и близлежащих от них поселков, сел и деревень. Это поэты, эвакуированные на Урал. Наконец, литераторы, приезжающие в командировку для освещения подвига тыла, работы трудового фронта страны. Урал всегда был этническим котлом, в годы войны он стал и своеобразным литературным котлом, в котором оказались вместе литераторы, до того знавшие друг друга по публикациям или не знавшие вовсе.

В данной работе ограничиваемся не только временными рамками — четыре года войны, но и именами: в центре внимания — творчество трех поэтов, связанных с Уралом рождением и воспитанием, представителей трех разных взглядов на войну: фронт — тыл — лагерь. Пространство / место, которое занимает человек в ситуации войны, напрямую влияет на своеобразность поэтической оптики войны, о чем явственно свидетельствует творчество М. Львова, Л. Татьяничевой и Б. Ручьева тех лет.

Среди поэтов-фронтовиков были прошедшие войну до конца (М. Львов, В. Станцев, М. Гроссман) и с нее не вернувшиеся (В. Занадворнов, Г. Занадворнов, К. Реут, В. Вохменцев, И. Бортников). Среди прошедших всю войну — Михаил Давыдович Львов (имя при рождении — Рафкат Давлетович Габитов; 1917–1988): воспитывался в семье сельского учителя, до войны успел издать одну книгу стихов (1940), воевал в рядах Уральского добровольческого танкового корпуса.

Мих. Луконин в заметке «Жизнелюбие поэта» настаивает на том, что всепобеждающий оптимизм — главная черта лирики поэта, поскольку его «стихи написаны в захлеб, радостно» [Луконин, с. 69]. Этому есть безусловные подтверждения:

Я с детства учился
Так в жизни держаться,
Так впутаться в жизнь,
Так с нею связаться,
Так крепко ее привязать у седла,
Чтоб жизнь от меня не могла отвязаться,
Чтоб жизнь от меня не могла отказаться,
Чтоб жизнь без меня обойтись не могла [Львов, с. 46–47].

Но, возможно, более точен в характеристике своеобразия поэтической атмосферы М. Львова В. Дементьев в статье «Без нас не полна современность»: «...творчество Львова выражает философскую сущность времени, оно родилось на зыбкой, неуловимой грани между жизнью и смертью, мужеством и отчаянием, победой и поражением» [Дементьев, с. 4]. Думается, по отношению к военной лирике поэта ключевым является слово *мужество*, и мир его поэзии тех лет — *мужской мир*, мир преодоления и жертвы: «Готовность к смерти — тоже ведь оружие. / И ты его однажды примени... / Мужчины умирают, если нужно, / И потому живут в веках они» [Львов, с. 34]. Поэт убежден: «Чтоб стать мужчиной, мало им родиться» [Там же]. Его герои всегда берут свою высоту: «Комбату приказали в этот день / Взять высоту и к сопкам пристреляться. / Он может умереть на высоте, / Но раньше должен на нее подняться» [Там же, с. 41], выносят невыносимое:

Неделю дождь без берегов,
Болотный дождь в тылу врагов,
И — холод, голод, ливень, грязь,
И так легко упасть, пропасть,
И стать рабом в стране рабов,
И гробом стать среди гробов...
Но нам приказывали жить,
Мы будем мужеству служить,
Год под дождем кружить, но жить,
Идти вперед!
Иди, живи,
Пока не дождь в твоей крови,
И мы прошли болота... [Там же, с. 38–39]

На первый взгляд стихи М. Львова военных лет весьма однолинейны, чуть ли не плакатны, но решительно-утверждающая интонация нечасто, но тем сильнее оттеняется рефлексией, связанной с рано возникшим чувством не только утраты, но и вины: «Эти дни позабыть нельзя, / Нам со многим пришлось расставаться, / Но, когда погибают друзья, / Неудобно в живых оставаться» [Там же, с. 31]. В одном из стихотворений, написанном в разгар войны, поэт признается в существовании для него не столько цензурных, сколько нравственных ограничителей: «Есть мужество, доступное немногим, — / Все понимать и обо всем молчать» [Там же, с. 35].

Поэзия тыла, что объяснимо, это преимущественно женская поэзия, и здесь особо значимо имя Л. Татьяничевой. 1915 года рождения, Л. Татьяничева до войны успела приобрести значимый социальный и литературный опыт: дочь сельской учительницы, рано осиротела, рано пошла работать (всегда совмещая ее с учебой). Сначала работала токарем на вагоностроительном заводе, потом на строительстве Магнитогорска и — одновременно — собкором и журналистом (газеты «На рельсах гиганта», «Магнитогорский рабочий», журнал «Штурм»). В 1944 г. в Челябинском книжном издательстве вышла ее первая книга стихов «Верность». В 1945 г. в том же издательстве вышла вторая книга — «Стихи».

Ее творчество военных лет никогда не было открыто агитационно-пафосным, это взгляд верной жены, подавленный плач Ярославны (так называлось одно из стихотворений этих лет), женщины, стремящейся словом заклясть беду:

Мы разучились плакать в этот год.
И наши песни сделались иными.
Про этот год жестоких непогод
Словами рассказать какими?
...
Тебе, живому, не скажу: воскресни.
Крепчает бой.
Зовет на Запад месть.
И скорбь слагает пламенные песни [Татьяничева, с. 30–31].

Татьяничева может быть предельно точна в создании трагического портрета беженки, ожесточенной горем войны:

В твоих косах степной ковыль.
Он расцвел сединой не в срок.
На ногах заскорузла пыль
Бесконечных военных дорог.
Мир казался тебе нелюдим.
Ты не глядя вошла в мой дом.
Прижимался к пустой груди
Твой ребенок голодным ртом.
Все обидным казалось тут [Там же, с. 32].

И предельно откровенна в чувстве вины и сопричастности этой, еще одной исковерканной войне жизни: «...Ты не в дом, а в судьбу мою / Своим горем вошла тогда» [Там же, с. 33].

Героиня поэтических портретов Л. Татьяничевой — это не только женщина ждущая, надеющаяся, любящая, сочувствующая, но самоотверженно работающая во имя победы. Сюжетная интрига стихотворения «Сталевар» строится на конфликтном соположении безусловно мужской профессии и того, что «не женское это дело» стало в годы войны женским:

По желобу, нагретый до отказа,
Течет металл в просторные ковши.
Он укрошен.
Он дышит жаром
На золотые руки сталевара.
А сталевар — совсем еще девчонка,
Не может глаз от плавки оторвать.
...Так молодая смотрит мать
На облик своего ребенка [Там же, с. 35].

Но после войны поэтесса корректирует свою оценку женского подвига военных лет. Стихотворение «Материнство» может быть понято как спор с собой,

которая «в году военном / в городе чугунном» с «восторгом юным» стихи писала «о женщине, / Что плавила металл», как полный драматизма рассказ о судьбе той, «совсем еще девчонки», «мастера плавок скоростных», которая так и не смогла увидеть «облик своего ребенка»: «...Вот только матерью она / Не стала / И внуков не увидела / Своих. / В ней женственность / И материнства силы / Дыханьем ярим / Погасил огонь» [Татьяничева, с. 194]. Л. Татьяничева одна из первых решилась на поэтическое высказывание, которое делает акцент не столько на движение к Победе, сколько на трагизм судеб, которым была эта Победа оплачена.

Особым драматизмом, но иного свойства, нежели у многих уральских поэтов военных лет, отмечена поэзия Б. Ручьева (1913–1973). Его оптика уникальна. Он, сын священника и учительницы, энтузиастстроек первых пятилеток, видит войну, будучи насильственно из нее изъятым. Его опыт — один из вариантов судеб комсомольцев тридцатых годов, безоговорочно верящих в тот строй, в котором им довелось жить. Предвоенное десятилетие: работа на Магнитострое («Принимай парнишку с синими глазами, / Город дымноструйный, в ремесло свое!» [Ручьев, 1978, с. 23]), успешный литературный дебют (в 1933 г. в Свердловске выходит первая книга стихов «Вторая родина», вскоре переизданная в Москве, благосклонно замеченная В. Луговским, Э. Багрицким, А. Сурковым), учеба в Литинституте, участие делегатом в работе Первого съезда советских писателей. А в 1937 г. — арест и приговор по обвинению в участии в уральской контрреволюционной организации. Свой срок заключения (с 1938 по 1947 г.) Б. Ручьев отбывает на Крайнем Севере: Оймякон, Магадан, Колыма. В годы оттепели, годы возвращения имени и прихода всесоюзной славы, Б. Ручьев в статьях, выступлениях, речах скупко говорит о том, с чем он столкнулся в годы войны: «Всем, что помогло мне выстоять перед тяжелыми испытаниями (а их было немало в жизни), я обязан моему городу Магнитогорску» (Выступление на юбилейном вечере в г. Челябинске, посвященном 50-летию поэта) [Там же, с. 206]; «...в так называемые годы культа личности не поодиночке, а своим, хотя и разрозненным строем шли комсомольцы во все отдаленные места. Они вместе с народом приняли и это испытание на душу...» («Время страдной творческой поверки». Выступление на IV пленуме Правления СП РСФСР, 1968 г.). [Там же, с. 236]. В одном из писем признается: «...Жизнь у меня не из таких, что годится напоказ» [Ручьев, 1979, с. 121]². Б. Ручьев не стал поэтом «лагерной темы», как Ан. Жигулин или В. Шаламов, но и не молчал об испытании, перенесенном народом наравне с войной. Не случайны даты, неизменно ставившиеся поэтом под своими поэмами и циклами стихов, написанными или задуманными в лагере: «Невидимка» (1942), «Прощание с юностью» (1943–1959), «Красное солнышко» (1943–1956).

² Исследователи творчества Б. Ручьева, вслед за поэтом, также почти не касались обстоятельств, в которых он оказался в годы войны. Нарушила умолчание челябинский ученый Л. П. Гальцева, много сделавшая и для научного изучения, и для популяризации творчества поэта. См., например, ее статью «“Жизнь идет, как на архипелаге...”: новые факты из жизни Б. Ручьева» [Гальцева, с. 5–14]. Небезынтересен и тот факт, что отрывок из незаконченной поэмы «Полос», осмысляющий лагерный опыт, был опубликован журналом «Урал» только в 1988 г.

1942-м годом датирован лирический цикл «Стихи о далеких битвах», имеющий трехчастную структуру. Прологовое стихотворение «За счастье и за мир родного края...» жестко расставляет пространственные границы в условиях войны и границы этико-гражданского свойства: «долины Оймякона» и «далекие битвы» страны, которые определяют ситуацию отчужденности, разделенности лирического героя, скованного кольцом несвободы, с братьями, друзьями, имеющими право «идти в смертельный бой». Во втором стихотворении «несносная тоска» и «неистовая боль» от невозможности быть рядом со всеми в смертельной атаке усугубляются полубредовыми видениями разрушений родной страны: «В огне золотые мои города, / поля мои дымом повиты, / от тихого Дона до неевского льда / в громах не кончаются битвы» [Ручьев, 1978, с. 160]. Герой грезит: «От боли шатаюсь, с бойцами иду, / повязки, как цепи, срывая в бреду» [Там же]. В заключающем триптих стихотворении сильное лирическое чувство-стремление быть рядом с воюющим народом достигает апогея, но воображаемая встреча с теми, кто вынес тяжесть войны на своих плечах, оборачивается неснимаемым чувством вины. Страх перед тем, «что поздно свобода придет», оказался ненапряженным:

Приду я в Россию. Утихла гроза.
Навстречу мне женка прищурит глаза:
— Здорово, соколик! Здорово, мой свет!
А где ты, соколик, шатался сто лет?
Друзья твои прямо прошли сквозь войну
и кровью своей отстояли страну.
Им вечная слава, почет без конца,
а ты, как бродяга, стоишь у крыльца....

...

а мертвые спросят: — Зачем ты живой?
Ты, видно, в боях не стоял до конца,
что сердце свое уберег от свинца?
Стучит твое сердце набатом в груди,
оставь нас, товарищ... Прощай и иди!..
...Мне пир как похмелье, минута что год,
И хлеб словно камень, и хмель не берет..
И думать нельзя, и не думать нельзя..
Прости меня, женка, простите, друзья!
У дальнего моря я долю клянусь,
что в горькой разлуке живу я в войну,
что в первой цепи не шагаю в бою
и люди не знают про доблесть мою [Ручьев, 1978, с. 161–162].

Пребывание в лагере, невозможность воевать за свою Родину осмыслены как личная трагедия отлучения от подвига, от общей судьбы народа. Особость взгляда на войну объясняет несвойственный этому времени мотив двойничества, характерный для военного и послевоенного творчества поэта: Невидимка в одноименной поэме, медведь в цикле «Красное солнышко» и даже мистически

окрашенный образ Серго Орджоникидзе в поэме «Любава». Смысл способности перевоплощения для лирического героя многослоен. Став Невидимкой, он обретает право не только быть на войне, но и писать о ней: о чигиринской вдове, мстящей за мужа; опозоренной молодой девушке; шахтере, взрывающем вместе с собой шахту; о матери киевского партизана, молчащей под пытками; комсомольце, заживо похороненном фашистами. Невидимо присутствующий на Материке, объятый войной, он избывает чувство безысходности, приобретает былинную силу:

А идет навстречу страже,
как хозяин в стане вражьем,
дымом-пламенем таймый,
тьмой ночей, туманом рек,
по земле своей родимой
невидимый человек.
Через Днепр идет — не тонет,
через Харьков — не горит,
обожжется — не застонет,
кто такой — не говорит [Ручьев, 1979, с. 22].

В поэзии Б. Ручьева начинает являть себя сложный комплекс череды «замещений»: осужденный «парнишка с синими глазами» — лагерник, отказавшийся «выть по-волчьи в волчьих стаях» — медведь, сохранивший в себе способность «страдать по-человечьи» — человек, который в «своем обмороженном теле / Красным солнышком душу пронес» [Там же, с. 142].

Во время войны в поэзии, как и во всей литературе, происходит «освобождение от страха», обретение внутренней свободы, что фиксирует в финале своего романа Б. Пастернак: «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание [Пастернак, с. 510]. Внутренняя свобода, искренность, подлинность чувств лирического героя, даже при определенном несовершенстве стихотворческой формы некоторых произведений военных лет, поддержаны ощущением «круговой поруки добра», которая, по мысли М. Цветаевой, высказанной ею в трактате «Искусство при свете совести», является оправданием любого, даже неумело написанного произведения. После войны, и это закономерно, происходит определенное изменение голоса и оптики видения этого события. Память войны — содержательная и структурная доминанта, как и во всей поэзии, в послевоенной лирике уральцев, прошедших войну, дополняется темой «опаленного детства»: стихи А. Решетова («Я из черного теста, из пепла войны»), Майи Никулиной («Все мы вышли из войны») и др. Это уже иной взгляд на войну, с безусловной художественной достоверностью чувств запечатленный в поэзии оттепели.

- Гальцева Л. П.* «Жизнь идет, как на архипелаге...»: новые факты из жизни Б. Ручьева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2004. № 1. С. 5–14.
- Головин Ан.* Письмо другу // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. С. 103.
- Гроссман М.* Лирика разных лет : стихи. Челябинск, 1974.
- Дементьев В.* Без нас не полна современность // Львов М. Избранное (1939–1974). М., 1976. С. 3–7.
- Куштум Н.* В бой за свои права! // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. с. 81
- Луконин М.* Жизнелюбие поэта // Луконин М. Товарищ поэзия : сб. ст. М., 1963. С. 65–71.
- Львов М.* Избранное (1939–1974). М., 1976.
- Найдич М.* Воспоминание // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. С. 130–133.
- Пастернак Б. Л.* Собрание сочинений : в 5 т. М., 1990. Т. 3.
- Петропавловский Н.* Под Ельней // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. С. 89.
- Ручьев Б. А.* Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения. Статьи, речи, интервью, заметки, рецензии. Челябинск, 1978.
- Ручьев Б. А.* Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2 : Поэмы. Письма. Из дневников и записных книжек. Челябинск, 1979. 231 с.
- Станцев Вен.* Апрельская баллада // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. С. 16–17.
- Симонов К. М.* Собрание сочинений : в 10 т. М., 1979. Т. 1.
- Татьяничева Л.* Стихотворения М., 1969.
- Твардовский А. Т.* Собрание сочинений : в 6 т. М., 1977. Т. 2.
- Твардовский А. Т.* Собрание сочинений : в 6 т. М., 1978. Т. 4.
- Тулин Вас.* В сорок первом // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. с. 180–182.
- Хоринская Е.* Победа // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. С. 188–190.
- Шитин С.* Солдаты // Слово о Великой Победе : антология. Екатеринбург, 2015. С. 82.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-1(470.5) Виктор Смирнов + 821.161.1-1“20/21” + 82'06 + 7.067

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.029

ВИКТОР СМИРНОВ: ПОЭТ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ

Алексей Вячеславович Маркин

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
alex-markin@yandex.ru*

А н н о т а ц и я. На материале творчества и судьбы В. Г. Смирнова рассматриваются вопросы обретения и утраты поэтом социального статуса в советском и постсоветском обществе. Советская провинция, ограничивая возможности творчества и признания, создавала условия для социализации официально не признанного поэта, а особенности культурной и политической ситуации в провинции делали возможной реализацию принципа *l'art pour l'art* в изысканной и аполитичной поэзии. Когда в 1990-е гг. идеологические запреты и ограничения были сняты, исчезли и возможности для социализации, а признанию поэта стали препятствовать именно те свойства произведений, которые прежде его обеспечивали.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Виктор Смирнов; русская поэзия конца XX – начала XXI в.; поэты Урала; провинция; андеграунд; русская рифма; образ Урала в поэзии

VICTOR SMIRNOV: THE POET IN THE PROVINCIAL LANDSCAPE

Alexey V. Markin

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
alex-markin@yandex.ru*

A b s t r a c t. Using the materials of work and life of V. G. Smirnov we study the issues of gain and loss of the poet's social status in the Soviet and post-Soviet society. On the one hand, the Soviet province by limiting creativity and an opportunity to be known enabled the poet who was not officially recognized to socialize and specific cultural and political situation in the province allowed him to use the principle of *l'art pour l'art* in his sophisticated and apolitical poetry. On the other hand, in the 1990s the ideological bans and restrictions were eliminated the opportunities of socialization vanished and those features of the verses that earlier helped the poet to become recognized now hindered his recognition.

Key words: Victor Smirnov; Russian poetry at the turn of the XX–XXI century; Ural poets; province; provinciality; underground; Russian rhyme; poetical image of the Ural

© Маркин А. В., 2024

Виктор Геннадьевич Смирнов родился в 1957-м, умер в 2018 г. При жизни были напечатаны несколько подборок его стихов в журналах, несколько небольших сборников стихов и томик «Избранного». В 2020 г. издательство «Кабинетный ученый» опубликовало Полное собрание стихотворений Виктора Смирнова. Цитаты в дальнейшем, кроме оговоренных случаев, приводятся по этому изданию [Смирнов]. Как и издатели Полного собрания, я в цитатах сохраняю орфографию и пунктуацию автора, в том числе в написании дат.

Виктор Смирнов почти всю жизнь прожил в Свердловске–Екатеринбурге. Мало у кого из русских поэтов образы, связанные с родной провинцией, занимают такое же большое место, как у него. Самым очевидным тут является использование уральской топонимии. В стихах Смирнова упоминаются Белоярка, Березовск, ВИЗ, Виз-бульвар, «Динамо», Ирбит, Исеть, Кольцово, Нижние Серги, памятник Свердлову, Слобода-Тура, Таватуй, Тагил, улица Тургенева, Уктус, УПИ, Уфимка, Шарташ, Эльмаш и ряд других названий.

Смирнов использует такую жаргонную микротопонимию, которая и многим екатеринбуржцам неизвестна. Китайской стеной он называл ряд однотипных панельных пятиэтажек вдоль улицы Уральской, всякий раз отмечая их редкостное безобразия:

Впрямь у большой «Стены китайской»
заучишь ветер назубок.

7.12.78. С. 29.

Но мне не удалось выяснить, какой объект он называл Балконом:

Летейской стужи у Балкона
глоток попробовать один...

Ноябрь 78. С. 26.

С другой стороны, те, кто обладает тем же пространственным опытом, многое опознают и без названий.

Новый Год над письмами, над вымыслами,
над зачерканными почтой индексами,
над Свердловым, в снегопаде вымокшим,
над свернувшимися актрисами
в трубочку...

Январь 1979. С. 33.

В полночь он в город знакомый въехал.
Трамвай ходил, но редко-редко
и по асфальту текли реки.

Стихотворение, не вошедшее в Полное собрание стихотворений, цитирую по памяти. Это перспектива проспекта Ленина, как ее видишь из окна полночной электрички на платформе Первомайская. В 70-е трамваи ходили далеко за полночь, но действительно редко, так что проще было добираться пешком.

Вокзал с домами поворачивался,
осколки резали каблук,
увидишь эти крыши, краны —
немедля поспешишь к теплу.

Из «Трудно говорить» (бывшее
«Нападение на железную дорогу»),
ноябрь 78. С. 24.

Именно так поворачивается вокзал с домами на отрезке железнодорожного пути между вокзалом и Первомайской.

В нескольких стихотворениях Смирнова повторяется один и тот же мотив: железнодорожные диспетчеры переговариваются по громкой связи:

Сквозь целые микрорайоны
в вокзале говорит динамик,
сквозь несколько садов зеленых, —
все слышно, он отнюдь не мямлит.

8.08.79, правка 5.10.93. С. 57.

Эти голоса в самом деле помнят те, кто жил в тех окрестностях до середины 80-х.

Своеобразие локальной образности Смирнова выявляется в сопоставлении. У Иосифа Бродского конкретные приметы петербургской топографии стерты; город на Неве становится частью обобщенно-символической мировой провинции у моря. Город, где река высывалась бы из-под моста, как из рукава рука, — это столько же Петербург, сколько Венеция, Нью-Йорк или Александрия. Александр Кушнер, напротив, любовно перечисляет имена мест: Юсуповский желтый дворец или с вазами дом Фомина. Прогулка вдоль Мойки ведет в глубь истории и в пространство культуры.

В стихах Смирнова екатеринбургский модерн, свердловский конструктивизм или унылые районы панельной застройки 60-х — это скорее часть природного мира. В цитированных выше стихотворениях проспект Ленина покрыт водой, а памятник Свердлову и оперный театр включены в картину новогоднего снегопада. Городской и индустриальный ландшафт у Смирнова как бы обставлен природой, чем-то незапланированно выросшим там, где ничего не должно было расти.

Образы уральской природы у Смирнова абсолютно узнаваемы, в любое время года и при любой погоде, в городе и на даче, в рабочем районе и в дендрологическом парке, в лесу, в поле или в Нижних Сергах, где поэт работал по распределению после университета:

Уральских гор овальных
одна достопримечательность —
источник минеральный,
бьющий замечательно.

2.09.79. С. 60.

Природа у поэта — это прежде всего живая природа, растительный мир. В автобиографических заметках Смирнов писал, что с детства читал и перечитывал

книгу академика А. Е. Ферсмана «Занимательная минералогия», его тянул мир камня [Уральская поэтическая школа, с. 368]. Полагаю, что в фокусе видения у Смирнова находятся все-таки образы органического и текучего, которым мир камня (и льда) создает контраст.

В состоянии роста, цветения или увядания природа у Смирнова всегда ассоциируется с уязвимостью и скоротечностью жизни.

Черемуховая метель
волнительна и мимолетна,
а та, что на дворе теперь, —
из ледовитого коплота.

11, 15. 11. 85. С. 200.

Но и таяние снега кажется порой таким же трогательным.

Звездочки минутные, нежные,
красивые они, тающие
на лицах, — на веждах
уменьшались, таяли.

13.01.80. С. 96.

Смирнов много читал японских поэтов, ему близка была категория саби: красота кроткого, недолговечного и несовершенного. Д. Т. Судзуки пишет: «Идея саби впервые возникла у мастеров рэнга, которые очень высоко оценивали вещи, показывавшие признаки ветхости, иссушения, окоченения, замерзания, помутнения, — все это негативные черты, противоположные теплу, весне, расширению, прозрачности и т. п. Фактически эти чувства возникают от бедности, нищеты, но они также содержат качество, которое ведет их к высоко оцениваемому эстетическому экстазу» [Судзуки, с. 321–322].

Характерный образец лирики Смирнова — стихотворение из книги «Bronze» с пушкинским эпиграфом: «Живет он... позадь гумен» (из «Сказки о медведихе»). Он — байбак; байбаком Смирнов называл сам себя, что, вообще-то, не соответствовало реальности — всю жизнь он работал, тянул лямку, не покладая рук.

Вот деревце в листках неавших,
оно забавно, оно задорно,
и главные повадки наши
изобразило в месте горном.

И мы ведь небольшие тоже,
из рода унесенных ветром,
и все никак уйти не можем
из так понравившегося лета.

Мы тоже позади сарая,
и нам стеклянный сон приснится,
где золотая и сырая
пришла уральская волчица.

17–19 авг. 98. С. 308.

Из Пушкина здесь не только эпиграф. «Деревце в листках непахших» — это второе деревце из послания критику 1830 г. («Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»):

Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только [Пушкин, с. 187].

В «Румянном критике...» достоверно изображенный пейзаж русской деревни включен в риторически оформленную оппозицию прозы и поэзии. У Смирнова этой оппозиции нет, но нет и полемики с пушкинским текстом. Есть развитие темы: у Пушкина жизненная проза превращается в поэзию, которая не имеет ничего общего ни с «веселой песенкой», ни со стихами на графские именины. Смирнов самого поэта делает частью пейзажа, сорным растением, случайно выросшим позади сарая: «И мы ведь небольшие тоже... Мы тоже позади сарая». «Из рода унесенных ветром» — не столько отсылка к известному роману и фильму, сколько самостоятельный образ, вызывающий представление о семенах, случайно разносимых ветром, приживающихся на скудной почве вопреки плану и согласно плану обреченных на уничтожение. Вспомним, что в пушкинской сказке мужик жестоко расправляется с медведихой. Золотая и сырая уральская волчица — осень, чреватая зимой, стеклянным сном.

Узнаваемые образы Урала приобретают в стихах Смирнова символическую обобщенность. Но тема «поэт в провинциальном ландшафте» не может быть сведена к описанию образа провинции в его стихах.

Нетрудно представить читателя, который возьмется за стихи Смирнова, полагаясь на оценки тех, в чьей эстетической компетентности невозможно сомневаться (Юрия Казарина, Олега Дозморова, Анатолия Фомина, Евгения Касимова). И очень может быть, что читатель будет разочарован. Эти стихи могут ему показаться непрофессиональными. Он может решить, что поэт просто не умеет рифмовать.

Во многих стихах Смирнова рифму можно не заметить или счесть ее примитивной. Поэт рифмует «с югов» и «понемногу», «потеющем» и «залейся» (с. 20), «труб» и «рту» (с. 22).

Он часто допускает ритмические сбои:

И по приезде била дрожь,
И в учрежденьях шла работа
(они светились, как брошь), —
А следующий день был суббота.

Ноябрь 78. С. 25.

Отметим здесь же не соответствующие литературным нормам «учреждения» и «светилися». Смирнов часто вставляет лишние слоги: «дождь в жилустроевских посадках» (с. 22). Нет никакого «жилустроая», есть «жилстрой», так что должны быть «жилстроевские посадки». Или: «Волшба природы, иль Елены, / или колдунии упсальской...» (с. 24). Что это за «колдуния»? Не говоря уж о том, что она должна быть Упсальской, с ударением на первом слоге.

В иных случаях поэт, напротив, слоги редуцирует, иногда возрождая архаические нормы («сткло», «брег» (с. 89)), иногда вопреки всяким нормам.

Был солнечный удар зимы,
достигший нашего алькова,
и хлад пронзил весь организм
от интермедьи законной.

И голизна всех тополей,
и север боль нес серьей порций,
оцепенелый жаркий плен,
как в яме у враждебных горцев.

.....

26.10.87. 3 ночи. С. 237.

Он использует просторечные формы деепричастий: «зажгя» (с. 78), «почтя» (вместо «почтив»), «перечтя» (вместо «перечитав») (с. 346). Порой смещает ударение:

Тянулся теплый, теплый год,
что не уйдет, притворно божась...
И целовал вполповорот,
И уходил в гусиной коже.

Март 78 — декабрь 79. С. 91.

Сплошь и рядом Смирнов нарушает грамматические нормы. Чудесное стихотворение, снова о сорняках:

СОРНАЯ ТРАВА

Ах, сколько сорных трав в сем мире!
К чему они? — не отвечают,
но, будто впавшие в делирий,
они нас бурно примечают.

И им не хочется, чтоб тяпкой
по ним ударят во всю силу:
природа говорила «лапка»,
природа говорила «милий».

Вот что: что хорошо, что плохо
за них решают и ругают,
и им пожить хотя бы кроху
и не дают, и отвергают.

1 июля 03. С. 348.

Еще стихотворение:

Все время будет дождь из труб
в траву и угли выливаться,
с курительною во рту
стучаться будут раз сто двадцать,

а может, десять тысяч сто;
в глазок глядят, не открывают.
Забились листья в водосток,
и дождь залил огни, трамваи.

С большим кульком бегут спасаться
(не козырек ж спасет от капель);
дождь в жилустроевских посадках —
как слезы по стеклу пикапа.

Сентябрь 78. С. 22.

«С курительною» — нет дополнения. «Будут стучаться» — непонятно кто: нет подлежащего, как и в следующих предложениях: «в глазок глядят, не открывают», «бегут спасаться». «Дождь залил огни, трамваи» — здесь, как очень часто у Смирнова, два однородных члена не соединены союзом «и» (ср.: «поэзия, глупа которая, гремела, как трамвай, ландскнехт», с. 35). Отметим еще почти непроницаемое стечение согласных: «не козырек ж спасет от капель», опять же обычное у Смирнова.

Читать его стихи вслух трудно. Сам Виктор, надо сказать, читал очень плохо. Он как будто стеснялся самых выигрышных своих строчек, произносил их невнятной скороговоркой. А учитывая сложность его синтаксических конструкций, легко понять, что слушатели часто были в недоумении.

NOCTURNE

Я с вазой, где простой букет,
и с объявлениями с вокзала,
полосками на потолке
проснувшегося жара,
и с голосом твоим еще
и желтых бабочек круженьем, —
я, вытирая слезы с щек
тогда прощался, сожалея.

25.06.81. С. 124.

Простодушный читатель может упрекнуть Смирнова и в нарушении стилистических норм, и в использовании слов в значениях, отличающихся от словарных.

И туманы, и холод
Утренний и гласящий:
Вскорости будет голо,
Несогласно с красами.

28.08.86. С. 214.

«Несогласно с красами» значит, что зимой цветы не цветут и вообще холодно.

Не пристало нам грустить,
Аполлон нам голова.
В песню — петуха пустить,
В пляс — ты в лес, я по дрова.

7.1.94. С. 280.

«Голова» тут значит «бог». Но слово «голова» явно из другого контекста, одновременно архаического и просторечного.

Кто бессознательность природы,
Наполненную смертью листьев,
Нам воспоеет в высокой оде,
Достойной чтенья одалиски?

14 сент 87. С. 236.

Один читатель возмущался: «Он хоть знает, что одалиска — гаремная рабыня? С чего он взял, что она умеет читать? И что она читает стихи? И еще не всякие возьмет в руки?» Пришлось объяснять, что гаремы бывают разные; что, если верить сказкам «1001 ночи» (а мы им верим), среди гаремных рабынь были и такие, что в стихах знали толк, и что Олимпия Мане наверняка читала Бодлера. А наша одалиска читала не просто стихи, а оду. Что же еще должна читать одалиска, как не оду? К тому же посвящена ода бессознательности природы, смерти листьев, вспыхнувшим взглядам — то есть ей же, одалиске.

В общем, все то, что в стихах Смирнова кажется неуклюжим или непрофессиональным, тщательно продумано. Как-то Виктор сказал, что сначала у него стихотворения получаются слишком складными; приходится с ними возиться.

В связи с этим ограничусь лишь беглыми обобщениями некоторых наблюдений над смирновской рифмой — той самой рифмой, которую не всякий заметит. Проще всего будет сказать, что она такова, какой должна быть: бедная, если должна быть бедной, богатая, если должна быть богатой. Вот стихотворение, очень характерное в этом отношении:

СЕВЕРНЫЙ СВЕТ. ПОСВЯЩЕНО В. Т.

Зеленоватый свет в ночи
разлили листья июня,
и облачками, без числ,
без меры, ихний люмен.

Да небо равнодушно слало
светильников свет сквозь тучи,
единственные изумруд и лал, —
им не найдется лучших.

Я разговаривал с тобою
и думал, что красою вечной
и эти световые воды,
и женщины горят, конечно.

26.06.86. С. 211.

Вот список рифм: *ночи* — *числ*, *июня* — *люмен*, *слало* — *лал*, *тучи* — *лучших*, *тобою* — *воды*, *вечной* — *конечно* (в слове «конечно» «чн» читается как «шн»). Исключая детальный анализ, замечу лишь, что ни одну из них нельзя назвать о б ы ч н о й (кроме, может быть, *тучи* — *лучших*). Это значит, что рифмы тут тщательно выбраны.

Смирнов широко использует рифму, которую можно назвать перевернутой, или анаграмматической. Звуки рифмующихся стихов повторяются не в прямом, а в обратном порядке. Созвучие сохраняется, но кажется необычным:

Вид на гостиницу с югов,
троллейбусы с окном потеющим,
пешком, шажком и понемногу —
к обеду, к ванне хоть залейся...

январь 1978. С. 20.

Окончания 1-го и 3-го стиха — анаграмма УГО — ОГУ.

Все время будет дождь из труб
в траву и угли выливаться,
с курительною во рту
стучаться будут раз сто двадцать...

С. 22.

1-й и 3-й стих — анаграмма ТРУ — РТУ.

Когда в воде и листьях плавали
деревья, начинался снег,
и начинался день, с утра
посиживая на окне.

С. 23.

2-й и 4-й стих — анаграмма НЕК — КНЕ.

Брейгелевские худые деревья,
гомозня, оживший гомон;
нынче все ломают вербу
и идут сюда по склону.

29.04.81. С. 119.

1-й и 3-й стих — анаграмма РЕВ — ВЕР.

Где дождь на Новый год закапал,
где вьется моей пери локон,
куда весны стремится ляпис,
где пролетел мальтийский сокол...

13, 26 января 95. С. 287.

1-й и 3-й стих — анаграмма ПАЛ — Л'АП, 2-й и 4-й — ЛОК — КОЛ.

Думаю, этих примеров достаточно, чтобы сделать вывод о том, что рифмы Смирнова, как и вся его поэтика, не примитивны, а изысканны.

В зрелой словесности приходит время, когда техническое совершенство становится нормой. Тогда литературная речь просто и без напряжения укладывается в сколь угодно сложную форму ритма и рифмы. Соответственно, ритм и рифма перестают восприниматься как трудность, которую надо преодолеть, как проблема, которую надо решить. Стихотворная речь перестает быть приемом, в логике Шкловского. Тогда возникает соблазн отказа от техники — соблазн минус-приема. Виктор Смирнов обнаруживает возможность не упрощения, а усложнения структуры стиха. На этом усложнении и основан его стиль. Стиль, замечу, сформировался очень рано, уже в первой его книге, «Митилена», в 1977–1979 гг. Дальше поэт лишь варьировал нажим, используя огромное открытое им пространство.

Дарование Виктора Смирнова, безусловно, заслуживает гораздо большего признания.

Рассуждая на эту тему, стоит, может быть, подумать, что такое сегодня поэтическое признание или поэтический успех. Это дорогие издания, обклеенные пленкой. Это регулярные публикации в центральных журналах. Это посвященные поэту передача на канале «Культура» или интервью на какой-нибудь радиостанции. Это пара тысяч подписчиков в ютубе, это сообщество поклонников ВК и длинный ряд комментариев под каждым опубликованным в интернете стихотворением.

Каким должен быть поэт, чтобы этого добиться? Похоже, прежде всего он должен быть медийной персоной. Или он должен иметь отношение к «классикам», как Лев Лосев, которого знают как друга и биографа Бродского. Или он должен быть привлекательной дамой. Стихи при этом могут быть превосходны, но к успеху качество стихов отношения не имеет.

Из чего-то более профессионального: поэт должен уметь сочинять запоминающиеся строчки: «Сороковые, роковые», или «Лучше жить в глухой провинции у моря», или «Здесь говорят “свои” в дверях с усмешкой скверной».

И, кстати, вот таких строчек, или дву-, или четверостиший у Смирнова сколько угодно.

Скоро все изменится в природе
и пройдет, как вовсе не бывало, —
эта прелесть тоже так уходит,
та, что в губы крепко целовала.

Сент 96. С. 301.

Или:

Нету музы́ке утишенья:
она играет и играет,
как будто бросится на шею
и рук потом не отнимает.

1.06.84. С. 179.

Но, пожалуй, главное для поэта, желающего быть успешным, — это желание быть успешным, желание перейти из одного статуса в другой. Вот этой энергии преодоления у Смирнова не было совершенно.

Размышляя о судьбе поэта и его стихов, я прихожу к выводу, что она определена совместным действием многих факторов, важнейшим из которых мне представляется формирование личности Смирнова в большом провинциальном городе 1960–1970-х.

Провинция — не только пространство, но и время. Провинция отстает от моды. Там обсуждают идеи и читают книги, которые уже не обсуждают и не читают в столице. А то, над чем думают в столице, с провинции соскальзывает, не задевая ее.

Родители Виктора переехали в Свердловск в 1960-м из костромской деревни. Из общежития перебрались в отдельную квартиру, детей вырастили и выучили. Они, возможно, были не совсем довольны своею жизнью, но считали ее нормальной. Конфликта с действительностью не было, было чувство причастности. Виктор Смирнов родился 12 апреля, неоднократно рассказывал о том, как в свой четвертый день рождения стал свидетелем народного ликования. Похоже, его собственное появление на свет каким-то образом ассоциировалось у него с полетом советского человека в космос.

В силу обстоятельств формирования его личности у Смирнова не только не было контактов с диссидентской средой, что было бы неизбежно, живи он в Москве или в Питере, но не было и никакого интереса к диссидентской проблематике. У него не было семейных преданий об утраченных поместьях или хотя бы об отнятом магазине скобяных товаров на улице Добролюбова. Ни родственников за границей, ни примеси чужой крови. Ничего, чем могло бы обосновываться представление о возможности другой жизни.

Одной из характерных диссидентских художественных стратегий является то, что можно назвать активным умолчанием. Автор не пишет именно о том, что составляет содержание письма. Так построены «Заметки о чаепитиях и землетрясениях» Леона Богданова. В них чередуются записи о событиях повседневной жизни автора и его близких, о чае и чаепитиях, о землетрясениях и извержениях вулканов, о прочитанных книгах, о политических событиях, сведения о которых берутся из советской прессы. Критики вполне обоснованно видят в этих записях особую иносказательность. Цитирую издательскую аннотацию: «Что наполняет частную жизнь ленинградского интеллектуала — героя этой книги, которому выпало жить в медленно ветшающей тоталитарной империи? На первый взгляд, разного рода мелочи: редкие книги по восточным религиям и культуре, чайные

церемонии и парадоксальные размышления. Но тревожная реальность, одновременно пост- и предкатастрофичная, неумолимо просвечивает сквозь быт: тонко настроенный авторский приемник улавливает все непредсказуемые исторические события, стихийные бедствия и географические изменения. Всполохи сознания и мельчайшие движения предметов оказываются тесно связаны с фундаментальными сдвигами истории, а редкий талант Леона Богданова, сделавший “Заметки о чаепитии и землетрясениях” культовой книгой, позволяет ему обнаружить и продемонстрировать читателю эту связь» [Богданов].

В подобном духе высказывался о Богданове Алексей Конаков: «Меланхоличная притча Л. Богданова о преодолении отшельничества и одиночества, о напряженном и благожелательном внимании к окружающему миру — действительно идет параллельным курсом с горбачевскими концептами “гласности” и “разрядки”. Тихая ленинградская провинциальность каким-то чудесным образом оборачивается в “Заметках” петербургской космополитичностью; и мы вдруг понимаем, что любовь Л. Богданова к индийскому чаю, восточной литературе, землетрясениям и последним известиям со всего света есть “превращенная” версия фирменной акмеистической “тоски по мировой культуре”, только таким образом и способная проявлять себя в довольно специфических условиях “позднего социализма”» [Конаков].

Такая стратегия Смирнову совершенно чужда. Если он пишет о сирени и о таянии флоксов, значит, он действительно пишет о сирени и таянии флоксов. А если он о чем-то не пишет, то этого для него просто нет. Смирнов — поэт подлинно аполитичный.

С другой стороны, большой провинциальный город 70–80-х гг. предоставлял молодому поэту определенные возможности социализации. В Свердловске существовала среда, в которой поэт мог чувствовать себя востребованным и признанным. И тут нельзя не сказать о том, что филологический факультет Уральского университета тогда был местом уникальным по интенсивности и качеству литературной жизни. Одновременно со Смирновым на факультете учились Юрий Казарин, Игорь Сахновский, Анатолий Фомин, Евгений Касимов, Андрей Танцырев. Литературный семинар вела Майя Петровна Никулина. Факультет был местом притяжения для молодых поэтов, которые были рядом: для Сергея Гонцова, Аркадия Застырца, Александра Верникова. В стенгазете «Словарь» печатались стихи, которыми могли бы гордиться «Новый мир» и «Знамя».

В общем, это было хорошее место. Молодой поэт не чувствовал тут себя ни выброшенным, ни обойденным. Зачем думать о том, что твои стихи прочтает кто-то, о ком ты ничего не знаешь, если авторитетный читатель рядом? Зарабатывать на жизнь стихами — это в голову никому не могло прийти. Слишком смешны были те, кто зарабатывал таким образом. С другой стороны, советская экономика была устроена так, что человек мог обеспечивать свое существование, почти не расходуя на это ни физические, ни душевные силы.

В это время быть молодым непечатаемым поэтом значило обладать некоторым статусом и занимать некоторое место в неофициальной, но реальной социальной иерархии.

Не то чтобы Смирнов не думал о публикации и об обретении официального литературного статуса. Не было в его стихах ничего такого, что могло бы сделать невозможной их публикацию по идеологическим причинам ни в советское, ни в постсоветское время. Но стихи Смирнова — кошмар редактора. Поэт слишком хорошо знал себе цену и не был готов к компромиссам. Однако он не был способен доказывать литературному начальнику или редактору, что его стихи именно таковы, какими должны быть.

Социальные и политические обстоятельства воспринимались им как нечто непреложное, как уральский пейзаж или уральский климат. Так что, в отличие от многих представителей андеграунда, Виктор Смирнов считал свое положение нормальным. Личная неустроенность, жизненный неуспех были для него не поводом для идеологической рефлексии, а источником чувства вины.

Тот мир, в котором художник, подобный Виктору Смирнову, обладал статусом, был уничтожен революционными событиями конца 1980-х и начала 1990-х гг. Прибегнув к жаргону профессиональной критики, скажу, что начиная с книги «Соляной столб: стихотворения 1989–1995» (Екатеринбург, 2005), поэт выпадает из диалога с современностью. Политических тем у него по-прежнему нет. Однако, по-видимому, у поэта было чувство, что кто-то его обманул и предал. Одно из редких стихотворений, в котором можно увидеть отражение реалий времени, — «Жалобы 31 декабря 1991»:

Мы — проигранные накануне в карты.
Срежь на память золотой мой локон.
С. 268.

Еще на заре перестройки у него были стихи, в которых он писал об истаивании места, о сокращении жизненного пространства:

Мы населяли тающий ледник,
Плавучую медвежию могилу.
7 янв 87. С. 219.

Утратив социальный статус, в последние десятилетия Виктор Смирнов — вне поэзии — занимался тем, что пытался сохранить прежние формы существования. Это ему удавалось. Заходя к нему, я говорил, что ему, как индейцу, ведущему традиционный образ жизни, правительство должно платить специальную стипендию. Очень характерно, что, выйдя на пенсию, Смирнов устроился на работу вахтером, как и подобает человеку из поколения дворников и сторожей. Он читал те же книги, что раньше (китайских поэтов, Воннегута, «Занимательную минералогию» Ферсмана). Он смотрел ТВ, но не понимал ничего. Новое с него соскальзывало.

Из слов, обозначающих реалии нового времени, в стихах Смирнова я обнаружил только *Гугл* (которым, кстати, поэт не воспользовался ни разу в жизни). Его самоизоляция усугубляла разрыв с публикой, ограничивала тематический и идеологический диапазон его поэзии, а значит, и возможности признания.

В общем, в стихах Смирнова не было того, что могло бы сделать их модными. Он не изображал из себя ни гопника со Вторчика, ни интеллектуала: однажды признался, что взялся было читать лотмановскую «Структуру художественного текста» и ничего не понял. Он не повесился и не выбросился из окна. Не стал ни депутатом, ни диссидентом, ни медийной фигурой. Может быть, это к лучшему, провинциальность может быть выигрышем.

Но зато книги Смирнова не лежат в магазинах, упакованные в полиэтилен, о нем не ставят спектаклей, не снимают фильмов. На его стихи написана всего одна песня, Димой Макаровым. ВК нет сообществ его поклонников. Разве что он стал достоянием доцента.

Богданов Л. Заметки о чаепитии и землетрясениях. URL: https://www.nlobooks.ru/books/khudozhestvennaya_slovesnost/24756/ (дата обращения: 11.08.2023).

Конаков А. Одолевая автаркию // Новое лит. обозрение. 2015. № 4 (134). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/134_nlo_4_2015/article/11547/ (дата обращения: 11.08.2023).

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. ; Л., 1950. Т. 4.

Смирнов В. Г. Полное собрание стихотворений / предисл. Олега Дозморова. Екатеринбург ; Москва, 2020. 576 с.

Судзуки Д. Т. Дзэн и японская культура. СПб., 2003. 522 с.

Уральская поэтическая школа, 1981–2012 : энцикл. Челябинск, 2013. 608 с.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-311.8 Карамзин + 82-6(091) + 130.2(091)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.030

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А. Н. КАРАМЗИНА В ЛИЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

Мария Юрьевна Попова¹

Светлана Ивановна Ермоленко²

^{1,2} *Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ pop.masha2014@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

² ermolenko-1@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5606-7007>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена письмам А. Н. Карамзина, посланным родным в Россию во время заграничного путешествия (с мая 1836 г. по октябрь 1837 г.). Впервые корреспонденции Карамзина были опубликованы спустя 60 лет после его гибели в нескольких книгах исторического сборника «Старина и новизна» (1914–1916 гг.). Путевые заметки сына знаменитого историографа Н. М. Карамзина, написанные живым слогом, не лишенным поэтичности, до сих пор не введены в полноценный научный оборот. В статье устанавливается факт знакомства Е. П. Ростопчиной, известной уже к тому времени поэтессы, с письмами А. Н. Карамзина. Согласно традиции того времени — эпохи «всеобщего исповедания», — письма публично зачитывались в салоне его матери Е. А. Карамзиной. О знакомстве поэтессы с письмами А. Н. Карамзина свидетельствует «Альбом...» Е. П. Ростопчиной, хранящийся в РГАЛИ. В нем содержатся отдельные фрагменты из писем Карамзина, послужившие началом их знакомства, переросшего в близкие отношения. Сопоставительный анализ текстов Карамзина и произведений Ростопчиной позволяет прояснить некоторые затемненные места личной и творческой биографии писательницы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: письма А. Н. Карамзина; путешествие; Европа; салон Е. А. Карамзиной; Е. П. Ростопчина; лирический цикл «Издадека»; «Счастливая женщина»; «Палаццо Форли»

TRAVEL NOTES BY A. N. KARAMZIN IN PERSONAL AND CREATIVE FATE OF E. P. ROSTOPCHINA

Maria Yu. Popova¹
Svetlana I. Ermolenko²

^{1,2}Ural State Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia

¹pop.masha2014@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

²ermolenko-1@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5606-7007>

Abstract. The article is devoted to the letters of A. N. Karamzin, sent to his family in Russia during his trip abroad (from May 1836 to October 1837). For the first time, Karamzin's correspondence was published 60 years after his death in several books of the historical collection "Antiquity and Novelty" (1914–1916). The travel notes of the son of the famous historiographer N. M. Karamzin, written in a lively style, not devoid of poetry, has not yet been introduced into full scientific circulation. The article establishes the fact of acquaintance of E. P. Rostopchina, a well-known poetess by that time, with the letters of A. N. Karamzin. According to the tradition of that time – the era of "universal confession" – letters were publicly read out in the salon of his mother E. A. Karamzina. The acquaintance of the poetess with the letters of A. N. Karamzin is evidenced by the "Album ..." by E. P. Rostopchina, stored in the RGALI. It contains separate fragments from Karamzin's letters, which served as the beginning of their acquaintance, which developed into a close relationship. A comparative analysis of Karamzin's texts and Rostopchina's works makes it possible to clarify some obscured parts in the writer's personal and literary biography.

Key words: letters by A. N. Karamzin; travel; Europe; salon by E. A. Karamzina; E. P. Rostopchina; lyrical cycle "From Afar"; "Happy Woman"; «Palazzo Forli»

Эпистолярный Андрей Николаевича Карамзина, сына Николая Михайловича Карамзина, историографа, главы русского сентиментализма, до сих пор остается неизученным. Особый интерес (по ряду причин, о которых речь пойдет далее) представляют корреспонденции, посланные А. Н. Карамзиным родным в Россию во время заграничного путешествия, предпринятого с мая 1836 г. по октябрь 1837 г. (для «поправления здоровья» после окончания Дерптского университета). Письмам Андрея Карамзина посвящена, пожалуй, единственная нам известная статья С. Н. Серягина, в которой они ожидаемо рассматриваются в сопоставительном аспекте – сквозь призму «Писем русского путешественника» его отца. Невнимание к корреспонденциям Карамзина-сына, по мнению автора статьи, «вполне объяснимо»: «...если Николай Михайлович *состоялся*, в том числе как выдающийся писатель, то биография Андрея Николаевича весьма *незавидна*: служба в гвардии, женитьба и гибель на сороковом году жизни (курсив наш. – М. П., С. Е.)» [Серягин, с. 126].

Позволим себе не согласиться с мнением о «незавидной» биографии и «несостоявшейся» жизни А. Н. Карамзина вследствие «пагубного влияния светскости» (С. Н. Серягин). Во-первых, Андрей Карамзин был боевым офицером, до начала Крымской войны уже успевшим повоювать в составе действующей армии на Кавказе, где был дважды ранен. «При первых известиях об объявлении войны с Турцией... — писал граф С. Д. Шереметев, предваряя публикацию писем А. Н. Карамзина в историческом сборнике «Старина и новизна», — А. Н., верный завету отца “служить верой и правдой до последней капли крови царю и Отечеству”, отправляется добровольцем на Балканский театр военных действий Крымской войны». Там в мае 1854 г. гусарский полковник А. Н. Карамзин, взяв на себя всю полноту ответственности за принятое решение, вступив в неравную бой с превосходящими силами противника, героически погибает (был найден бездыханным с многочисленными колотыми и резаными ранами на поле сражения среди тел убитых солдат его отряда) [Старина и новизна, с. 233]¹. Во-вторых, став мужем Авроры Карловны Демидовой (урожденной баронессы Шернваль), фрейлины и статс-дамы русского императорского двора, он принял на себя управление тагильскими демидовскими заводами (и, кстати, вполне успешно справлялся со своими обязанностями), оставив о себе память как о «добром барине», человеке честном, справедливом и гуманном по отношению к рабочим и их семьям².

Очевидно, что невнимание к письмам Карамзина не может быть объяснено теми или иными фактами его, как видим, достойной биографии. Впервые письма А. Н. Карамзина были опубликованы лишь спустя 60 лет после его гибели в нескольких книгах исторического сборника «Старина и новизна» [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 232–322; Римские письма А. Н. Карамзина... с. 57–100]. Однако содержание писем Карамзина-сына, как свидетельствуют современники, было известно посетителям салона вдовы писателя Екатерины Андреевны Карамзиной, который в течение более двадцати лет оставался «одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни», «истинным оазисом литературных и умственных интересов». Здесь бывали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский, Е. А. Баратынский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев и др. [Аронсон, Рейсер, с. 205–216]. Душой и вдохновительницей этого «ковчега и подворья русской литературы» (В. А. Соллогуб) была старшая дочь Н. М. Карамзина — Софья Николаевна.

В салоне обсуждались политические и общественные новости, литературные новинки, царившая там почти домашняя атмосфера гостеприимства и доброжелательности располагала к дружеской беседе, свободному обмену мнениями.

¹ Граф С. Д. Шереметев — видный государственный и общественный деятель, автор многих исторических трудов, составитель и издатель исторических документов, председатель «Общества ревнителей русского исторического просвещения...».

² Через год после смерти Карамзина по инициативе заводских рабочих на территории пос. Нижнетагильский Завод был установлен (на народные деньги) памятник с надписью «Андрею Николаевичу Карамзину — признательные тагильцы». В 1939 г. памятник, «помешавший» прокладке трамвайных путей, по решению городских властей был снесен.

Там говорят и думают по-русски,
Там чувством родины проникнуты сердца;
Там чинность модная своею цепью узкой
Не душит, не теснит. Там памятью отца
Великого и славного все дышит...

— напишет Е. П. Ростопчина в одном из своих стихотворений (1838), посвященном Е. А. Карамзиной [Ростопчина, т. 1, с. 223].

В атмосфере, царившей в салоне, уместным оказывалось чтение личных писем, в частности уже упомянутых корреспонденций из-за границы А. Н. Карамзина, адресованных членам карамзинского семейства. «Непосредственность эпистолярного лиризма легко переходила в иронию, а живой слог, обаятельное простодушие и меткие наблюдения делали карамзинские письма увлекательным чтением», — отмечает Б. Н. Романов [Романов, с. 134].

В одной из корреспонденций к Андрею его старшая сестра Софья Николаевна так описывала впечатление, производимое его посланиями на гостей салона: «...твое письмо пожелали услышать Жуковский, Тургенев, Пушкин, Виельгорский, и они так же оценили его как отражение высокого ума, живого и пылкого воображения. Жуковский все время повторял: “Прекрасно, нельзя лучше, слог самый чистый, живой, оригинальный, носящий свой собственный отпечаток: он умный и добрый малый! Похвалите его от меня!”» [Пушкин в письмах Карамзиных...]. В. А. Жуковский, А. И. Тургенев и П. А. Вяземский даже предлагали А. Н. Карамзину (впрочем, безуспешно) опубликовать письма в «Современнике» в качестве продолжения «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, его отца³.

Однако возможность публичного чтения личных писем объясняется не только атмосферой карамзинского дома. 30-е гг. XIX в. отмечены изменением мироощущения людей после поражения восстания декабристов. «Впуганная в раздумье» Россия, не имея иного, достойного человека поприща, кроме духовной деятельности, углубляется в осмысление вопросов о личности, ее правах и взаимоотношениях с обществом, о судьбе и границах свободной воли человека. И это касалось не только либерально настроенной части русского общества, но и представителей той его части, которые были далеки от вопросов общественного переустройства и народного благосостояния.

«Напряженное внимание к идее личности, в такой форме и степени не свойственное ни людям декабристской закваски, ни даже идеалистам-романтикам, сложившимся в 20-х годах», отличает, по мнению Л. Я. Гинзбург, русских интеллигентов 30-х гг. [Гинзбург, с. 140]. В постдекабристскую эпоху людей охватывает

³ С. Н. Серягин, отмечая определенную несопоставимость рассматриваемого материала, все же сравнивает письма путешественников и приходит к выводу: «Смена эпох, разница темпераментов и иные различия лишь оттеняют, подчеркивают сходство отца и сына. От Н. М. Карамзина передается поэтизация взгляда на мир, объективность восприятия эпохальных событий, некоторое литературное дарование. И, возможно, при прочих равных условиях... в лице Андрея Николаевича мы могли бы иметь второго писателя Карамзина — достойного продолжателя первого» [Серягин, с. 132–133].

необычайно острый интерес не только к собственной внутренней жизни, но и чужой, что получает теоретическое обоснование в духе философских концепций, популярных в тогдашней России. Увлеченные Гегелем романтики-идеалисты видели в каждом человеке проявление абсолютной идеи, ее отражение, печать, а потому духовный мир всякой личности представлял всеобщую ценность⁴. Отсюда утверждение принципиальной открытости внутренней жизни личности, а также возможности ее анализа с точки зрения категорий гегелевской философии (см. об этом подробнее: [Ермоленко, с. 58–60]). Сказанное Ф. М. Достоевским о 40-х гг. справедливо (едва ли не в большей степени) и по отношению к 30-м: «... наступает какая-то *всеобщая исповедь*. Люди рассказываются, выписываются, анализируют самих же себя перед светом, часто с болью и муками (курсив наш. — М. П., С. Е.)» [Достоевский, с. 27].

Таким образом, в публичном чтении писем Андрея Николаевича в «красной гостиной» карамзинского дома не было ничего необычного. В числе гостей салона Е. А. Карамзиной была и Е. П. Ростопчина, которая начала посещать его зимой 1837 г.⁵ Вероятно, слушая письма А. Н. Карамзина, Е. П. Ростопчина заинтересовалась его личностью. Об этом свидетельствует, в частности, хранящийся в РГАЛИ «Альбом...» Ростопчиной 1840-х гг., содержащий ее собственноручные выписки из заграничных корреспонденций Карамзина [РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18].

Роман между Ростопчиной и Карамзиным начался сразу по возвращении последнего из-за границы в октябре 1837 г. и продлился до осени 1844 г. (см. об этом: [Ранчин, 1991, с. 8; 2019, с. 35–37; Романов, с. 134–139]). Через год Е. П. Ростопчина с семьей отправилась в двухлетнее путешествие по Европе. Будучи в Неаполе летом 1846 г., поэтесса получила известие о свадьбе А. Н. Карамзина и А. К. Демидовой, которое стало для нее неожиданным, поскольку еще зимой она отправляла ему весточку из Рима⁶.

Многие исследователи отмечали, что отношения Е. П. Ростопчиной с А. Н. Карамзиным нашли отражение в ее творчестве, в частности в цикле «Неизвестный роман» (1839), поэме «Донна Мария Колонна-Манчини» (1848), романе в стихах «Дневник девушки» (1838–1850), романе «Счастливая женщина» (1851–1852) [Ранчин, 1991, с. 8; Романов, с. 136–340]. В основе этих произведений

⁴ Об увлечении философией Гегеля в России 30–40-х гг. XIX в. см.: [Гегель и философия, с. 52–122; Корнилов, с. 451–452; Пыпин, с. 434–440].

⁵ В одном из писем, адресованных брату, С. Н. Карамзина сообщает о своем знакомстве с Е. П. Ростопчиной: «Там (на балу у Салтыковых. — М. П., С. Е.) я познакомилась с молодой графиней Ростопчиной; она далеко не заслуживает своей репутации красавицы; правда, у нее большие черные глаза, но зато кожа у нее тоже черная и притом маслянистая, черты лица крупные, а росту она маленького и незначительного; поэтому я предпочитаю ее мужа с его оживленным лицом, глазами навывкате и вздернутым носом, напоминающим все портреты его отца» [Пушкин в письмах Карамзиных...].

⁶ Подтверждение встречаем в письмах А. О. Роскета, сослуживца А. Н. Карамзина, который сообщал своей сестре: «Андре получил письмо от Ростопчиной из Рима, хотел дать мне его прочесть, но не нашел; говорит, что залетает в поднебесную, а то письмо было бы не интересно» [Из писем А. О. Роскета..., с. 305].

лежит повествование о драматической, а подчас даже трагической истории любви, сюжетные ходы которой могут отсылать к истории взаимоотношений между Е. П. Ростопчиной и А. Н. Карамзиным⁷.

Путевые заметки А. Н. Карамзина о европейских странах, городах, их достопримечательностях и местных жителях открывают уже упомянутый «Альбом...» Е. П. Ростопчиной, начатый в 1843 г. Известно, что именно в это время Ростопчины решили отправиться в путешествие, которое планировалось еще с 1834 г., однако и в 1843 г. было отложено еще на 2 года⁸.

До нас не дошли документальные свидетельства (будь то письма или дневники) Е. П. Ростопчиной, в которых запечатлелись бы путевые впечатления — особенности национального ландшафта, культуры и быта разных стран. Зато эти особенности нашли свое отражение в ее творчестве: «заграничный» лирический цикл «Издалека»⁹, романы «Счастливая женщина» и «Палаццо Форли» (1852, опубл. 1854).

По письмам Андрея Николаевича к Е. А. Карамзиной можно проследить несколько маршрутов его путешествия. Первый, планировавшийся Карамзиным, включал посещение городов: Баден — Париж — Лион — Ницца — Генуя — Флоренция — Рим — Неаполь — Ливорно — Флоренция — Болонья — Венеция — Милан — Шпюген — Мюнхен — Баден.

Впоследствии, ввиду разных обстоятельств (холерные карантинные, нехватка денег), этот маршрут был сокращен и включал локации: Баден — Париж — Лион — Ницца — Генуя — Флоренция — Рим — Флоренция — Венеция — Баден.

Маршрут Е. П. Ростопчиной легко восстанавливается по пометам, размещенным поэтессой под стихотворениями. Они имеют точную датировку и обозначение места: Краков — Вена — Падуя — Ницца — Венеция — Флоренция — Рим — Неаполь — Париж — Баден.

Как видим, маршруты А. Н. Карамзина и Е. П. Ростопчиной отличаются направлением и несколькими локациями: Карамзин не заезжал в Краков, Вену, Падую и Неаполь. Последний, впрочем, входил у него в список мест для посещения. Однако в Неаполе тогда был объявлен карантин в связи с распространяющейся холерой. В письме к матери от 5 мая 1837 г. А. Н. Карамзин с горечью пишет:

Неаполь приказал долго жить! Не только карантинные в Генуе и Ливорно опять поставлены... Чего доброго, и сюда заберется, и тогда отсюда выезду, а по Италии проезду не будет! <...> Я стараюсь и не думать о Неаполе, потому что, при этой мысли, находит на меня глубокая грусть. Неаполитанский залив, Сорренто, Амальфи,

⁷ Так, в контексте собственной любовной истории осмысляет Е. П. Ростопчина в своем творчестве миф о грехопадении первых людей (см. об этом: [Попова, с. 118–129]).

⁸ Свидетельство начавшейся подготовки Ростопчиных к поездке за границу в 1843 г. находим в письме П. А. Плетнева к Я. К. Гроту: «...(Ростопчины. — М. П., С. Е.) собирались было за границу; но я надеюсь, что не соберутся, ибо у графа по вечерам уже начали играть в карты и есть надежда, что скоро они опять останутся без денег» [Переписка Я. К. Грота..., с. 117].

⁹ «Заграничным» циклом мы называем стихотворения Е. П. Ростопчиной, которые издавались отдельным разделом под заглавием «Издалека».

Капрея, а более, воскресшая из мертвых Помпея, прощайте! Я вас не увижу [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 316–317]¹⁰.

Е. П. Ростопчина заезжала в те же города, что и А. Н. Карамзин, лишь, по всей видимости, не посещала Лион. Двигаясь по маршруту А. Н. Карамзина, Е. П. Ростопчина обращает внимание на те места, которые он упоминал в своих письмах. Так, с явной оглядкой на карамзинское описание окрестностей Генуи, Ростопчина в роман «Счастливая женщина» включает «восхитительную картину», открывающуюся перед путниками по дороге «от Генуи до Ницы»¹¹ (едущими только, в отличие от Карамзина, в обратном направлении: у Карамзина — «*На правой стороне голубое море...*»; у Ростопчиной — «*Влево море...*»). При этом Ростопчина сохраняет запомнившиеся ей поэтические детали из письма Карамзина, используя почти те же эпитеты и метафоры, включая французское слово «*la corniche*» (карниз, выступ, уступ), данное в романе в русской транскрипции — «широкая мощеная стезя *Корниши*».

Сравним¹²:

А. Н. Карамзин. Генуя. 15 марта. Среда

Из письма к матери

Дорога, по которой мы ехали, *la corniche*, пробирается почти все время по скалам морского берега: то висит на крутом боку их, высоко, высоко, над разъяренными волнами, которые разбиваются о подошвы скалы, а то спускаются на самый берег, так что пена морская лижет колеса. <...> *На правой стороне голубое море, с пеною, разбивающейся о каменистый берег, налево шла крутая скала*, покрытая печальной зеленью оливковых деревьев, или *восхитительныя долины, усеянные белыми домиками, и украшенныя пышными растениями юга: померанцовыя и лимонныя деревья, пальмы, кактусы, алоесы* [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 309]¹³.

Е. П. Ростопчина

Роман «Счастливая женщина»

Все время, в продолжение четырех дней, от Генуи до Ницы, *широкая мощеная стезя Корниши не покидает окраины моря*, и на каждом шагу, на каждом повороте возникает новая *восхитительная картина. Влево море, справа — высокие горы и скалы*, иногда *крутые обвесы...* Иногда дорога *висит над морем*, как над пропастью. *С одной стороны неизмеримая крутизна*, отделяющая, по видимому, путника от остальной вселенной и грозящая задавить его под внезапным обрывом тяжелых обломко; тогда как с другой стороны такая же *крутизна отделяет его от моря, шумящего и бьющего глубоко внизу*, будто готового принять в свое лоно, поглотить весь поезд... при малейшем обмеренном движении одной из лошадей [Ростопчина, т. 5, с. 408].

¹⁰О серьезности ситуации, связанной с эпидемией холеры, свидетельствует, например, смерть летом 1837 г. в Неаполе Н. И. Лебедева, талантливого молодого художника, отправленного в Италию в качестве пенсионера Императорской академии художеств [Степанова, с. 115–134].

¹¹Ница — так у Е. П. Ростопчиной.

¹²Здесь и далее курсив в текстах писем Карамзина и произведений Ростопчиной наш. — М. П., С. Е.

Следующий эпизод в романе «Счастливая женщина», изображающий пребывание главной героини в Генуе, перекликается с отрывком из другого письма А. Н. Карамзина к матери:

А. Н. Карамзин. После обеда.
6 часов вечера

Из письма к матери

...мы, под предводительством лон-лакея, бросились с жадностью на церкви и палаты Генуэзкия. Что за чудо, что за благородная, изящная роскошь! Мы бегали часа 4 и успели осмотреть Собор, две-три церкви и 5 главных дворцов. <...> Ходя по мраморным террасам дворцов, опираясь на мозаиковые дворцы и глядя на художественные богатства, которыми они украшены, я чувствовал глубокую зависть, не индивидуальную, но национальную... [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 310].

Е. П. Ростопчина.

Роман «Счастливая женщина»

Марина... осмотрела все достопримечательности Генуи, дозволила водить себя по всем церквам, по знаменитым картинным галереям, по богатым, но пустым жилищам стародавних Дорий, Дураццов и Паллавиноченок... Она обошла все мраморные палаты, наполненные сокровищами живописи и еще более богатые собраньем всех восточных редкостей и резного искусства... Она гуляла по террасам, обращенным в висячие сады, откуда померанцевые и лимонные деревья сыплют на прохожих снежный дождь своих цветов и упоительную негу их благоуханья [Ростопчина, т. 5, с. 407].

Упоминание города и его ключевых локаций: церквей и соборов, «мраморных палат», картинных галерей и дворцов (у Е. П. Ростопчиной — с указанием имен их «стародавних» владельцев) — позволяет предполагать, что писательница не только двигалась по маршруту А. Н. Карамзина, но и посещала те же культурные и исторические памятники.

Будто оглядываясь на карамзинские впечатления о Ницце, Е. П. Ростопчина от лица повествователя дает иное описание этого курортного городка. У А. Н. Карамзина Ницца вызывает «живое чувство физического и морального благосостояния»:

Я, который еще живо помнил снег и холод, мучивший меня на дороге, шел по морскому берегу и был ослеплен отблеском солнечных лучей на лазурных волнах. В садах — густая зелень апельсиновых и лимонных деревьев, покрытых плодами, и струи теплого ветерка обливали меня благовонием распустившихся роз и фиалок!.. Я был вне себя! [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 308].

Повествователь в романе Е. П. Ростопчиной, как бы вступая в диалог с воображаемым читателем, рисует противоположную картину:

---

¹³Этот отрывок из письма, а также фрагмент из письма о Флоренции (письмо к Е. А. Карамзиной от 18 марта 1837 г.) вписаны Е. П. Ростопчиной в «Альбом...» [РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 8].

Достигли наконец и Ницы. Но тут, *вместо обещанного и ожидаемого приюта и спокойствия*, путницу нашу и ее провожатых ожидали *картины неприятные и противные*. В два-три года это местечко, прославленное по Европе как деревня, где каждый домик купается в волнах моря и тонет в зелени цветников и садов, — это местечко преобразовалось и превратилось совершенно, и на пространстве прежних садов отстроены *узкие, темные, грязные улицы... Шум, пыль, стук колясок, раздражающие вопли бедных ослов, перебранка торговков и разных мастеров... — все противные подробности провинциальной жизни, суетливости*, — вот что составляет внешний вид Ницы... [Ростопчина, т. 5, с. 412].

Впечатления от посещения Рима, о котором так много писал своей матери А. Н. Карамзин, отразились и в поэзии Е. П. Ростопчиной. Величественный образ собора Святого Петра производит сильное впечатление и на молодого путешественника, и на автора цикла «Издалека». А. Н. Карамзин, описывая в своих корреспонденциях собор, упоминает о посещениях его: торжественный обед, представление Папе, восхождение на колоннаду, экскурсия, устроенная им для графини М. Ф. Соллогуб.

Восхищаясь архитектурной роскошью собора (*«прекрасный монумент Кановы, алтари, мозаики, гробы... мраморная статуя Справедливости»* [Римские письма А. Н. Карамзина..., с. 62]), А. Н. Карамзин остается недоволен богослужением. Приведем иронический пассаж из его письма:

Какая разница с нашим богослужением Св. Пасхи. Радостное пение “Христос Воскресе” сначала возвещает чему все радуются, поклоняются и молятся одному Божеству, и на эту минуту исчезают все неравности гражданские, православный мужик и православный *Л е н т о н о с е ц* молятся рядом; обряды торжественны, пение величественно. Здесь дело идет не о воскресении из мертвых Иисуса, но о прославлении Папы и о начале его власти, вся служба вертится вокруг него, про бога забывают, остается только это неподвижное чучело на своем престоле, к которому беспрестанно подходят целовать руки и ноги; к царю небесному, как к царям земным, подпускают только в мундирах и лентах, а народ, *Апостольских товарищей* гонят подальше. Когда читают Евангелие по-Латыни, то горят 7 свечей, а перед Греческим только 2! Пение варварское! Католическая скороговорка! <...> ... вся штука кажется спектаклем, разыгранным в их пользу. После службы бывает обыкновенно благословение народа на площади; но так как поутру шел маленький дождь, а солдаты у Папы сахарные, то их отпустили домой, и Папа благословлял в церкви [Там же, с. 64–65. Разрядка автора. — М. П., С. Е.].

Е. П. Ростопчина посвящает собору Святого Петра одноименное стихотворение с подзаголовком «В вечер Страстной Пятницы». Лирическая героиня вспоминает, какие разные чувства испытывала она в святые дни, посещая храм:

Я видела тебя, о *дивный храм*,
В торжественные дни, когда Владыка Рима
Царем богослужил, и ты, неизмеримый,
Был весь сияние... молитва... фимиам!..

Я видела тебя, когда перед Небесной
Смирялась власть земли, колена преклоня...
И *праздник был так светл, велик*, — что, мнила я,
Он мира лучшего прообраз нам чудесный!..

Но нынче... я вхожу, — и *траур алтарей*,
И надпрестольный крест, в креп черный облеченный,
И храм торжественно в потемки погруженный,
Без пенья, без кадил, без таинств, без огней, —

Молчанье, ужас, мрак, — *всё о борьбе Христовой*, —
Все о Распятом здесь так сильно говорит,
Что дух трепещет мой, душа моя скорбит,
И ты священный мне, святее, сень Петрова!!..

[Ростопчина, т. 2, с. 145].

По-разному воспринимается А. Н. Карамзиным и Е. П. Ростопчиной Тиволи. Карамзин лишь вскользь упоминает о неудачной поездке в пригород Рима:

От Рима до Тиволи 18 миль, т. е. более 30 верст, я 4 месяца не ездил верхом... проскакал это пространство в 1 час 40 минут! марш-маршем сначала до конца. За делом приехал, через $\frac{3}{4}$ часа начался дождик, мы отошли далеко, промокли, голодные воротились в скверный пустой трактир, прозябшие сели в коляски и на возвратном пути *неумолимое небо нас немилосердно полоскало. Вот вам и Тиволи и римский климат!* [Римские письма А. Н. Карамзина..., с. 74].

Е. П. Ростопчиной же посещение Тиволи запомнилось тем, что там, на вилле д'Эстэ, где все овеяно памятью великого Тассо, «земляки», «русские, спутники» преподносят ей «венец лавровый», от которого она смиренно отказывается, считая себя недостойной его:

Смотрите, *где* мы!!.. вот стоят палаты
Старинные, чудесные..... и в них
Когда-то двор державный и богатый
Торжествовал пиры Князей своих...

И вспомните, *чи* стопы ходили
По сим аллеям!.... *чей* здесь глас звучал....
Чи песни здесь *Элеонору* чтили... ..
Здесь страстный Тассо жил... любил... мечтал!..

<...>

Что я пред ним?.... Что я в стране сей славной?..

<...>

Лишь женщина, во всем значеньи слова!....
Не мне, друзья, не мне венец лавровый!....

[Ростопчина, т. 2, с. 146–147.
Курсив автора. — М. П., С. Е.]

Еще одна любопытная переключка, на этот раз с венецианским письмом Карамзина к матери, обнаружена нами в романе «Палаццо Форли»:

...перед сном, чтоб достойно кончить день, я сижу у себя на балконе и при лунном свете курю ароматическую трубку; передо мною черныя стены дожскаго дворца и темною дугою перекидывается через канал il ponte Sospirì, подо мною в струях канала играет месяц, все тихо и пусто; изредка скользит по воде черная гондола и однообразный плеск весел прерывает тишину... Вдали звуки песен, струйки теплаго ветерка... [Римские письма А. Н. Карамзина..., с. 128].

Е. П. Ростопчина, вероятно, держа в памяти эту живописную картину из письма, изображает в то же время суток, в той же позе (но в ином, не столько поэтическом, сколько возбужденном состоянии) одного из главных персонажей «Палаццо Форли» — ветреного и страстно влюбленного юношу Лоренцо Форли.

...поздно за полночь, он [Лоренцо. — С. Е., М. П.] уже возвратился из театра, уже пребывал под прокурациями, исходил всю площадь, пересмотрел всех сидящих и проходящих и, безнадежный, докуривал сигару на своем балконе, над каналом Сан-Моизе. Вдруг под балконом остановилась гондола, освещенная двумя красными фонарями... Лоренцо с удивлением смотрел на это явление, показавшееся ему грозным провиденьем безвозвратной старины, когда вдруг из гондолы раздались пение и слишком знакомый, слишком памятный ему голос запел... Вне себя от радости, Лоренцо вскрикнул и бросился с балкона... [Ростопчина, т. 5, с. 596].

Если бы читатель был знаком с карамзинскими письмами, то ему вряд ли показались бы случайными совпадения в описании венецианской ночи, принадлежащие двадцатидвухлетнему путешественнику и автору романа «Палаццо Форли», увидевшему свет в год смерти А. Н. Карамзина. Так, бережно храня в сердце все, что связано с дорогим для нее человеком, Е. П. Ростопчина вступает с ним в незримый диалог, следуя маршрутом его и своей памяти.

Можно, вероятно, говорить о том, что путешествие А. Н. Карамзина, отраженное в его корреспонденциях, стало знаковым *со-бытием* в жизни Е. П. Ростопчиной. Случай то или закономерность, но европейские путешествия «закольцовывают» историю их взаимоотношений. Благодаря публичному чтению писем Андрея Карамзина в «красной гостиной», Е. П. Ростопчина заочно познакомится с юношей, которого она при встрече полюбит. Спустя почти 10 лет, расставаясь с А. Н. Карамзиным, Е. П. Ростопчина с семьей отправится в Европу по маршруту, обозначенному в письмах того, кто оставил такой яркий след в ее судьбе.

Итак, восприятие Е. П. Ростопчиной заграничных писем А. Н. Карамзина, до сих пор не введенных в научный и культурный оборот, позволяет прояснить некоторые затемненные места личной и творческой биографии писательницы. Однако только некоторые. До сих пор неизвестна судьба дневника, который Е. П. Ростопчина, по свидетельству ее дочери Лидии, вела в поездке по Европе. Ее письмо к А. Н. Карамзину из Рима (то ли по рассеянности адресата, то ли

по какой-то другой причине) также не сохранилось. И главное — до сих пор не прочитан до конца тот глубоко личный, вдохновленный историей любви Е. П. Ростопчиной подтекст, который запечатлелся в ее творчестве.

Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001.

Гегель и философия в России: 30-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в. М., 1974.

Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974.

Достоевский Ф. М. Петербургская летопись // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 11–34.

Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы : монография. Екатеринбург, 1996.

Из писем А. О. Роскета к А. О. Смирновой // Рус. архив. 1896. № 2. С. 279–310.

Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина: Из истории русского романтизма. М., 1915.

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / изд. ред. Я. К. Грота. СПб., 1896. Т. 2.

Письма А. Н. Карамзина к матери. Сообщены гр. М. Н. Толстой // Старина и новизна. 1914. Кн. 17. С. 232–322.

Попова М. Ю. Формирование мифа о грехопадении в творчестве Е. П. Ростопчиной // Филол. класс. 2023. Т. 28, № 2. С. 118–129.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов / под ред. Н. В. Измайлова. М. ; Л., 1960. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-125-4.htm> (дата обращения: 30.04. 2023).

Пытин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов : ист. очерки. СПб., 1909.

Ранчин А. М. История женщины и поэтессы — в романе, повести, комедии // Ростопчина Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения. М., 1991. С. 5–14.

Ранчин А. М. Евдокия Петровна Ростопчина : очерк жизни и творчества // Ростопчина Е. П. Собр. соч. : в 6 т. / предисл., сост., коммент. А. М. Ранчина. М., 2019. Т. 1. С. 3–72.

РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 8. Альбом с записями мыслей Е. П. Ростопчиной, автографами А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербины, Л. С. Пушкина и др., выписками из писем А. Н. Карамзина, из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, О. Бальзака, И.-В. Гёте, Д.-Г. Байрона и многих других. На рус., фр., нем., англ., польск. языках.

Римские письма А. Н. Карамзина к своей матери Екатерине Андреевне. Сообщено графиней М. Н. Толстой // Старина и новизна. 1916. Кн. 20. С. 57–170.

Романов Б. Н. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной : повествование : в 7 ч. М., 2017.

Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / предисл., сост. и коммент. А. М. Ранчина. М., 2019. Т. 1.

Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / сост. и коммент. А. М. Ранчина. М., 2019. Т. 2.

Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / сост. и коммент. А. М. Ранчина. М., 2022. Т. 5.

Серягин С. Н. Письма русских путешественников: Николай Михайлович и Андрей Николаевич Карамзины // Карамзинский сборник: наследие Н. М. Карамзина в истории

и культуре России : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 5–6 дек. 2016 г.). Ульяновск, 2017. С. 126–132.

Старина и новизна : ист. сб. М., 1914. Кн. 17. С. 232–322.

Степанова С. С. Увидеть Италию и умереть: о малоизвестных представителях русской колонии в Риме (М. И. Лебедев, П. С. Петровский, В. И. Штернберг, И. Г. Давыдов) // Третьяковские чтения, 2009 : материалы отчет. науч. конф. М., 2010. С. 115–134.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024 г.

Научная статья

УДК 821.134.1-3 Вайреда (460.23)“1900” + 821.134.1’42 + 141:329.11 + 329.12 +
+ 94(460)“19/20”

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.031

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА М. ВАЙРЕДЫ «НОВАЯ КРОВЬ»: ОТ КАРЛИЗМА К КОНСЕРВАТИВНОМУ КАТАЛОНИЗМУ

Андрей Андреевич Терещук

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
san_petersburgo@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена роману каталонского писателя М. Вайреды «Новая кровь» (1900). Анализируется отражение политических взглядов автора в тексте произведения. М. Вайреда, в молодости участвовавший в испанском карлистском движении, к моменту создания романа перешел на позиции консервативного каталонского национализма. «Новая кровь» рассматривается в контексте социально-политических изменений в испанском обществе рубежа XIX–XX вв. Проводится анализ особенностей создания образа персонажей. Каждый из героев романа является носителем определенной политической идеологии. Показывается, что писатель выступает за автономию Каталонии от центрального правительства в Мадриде и одновременно романтизирует каталонскую провинцию, противопоставляя ее Барселоне и окружающим городам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: каталонская литература; Испания; карлизм; традиционализм; консерватизм; Вайреда; каталонский национализм

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC ORIGINALITY OF M. VAYREDA'S NOVEL "NEW BLOOD": FROM CARLISM TO CONSERVATIVE CATALANISM

Andrei A. Tereshchuk

*Herzen University,
Saint-Petersburg, Russia,
san_petersburgo@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>*

A b s t r a c t. The article is dedicated to the novel “New Blood” (1900) by the Catalan writer M. Vayreda. It analyzes the reflection of the author’s political views in the novel

© Терещук А. А., 2024

and reveals Vayreda's ideological shift as he switches from Carlism to conservative Catalan nationalism. "New Blood" is considered in the context of socio-political changes in the Spanish society at the turn of the 20th century. The analysis of the means of creating the character images is carried out. Each of the novel's characters is viewed as a bearer of a certain political ideology. The writer advocates for the autonomy of Catalonia from the central government in Madrid as well as to romanticize the Catalan province, contrasted with Barcelona and the neighbouring cities.

Key words: Catalan literature; Spain; Carlism; traditionalism; conservatism; Vayreda; Catalan nationalism

В XIX в. в Каталонии началось движение «Renaixença» («Возрождение»), которое было связано с ростом интереса к региональному языку и культуре. Если в XVIII в. каталанский язык использовался только в разговорно-сниженном регистре, и практически единственным жанром институционального дискурса на миноритарном идиоме являлась церковная проповедь [Moreno Fernández, p. 207], то в следующем столетии на каталанском начали выходить газеты и журналы, он превратился в язык барселонской буржуазии. «Renaixença» ознаменовала собой возрождение каталонской литературы, которая после XVI в. переживала период упадка [Карпова, с. 16]. В Барселоне возобновилась средневековая традиция проведения «Цветочных игр» («Jocs florals»), появилась целая плеяда ярких прозаиков, пишущих по-каталански [Casacuberta, 2023, p. 2–4]. Культурное и литературное возрождение совпало с появлением политического каталонизма, т. е. движения за автономию или даже за отделение Каталонии от испанского государства (о движении «Renaixença» см.: [Кузина; Polo Blanco]).

Одним из каталонских писателей, сочетавших литературные занятия с политической деятельностью, стал Мариан Вайреда-и-Вила (Marià/Marian Vayreda i Vila; далее — Вайреда) (1853–1903). В молодости Вайреда принял участие в Третьей карлистской войне (1872–1876) на стороне приверженцев дона Карлоса-младшего. После поражения карлистов он уехал в Париж, где изучал живопись. Вернувшись в Каталонию, Вайреда поселился в своем родном городе Олот, который дал название целому направлению в изобразительном искусстве конца XIX в.¹ В 1890-е гг. Вайреда активно занимался политической деятельностью. Он представлял свой город на ассамблеях партии «Каталанистский союз» («Unió Catalanista»), находившейся на позициях консервативного каталонского национализма [Терещук, 2023б, с. 154–155].

В качестве писателя Вайреда получил известность как автор «романизированных мемуаров» (по определению литературоведа Э. Ильясса [Illas, p. 90]) — «Воспоминаний о последней карлистской войне» («Records de la darrera carlinada») — и опубликованного вскоре после смерти писателя романа «Удар кинжалом» («Punyalada»), уже ставшего классикой литературы на каталанском языке [Busquets i Grabulosa, p. 81]. Большая часть научных работ, затрагивающих

¹ Наиболее известным представителем Олотской школы живописи стал старший брат Мариана Вайреды Жоакин Вайреда [Кузина, с. 124].

проблемы творчества Вайреды, посвящена именно этим двум произведениям [Терещук, 2023б; Bardera; Casacuberta, 2003; Maumó; Pagès; Roig; Selles]. В то же время третье крупное произведение автора, роман «Новая кровь: горский роман» («Sang nova: novel·la montanyenca») [Vayreda, 2007]², впервые опубликованный в 1900 г., привлекает к себе гораздо меньшее внимание специалистов и рассматривается некоторыми литературоведами как «шаг назад» в писательской биографии Вайреды [Bardera, p. 10].

Мы не ставим своей задачей подтверждение или опровержение идеи относительно художественных достоинств «Новой крови». В настоящей статье делается попытка показать, как в романе отразились идеологические установки автора и как данный текст вписывается в контекст политической и культурной жизни рубежа XIX–XX вв. Интерес к анализу «Новой крови» обусловлен как слабой изученностью данного текста в литературоведении, так и тем фактом, что выход романа совпал с рядом важных событий в истории Испании и Каталонии: 1) книга появилась через два года после «катастрофы 1898 года» — поражения Испании в войне против США, которое вызвало глубокий кризис в испанском обществе и привело к образованию так называемого «поколения 98 года» в литературе [García López, p. 591–593]; 2) в один год с публикацией «Новой крови» в Бадалоне (Каталония) произошла последняя крупная попытка карлистов поднять вооруженное восстание (до 1936 г.), окончившаяся неудачей и приведшая к резкой потере популярности карлистского движения [Blinkhorn, p. 65]; 3) выход романа Вайреды совпал с ростом популярности идей каталонского национализма; в 1901 г. в Каталонии была образована «Регионалистская лига» («Lliga Regionalista») — партия, игравшая важную роль в первой трети XX в. [Кирчанов, с. 171]. Таким образом, роман «Новая кровь», значительную часть которого составляют рассуждения героев о политике, появился в момент идеологического перелома в обществе. Анализ данного произведения будет релевантным не только для изучения истории литературы на каталанском языке, но и для создания объективной картины общественно-политической жизни в Испании и Каталонии рубежа XIX–XX вв.

У «Новой крови» очень простой сюжет. Действие происходит в 1868 г. Главный герой — молодой человек по имени Рамон де Монбрио — возвращается в родную комарку (небольшой административный район) в горной части Каталонии,

---

² Следуя уже устоявшейся традиции в литературоведении, далее мы опускаем вторую часть названия романа («novel·la montanyenca», т. е. «горский роман» или «роман о горах») (о поджанре «novel·la montanyenca» см.: [Casacuberta, 2023]). В настоящей статье мы ссылаемся на текст романа, опубликованный в рамках проекта «Gutenberg» и доступный онлайн [Vayreda, 2007]. Данный текст был отредактирован в соответствии с нормами современного каталанского языка. В 1907 г., через семь лет после публикации романа, был создан Институт каталанских исследований, который провел реформу орфографии [Евдокимова, Гринина, с. 81]. Так, название произведения в первом издании писалось «Sanch nova» [Vayreda, 1900], вместо современного «Sang nova». Далее при ссылках на роман мы указываем в круглых скобках только номер страницы.

недалеко от Вика³. Он встречается со своим дядей Жоаном, местным священником, и знакомится с членами семьи Серра-Бруна — типичными представителями каталонского провинциального дворянства. Рамон, высказывающий ряд новаторских идей, вступает в конфликт с главой семейства Серра-Бруна доном Эудалдом, но влюбляется в его дочь Монсеррат. Параллельно в стране разворачивается Сентябрьская революция, покончившая с властью королевы Изабеллы II. Семье Серра-Бруна угрожает расправа со стороны революционеров, но благодаря вмешательству Рамона им удается спастись, а благодарный дон Эудалд отдает в жены молодому человеку свою дочь.

Несложно заметить, что сюжетная канва «Новой крови» перекликается с двумя знаковыми произведениями испанской литературы конца XIX в. Аналогия между романом Вайреды и книгой Х. М. де Переды «Горные вершины» («*Peñas arrriba*», 1895) уже проводилась специалистами [Canal, p. 45] (поджанр «регионального романа» Х. М. де Переды подробно разобран в работе [Ефименко, 2023, с. 17–22]). Мы же отметим связь между «Новой кровью» и известным произведением испанского прозаика Б. Переса Гальдоса «Донья Перфекта» («*Doña Perfecta*»), вышедшим в 1876 г. Главный герой «Доньи Перфекты» приезжает в вымышленный провинциальный город Орбахоса к своей тете донье Перфекте. И Вайреда, и Б. Перес Гальдос делают протагонистов своих романов инженерами по профессии. Отметим, что в Испании конца XIX в. данная профессия ассоциировалась с либерализмом и «прогрессивными» взглядами [López Cabrales]. Оба героя вступают в конфликт с местным обществом, высказывая идеи, которые кажутся провинциальным консерваторам новаторскими и даже революционными. Кроме того, действие обоих романов начинается накануне двух крупных потрясений в испанской истории XIX в.: «Новой крови» — перед революцией 1868 г., а «Доньи Перфекты» — в 1872 г., в последние дни перед началом Третьей карлистской войны (о романе «Донья Перфекта см. также: [Плавский, с. 47–49]). При этом «Новая кровь» становится своего рода «ответом» на роман Гальдоса. Если испанский писатель придерживался либеральных взглядов и посвятил свой роман критике консервативных идей, и в первую очередь испанского карлизма, то его каталонский «коллега» занимал совершенно иные идеологические позиции.

Как было отмечено выше, в молодости Вайреда участвовал в карлистском движении. Карлизм — это военно-политическое движение, появившееся в 1833 г. и находившееся на крайнем правом фланге политического спектра. Одним из центров карлизма стала Каталония, в первую очередь ее горная, удаленная от побережья часть (в которой и происходит действие романа) [Терещук, 2023а, с. 82]. Идеология карлизма постоянно изменялась, но ее ключевым элементом оставалось неприятие испанского либерализма и католический традиционализм (об идеологии карлизма см.: [Айусо Торрес; Василенко; Терещук, 2023а,

---

³ Можно предположить, что, показывая читателям вымышленные провинциальные городки или деревни Валь-Льосель, Прунес и Даураду, Вайреда представлял свой родной Олот, лежащий в 50 км к северу от Вика.

с. 33–90]). В войне 1872–1876 гг. важную роль в мировоззрении карлистов также играли идеи баскского и каталонского регионализма; сторонники дона Карлоса подчеркивали самобытность и уникальность региональных культур в рамках единой Испании. «Я больше ощущал себя каталонцем, чем раньше»⁴, — вспоминал впоследствии Вайреда о своих чувствах перед тем, как присоединиться к карлистскому восстанию [Vayreda, 2014, p. 15]. Однако после поражения в войне писатель пересмотрел свои убеждения, и его взгляды изменились от карлизма к консервативному каталонизму. В 1890-е гг. Вайреда позиционировал себя как традиционалиста-каталониста [Canal, 2004, p. 43], т. е. проекты восстановления на испанском троне карлистской ветви династии Бурбонов и возвращения к «славным временам» испанской империи отошли для писателя на второй план по сравнению с идеей построения в Каталонии общества, основанного на католическом традиционализме.

Данная перемена во взглядах автора находит отражение в «Новой крови». Вайреда открыто не критикует карлизм; сторонники движения даже не упоминаются в романе, хотя в 1868 г. они были важной силой на испанской политической сцене (о восприятии карлизма в каталонском обществе 1870-х гг. см.: [Toledano, p. 183]). При этом автор намекает на то, что дон Эудалд, отец невесты главного героя, по своим взглядам близок к карлизму. К такому заключению мы приходим на основании описания привычек персонажа: дон Эудалд читает только газеты «La Esperanza» и «El Brusi» (p. 60). Из истории испанской журналистики известно, что первая была фактически официальным печатным органом карлистов, а вторая («El Brusi» — неофициальное название газеты «Diario de Barcelona», по имени главного редактора Антони Брузи) также выступала с крайне консервативных позиций (об истории карлистской прессы см.: [Agudín]). «Я должен передать своим детям все мое имущество в таком виде, в каком я его получил от своих родителей», — заявляет дон Эудалд (p. 73). Нежелание персонажа принимать какие-либо изменения даже в мелочах может рассматриваться как намек на карлистов, мечтавших в конце XIX в. вернуться к временам Старого режима. Иронизируя над доном Эудалдом, который целые дни напролет сидит без дела в своем имении и не хочет ничего менять в жизни, Вайреда далек от «обличения» или злой насмешки: старик, олицетворяющий собой карлизм, скорее вызывает жалость и некоторую симпатию как своего рода осколок «славного» прошлого. Его примирение с Рамоном и готовность отказаться от своих сеньориальных прав в концовке романа могли служить «призывом» для карлистов к переходу в лагерь каталонских националистов и отказу от «устаревших» идеологических установок.

Совсем по-иному представлены сторонники революции 1868 г. «Сентябрьская революция (или Славная, как ее неудачно прозвали), проклятая и бессмысленная...», — этими словами начинается Вайреда свои «Воспоминания о последней карлистской войне» [Vayreda, 2014, p. 13]. В «Новой крови» его отношение к революционерам не изменилось, и писатель не жалеет «черной краски» для

⁴ Здесь и далее — перевод наш.

создания их образа. «Безбожие, или, точнее говоря, клерофобия (*clerofòbia*) — вот характерная черта этой революции», — отмечает Вайреда (р. 218), и у него как у практикующего католика события 1868 г. вызывают осуждение. Так, пришедшая к власти в комарке «Революционная хунта» сажает под домашней арест священника (р. 211–213). Ее руководитель по фамилии Серда⁵ и его окружение представлены в романе как пьяницы (р. 204–205), грабители (р. 230) и при этом трусы (р. 184–186). Ни писатель, ни протагонист его произведения никогда не являлись сторонниками режима Изабеллы II, который пал в результате революции. В то же время пришедшие к власти радикалы вызвали у Вайреды однозначно негативную реакцию. Как отмечал французский мыслитель Д. Веннер, «противоположность традиции не “современность”, понятие неопределенное и ограниченное, а нигилизм» [Веннер, с. 17]. Именно нигилизм революционеров 1868 г., а не современное общество в целом отталкивает традиционалиста Вайреду.

Промежуточную позицию между доном Эудалдом и Серда занимает Рамон. Мнения, высказываемые протагонистом, коррелируют с политическими взглядами Вайреды, поэтому в данном случае можно говорить об описанной М. М. Бахтиным ситуации, в которой «имеет место непосредственное вложение автором своих мыслей в уста героя с точки зрения их теоретической или этической (политической, социальной) значимости, для убеждения в их истинности и для пропаганды» [Бахтин, с. 14]. Главный герой романа осуждает революцию и говорит, что она «родилась совсем не в сознании народа» (р. 217). Действительно, как показывают современные исследования, целый ряд революций и переворотов в Испании середины XIX в. производился исключительно политическими элитами и армией при минимальном участии большей части населения [Álvarez Balbuena, p. 21].

Рамон рассуждает о необходимости обновления в обществе и несколько раз использует метафору о вливании в его вены «новой крови»⁶ (р. 33, 103, etc.), т. е. идеологических установок, отвергающих и мадридский централизм Изабеллы II, и неготовый к переменам карлизм, и нигилизм революции 1868 г. Отметим, что Рамон ищет вдохновения в прошлом; призывая отказаться от «этой официальной легенды под названием *История Испании*» (р. 219), он вдохновляется идеями некоего утопического общества, которое когда-то (по всей видимости, в Средневековье) существовало в Каталонии (р. 28–32). Важно подчеркнуть, что поиск идеала в прошлом характерен для любого традиционализма и не является уникальным для Вайреды или других каталонских традиционалистов [Hibbs-

⁵ Можно предположить, что фамилия антагониста является отсылкой к Ильдефонсу Серда, каталонскому архитектору, спроектировавшему в 1860-е гг. застройку новых кварталов в Барселоне. И. Серда, как и антигерой романа, увлекался социалистическими идеями и поддержал революцию 1868 г. При этом проект стремительного расширения Барселоны мог вызывать неприятие у Вайреды, воспевавшего романтику каталонской провинции.

⁶ В вышеупомянутом романе Х. М. де Переды «Горные вершины» главный герой в своих рассуждениях использует похожую метафору и говорит о вливании в общество «чистой крови» («sangre pura») [Pereda, p. 637].

Lissorgues, p. 149]. Таким образом, Вайреда апеллирует к необходимости реформ, которые, по его мнению, стали бы возвратом к утерянным традициям. Подобное отношение к инновациям (в правовой сфере или общественной жизни) характерно для средневековой культуры, а не для XIX в. [Гуревич, с. 150–151].

Идеи Рамона основываются в первую очередь на восхищении провинциальной, сельской Каталонией, которая отличается от Барселоны и промышленных центров вокруг нее. Данная оппозиция может рассматриваться как разновидность существующего в каталонской культуре противопоставления горной части региона его прибрежной зоне [Баканова, 2019, с. 265–266] (см. также об аналогичном противопоставлении в творчестве современника Вайреды, испанского писателя П. Барохи: [Ефименко, 2021, с. 54]). «В горах таких людей (достойных уважения. — А. Т.) можно встретить в каждом доме. Это действительно настоящие каталонцы», — говорит молодой человек (р. 223). Показывая красоту возлюбленной главного героя Монсеррат, автор пишет о «чистоте ее горной крови» (р. 57)⁷. Вайреда устами Рамона воспекает преимущества жизни в загородном поместье, хотя при этом и рисует картину упадка дворянской усадьбы в современной ему Каталонии (р. 51–52). Российскому читателю некоторые страницы романа могут напомнить об «Антоновских яблоках» И. А. Бунина, опубликованных в один год с «Новой кровью». Таким образом, в представлении Вайреды жители горной Каталонии являются каталонской аристократией, понимаемой здесь совсем не как сословная группа, обладающая унаследованными привилегиями. И. В. Илюкович пишет, что «аристократизм по своему исходному смыслу в культуре описывает такой принцип формирования социума, согласно которому в фокусе его внимания находятся лучшие» [Илюкович, с. 10]. «Горцы» в романе представляют собой «лучшую» часть каталонского общества, которое должно ориентироваться именно на них.

Заслуживает внимания описание сельскохозяйственных работ, в которых принимает участие Рамон (р. 117–120). Данный фрагмент интересен не только с художественной точки зрения — авторское изображение пейзажа, без сомнения, навеяно полотнами Олотской школы живописи⁸, — но и с идейной. Вайреда показывает работу жнецов («segadors»), отсылая читателя к одному из ключевых компонентов каталонского национального мифа — к так называемой «Воине жнецов» («Guerra dels Segadors»). Такое наименование получило крупномасштабное восстание в Каталонии против испанских властей в 1640–1652 гг. Вдохновленная

---

⁷ Рассуждения автора о крови неувидительны: на рубеже XIX–XX вв. каталонские националисты часто обращались к расистскому дискурсу, противопоставляя «арийцев» и «европейцев» (каталонцев) «семитам» и «африканцам» (испанцам) (см. на данную тему: [Polo Blanco; Martínez Hoyos]). В романе Вайреды проводится мысль о том, что именно у жителей горной части Каталонии наиболее «чистая» кровь.

⁸ Д. С. Лихачев писал о связи литературы и изобразительного искусства: «Многие явления в развитии искусства одновременны, однородны, аналогичны и имеют общие корни и общие формальные показатели. Литература и все виды других искусств управляются воздействием социальной действительности, находятся в тесной связи между собой» [Лихачев, с. 33].

данными событиями песня «Жнецы» («Els Segadors») в настоящее время является гимном автономного сообщества Каталония и одним из символов каталонского национализма. Интересно, что современная версия текста песни была создана в 1899 г., за год до публикации «Новой крови» [Баканова, 2015, с. 28–29]. В романе Вайреды крестьяне переговариваются цитатами из песни: «Какой удар серпом!» («Quin cop de falç!») (р. 119), — говорит один из них, наблюдая за работой Рамона. Кроме того, по окончании уборки урожая все дружно поют «Жнецов» (р. 124). Очевидно, что для автора важна не реалистичность этой сельской «идиллии», а ее идеологическое содержание.

В романе находится место и для идей политической автономии Каталонии. Рамон сравнивает политиков в Мадриде с грызущимися между собой волками и призывает всех жителей Валь-Льоселя объединиться и защищать свои интересы (р. 263). Ему непонятно, почему «честный крестьянин», ставший деревенским старостой, «не боящийся выйти охотиться на медведя и обладающий силой, чтобы свалить дуб, дрожит, как лист, при встрече с захудалым чиновничком (*empleadot de mala mort*) с Пуэрта дель Соль (площадь в Мадриде. — А. Т.)» (р. 101). По мнению героя, местное самоуправление может самостоятельно регулировать все вопросы жизни в Каталонии с большей эффективностью, чем присланные из Мадрида служащие.

В «Воспоминаниях о последней карлистской войне», своем первом крупном произведении, Вайреда, с ностальгией вспоминая о молодости, создал романтизированный образ карлистов. Роман «Новая кровь» отражает изменения в идеологии автора: идеал Вайреды — это больше не испанская монархия во главе с доном Карлосом, но автономная или даже независимая Каталония, обратившаяся к собственной истории и интегрировавшая свои традиции в современную жизнь.

Айусо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019. № 3 (19). С. 59–83. <https://www.doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00003>

Баканова А. В. Фразеологические и паремиологические единицы в каталанских народных сказках // Древняя и Новая Романия. 2015. № 15. С. 18–32.

Баканова А. В. “Seny i gauxa” как отражение каталанского национального характера // Древняя и Новая Романия. 2019. № 23. С. 261–276.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.

Василенко Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2016. № 16 (1). С. 92–111.

Веннер Д. История и традиции европейцев. 30 000 лет идентичности. М., 2018. 346 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 320 с.

Евдокимова А. А., Гринина Е. А. Региональные языки Испании: нормализация, нормативизация, кодификация // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (791). С. 77–88.

Ефименко В. П. «Салакаин Отважный» Пио Барохи: сотворение легенды // Вестн. Сыктывкар. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2021. № 4 (20). С. 49–56.

Ефименко В. П. Испанский исторический роман: от реализма к постмодернизму: очерки. Сыктывкар, 2023. 129 с.

Илюкович И. В. Современная английская культура и аристократизм // Культурный код. 2022. № 4. С. 9–22. <https://www.doi.org/10.36945/2658-3852-2022-4-9-22>

Картова Ю. А. Процесс нормализации и унификации каталонского литературного языка в XIII–XV вв. // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: тез. конф. М., 2010. С. 15–20.

Кирчанов М. В. Политические партии каталонского национализма в последней четверти XIX — начале XX века // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 170–175. <https://www.doi.org/10.24158/fik.2023.5.25>

Кузина Н. А. Зарождение и формирование национальных символов Каталонии в рамках Ренансенса и их визуальная репрезентация в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 4 (20). С. 114–130. <https://www.doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-114-130>

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. 415 с.

Плавский З. И. Испанская литература XIX–XX веков. М., 1982. 247 с.

Терещук А. А. За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма. М., 2023а. 416 с.

Терещук А. А. Лексико-семантические особенности «Воспоминаний о последней карлистской войне» М. Вайреды // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2023б. № 3. С. 153–162.

Agudín J. L. Por una historia de la Prensa carlista: Balance historiográfico y perspectivas de futuro // Aportes. 2022. № 109. P. 245–281.

Álvarez Balbuena F. Ideas sobre la política del siglo XIX español // Anales de la Real Academia de Doctores de España. 2021. Vol. 6, № 1. P. 7–47.

Bardera D. El món de Marià Vayreda: una anàlisi crítica // Anuari Verdaguer. 2014. № 22. P. 9–24.

Blinkhorn M. Carlismo y contrarrevolución en España, 1931–1939. Barcelona, 1979. 469 p.

Busquets i Grabulosa L. Marian Vayreda i la seva obra literària // Annals del Patronat d'Estudis Històrics d'Olot i Comarca. 2005. № 15. P. 77–90.

Canal J. Marian Vayreda, entre el carlisme i el catalanisme // Revista de Girona. 2004. № 225. P. 41–46.

Casacuberta M. Marian Vayreda, del trabuc a la ploma // Serra d'Or. 2003. № 528. P. 47–50.

Casacuberta M. Notes sobre la “novel·la muntanyenca”: El mite de la muntanya catalana, els Jocs Florals i la “revolució pacifista” de Catalunya // Plecs d'història local. 2023. № 189. P. 2–5. <https://doi.org/10.34810/plecsn189id413756>.

García López J. Historia de la literatura española. Barcelona, 2003. 790 p.

Hibbs-Lissorgues S. “Sueños nocturnos” y retropías en el tradicionalismo español // Pasado y Memoria, 2021. № 23. P. 139–159. <https://doi.org/10.14198/PASADO2021.23.06>.

Illas E. Marià Vayreda: el carlismo reciclado y el inconsciente catalán // Res Publica: revista de filosofía política. 2004. № 13–14. P. 87–96.

López Cabrales J. J. El ingeniero como mártir de la modernidad en *Doña Perfecta* // Cuaderno de arte de la Universidad de Granada. 1999. Vol. 30. P. 129–134.

Martínez Hoyos F. El discurso de la hispanofobia racismo y xenofobia en el nacionalismo catalán // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2014. № 84 (29). P. 183–192.

Maymó O. El simbolisme de la muntanya en el llenguatge de *Records de la darrera carlinada*, de Marian Vayreda // Anuari Verdaguer. 2020. № 28. P. 69–98.

Moreno Fernández F. Historia social de las lenguas de España. Barcelona, 2005. 287 p.

Pagès V. Records de la darrera carlinada, de Marià Vayreda // Revista de Girona. 2009. № 256. P. 48–51.

Pereda J. M. Peñas arriba. Madrid, 1897. 639 p.

Polo Blanco J. Los glóbulos del *Volksgeist*. Romanticismo y racismo en la génesis ideológica del catalanismo // Aportes. 2022. Vol. 37, № 109 (2). P. 173–211.

Roig J. L. La punyalada, entre l'historicisme i la psicologia // Miscel·lània Germà Colón-7. Barcelona, 1997. P. 135–158.

Selles N. Marian Vayreda: Idealització i conflicte davant d'una realitat canviant // Revista de Girona. 2003. № 220. P. 30–35.

Toledano L. F. El tradicionalisme polític antiliberal: els carlins catalans // The Catalan Historical Review. 2021. № 14. P. 179–195.

Vayreda M. Sanch nova: novela montanyenca. Olot, 1900.

Vayreda M. Sang nova. Gutenberg, 2007. 330 p. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/23021> (date of access: 15.01.2024).

Vayreda M. Records de la darrera carlinada. Barcelona, 2014. 136 p.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Научная статья

УДК 81-112 + 811.161.1'22 + 81'27 + 304.4 + 316.74:81

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.032

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОСОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Людмила Сергеевна Крюкова

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны РФ,

Москва, Россия,

l.s.kryukova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7391-4426>

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается формирование лингвосоциальной модели культуры России как результата исторических процессов и происходящих в это время заимствований из иностранных языков в русский язык. Автор соотносит различные этапы развития торговых и дипломатических отношений российского государства с другими народами с периодами обогащения русского языка новыми лексическими единицами, а также обосновывает необходимость заимствования этой лексики. В статье приводятся примеры слов и выражений, заимствованных в русский язык из тюркских, арабского, греческого, латинского, польского, украинского, белорусского, немецкого и французского языков. Автор демонстрирует, как данные лингвистические заимствования, не имеющие аналогов в русском языке или заменяющие малоиспользуемые слова, приобретают социальное и культурное значение, поскольку обозначают одежду, предметы повседневной жизни, явления, профессиональные и научные термины. Таким образом, внедряясь во все сферы жизни людей, они создают лингвосоциальную модель культуры России VIII–XVIII вв.

К л ю ч е в ы е с л о в а: язык; культура; заимствования; Россия; русский язык; лингвосоциальная модель; исторический контекст

FORMATION OF THE LINGUOSOCIAL MODEL OF RUSSIAN CULTURE: HISTORICAL CONTEXT

Liudmila S. Kryukova

*Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defence of the RF,*

Moscow, Russia,

l.s.kryukova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7391-4426>

Abstract. The article deals with the formation of the linguo-social model of Russian culture as being a result of historical processes and borrowings from foreign languages into Russian occurring at that time. The author compares various stages of the development of trade and diplomatic relations of the Russian state with other nations with the periods of enrichment of the Russian language with new lexical units. The author also justifies the need to borrow this vocabulary. The article provides examples of words and expressions were borrowed from Turkic, Arabic, Greek, Latin, Polish, Ukrainian, Belarusian, German and French and became part of the Russian language. The author demonstrates how these linguistic borrowings, which have no analogues in the Russian language or replace the words that are not commonly used, acquire social and cultural significance, since they denote clothing, everyday objects, phenomena, professional and scientific terms. Thus, by being introduced themselves into all spheres of people's lives, they shape a linguo-social model of Russian culture of the VIII–XVIII centuries.

Key words: language; culture, borrowings; Russia; the Russian language; linguosocial model; historical context

В настоящее время в Российской Федерации уделяется большое внимание проблеме сохранения русского языка [О внесении изменений...; Об утверждении требований к составлению...]. Язык А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. Т. Твардовского, М. А. Шолохова и многих других выдающихся писателей отражает этапы становления российского государства, русского национального характера, традиции, историю и культуру нашей страны. Сохранить его от агрессивного и пагубного влияния западных СМИ, киноиндустрии, рекламы и социальных сетей — вот задача, которая в данный момент стоит перед руководством страны и всем обществом в целом. При этом необходимо признать, что в то же время хорошо известный нам современный русский язык во многом сформирован в результате заимствований из языков стран, так или иначе повлиявших на историю и культуру России. Цель данной работы — проследить формирование лингвосоциальной модели культуры России, проанализировать причины и особенности заимствования из европейских и азиатских языков в русский язык.

Первая половина XVI в. — это период экономического подъема в России. Прекращение набегов татар, выход из-под ордынского ига, определенная стабильность в управлении государством, обусловленная переходом власти от отца к сыну, дали возможность великому княжеству Московскому развиваться и процветать.

Развитие дипломатических и торговых отношений с соседними государствами способствовало познанию культуры, традиций и языка других народов, культурному обмену и обогащению в процессе сотрудничества, заимствованию новых необходимых терминов для обозначения непривычных предметов, реалий и явлений, отсутствовавших в русском языке.

По мнению П. А. Сорокина, культура — это некая «...совокупность, которая создана или модифицирована в результате сознательной или бессознательной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением» [Сорокин, с. 33]. Данное определение применимо и по отношению к странам и народам, населяющим соседние или близлежащие территории. Осуществляя осознанно или неосознанно свою деятельность, представители разных этносов воздействуют друг на друга, привнося в жизнь соседей новые традиции, верования, правила поведения, предметы обихода, обозначающие их термины и таким образом модифицируя их культуру.

Следует отметить, что в данной работе заимствования рассматриваются как культурологическое явление. Большой толковый словарь по культурологии дает заимствованиям следующее определение: «Культурные заимствования — это добровольное подражание одной культурой ценностям другой. Народ и культура заимствуют то, что является близким и понятным; то, что принесет какую-либо выгоду; то, что отвечает внутренним потребностям данного этноса, которые не могут удовлетворить собственные культурные артефакты и комплексы» [Кононенко].

С VII по IX в. происходит широкое распространение арабского языка, как в Средней Азии, так и в Северной Африке. А. Е. Крымский в своей славяно-русской библиографии «Источники для истории Мохамеда...» отмечает, что «первые арабизмы могли восходить к IX–X вв.» (цит. по: [Чаллюб, с. 75]).

При этом арабский язык нередко интегрировался в культуру народов, исповедующих ислам, за счет того, что государства Средней Азии, Иран, народы Кавказа и Испании перенимали культуру арабов Средних веков. Изучение Корана и овладение богатой лексикой арабского языка способствовали усилению его влияния в этих странах.

В период Аббасидов арабская терминология получила широкое распространение в Бухаре и Самарканде, который в 1868 г. вошел в состав Российской империи. Следует также отметить упоминание о славянах арабскими путешественниками Ибн Фадланом и Ибн Русте, а кроме того, возможность заимствования арабизмов в русский язык при путешествиях и паломничестве славян в Палестину.

В XVI в. жители Московской Руси интересовались вопросами религии, быта, обычаев народов, населявших Османскую империю. В конце XVII в. происходит заимствование большого количества арабских слов в русский язык из английского, немецкого, французского и других языков.

Многие арабские термины были заимствованы в русский язык в связи с изучением астрономии, медицины и математики. Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб обозначил направления заимствований, связанные с религией и деятельностью человека.

1. Термины, относящиеся к исламу:

— слова из священной книги для всех мусульман — Корана: *Аллах, Коран, мечеть* и др.;

— другая лексика, используемая последователями этой религии: *муфти, факир, хадж* и др.

2. Названия наук и научные термины дисциплин естественно-научного цикла: *химия, алгебра, альманах, алкоголь* и др.

3. Заимствования в рамках литературы, военного искусства, морских путешествий; названия животных и растений; общие названия, к которым относятся такие слова, как *эмир, газы, газель* (животное), *газель* (арабское стихотворение), *набат, визир, джихад, жираф, газават, гашиш* и др. [Чаллюб, с. 76].

При этом некоторые слова, имеющие арабское происхождение, считают пришедшими в русский язык из других языков. Так, широко распространенное в Республике Татарстан слово «казан» (котел для приготовления пищи) некоторые исследователи ошибочно относили к тюркским языкам. Однако это слово имеет арабское происхождение, как и связанное с ним слово «казна» [Там же]. Таким образом, можно сделать вывод, что арабские заимствования появлялись в русском языке опосредованно, за счет взаимодействия с представителями других культур и народов (в частности, тюркской группы), но спустя столетия прочно вошли в повседневный обиход русскоязычных жителей страны.

Появление тюркизмов (казанско-татарских, крымско-татарских и турецких слов) в русском языке впервые было зафиксировано в XV в., что обусловлено развитием дипломатических и экономических отношений с Казанским и Крымским ханствами, а также Турцией [Бурибаева, с. 100].

М. А. Бурибаева разделяет тюркские заимствования в русском языке на несколько групп в зависимости от времени их заимствования.

1. До Киевской Руси (I–VIII вв.). В связи с взаимодействием с тюркскими племенами в это время в древнерусском языке появляются устные заимствования такие, как *алтын, товар, ковер, боярин, терем, шатер, чертог, лошадь, жемчуг, салтан* и др.;

2. Во время Киевской Руси (IX–XII вв.) славянские племена имели более тесные связи с тюркскими племенными союзами (печенегам, а затем половцами), что способствовало проникновению в древнерусский язык тюркских заимствований: *богатырь, камыш, башмак, бусурман* и др.

3. После монгольского нашествия (XIII–XV вв.) из тюркских и кыпчакских диалектов, распространенных в Золотой Орде, в древнерусский язык пришло большое количество слов, обозначающих предметы одежды, оружие, административные должности и различные предметы повседневной жизни: *сарафан, кафтан, колтак, фата, сабля, атаман, хан, баскак, казначей, ямщик, курган, кирпич, деньги* и др. [Там же, с. 101–102].

4. Присоединение к Великому княжеству Московскому, а затем российскому государству Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского ханств, народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана (XVI–XIX вв.):

— в XVI в. из тюркских языков в древнерусский язык продолжают приходить слова, относящиеся к разным сферам человеческой жизни: *арбуз, кинжал, изюм, барс, булат, вор, войлок, изумруд, кушак, мечеть, чалма, штаны* и др.;

— в XVII в. русский язык пополнился заимствованиями, часть которых не пользуется популярностью в наше время («*абаса*» — персидская серебряная монета, «*ага*» — военачальник, почетный титул, «*базлук*» — род подковы с шипами для хождения по льду), а другие используются часто: *барыш, изьян, ишак, бурка* и др.;

— в XVIII в. — *казакин, киса* [Баскаков, с. 5–6].

Из-за тесных торговых контактов Киевской Руси с Византией заимствования из греческого языка проникли в язык Древней Руси до принятия христианства. После этого события они стали широко употребляться в связи с распространением христианской культуры, использованием для церковных служб старославянских книг, переведенных с греческого языка. Среди первых слов, заимствованных славянами, многие относятся к повседневной жизни: *хлеб, котел, кровать, крест* и др.

Кроме того, из греческого языка было заимствовано большое количество терминов, обозначающих определенные понятия, явления, предметы в разных областях науки, культуры и техники. Термины отличаются от общеупотребительных слов своей однозначностью, ограниченной, мотивированной специализацией значения. Греческие заимствования из терминологической лексики используются во многих областях науки и искусства (*гипотенуза, синтез, алфавит, эпиграф, ипотека, хризолит, горизонт* и др.). К ним относятся также сами названия наук (*история, философия, физика, математика* и др.) [Нарожная, Садыкова, с. 84].

Правление Петра I было периодом начала заимствований из латинского языка. В связи с активным развитием российского государства в Петровскую эпоху, увлеченностью императора культурой, наукой и образом жизни европейцев и с отсутствием соответствующих названий для определенных предметов или явлений русский язык в значительной степени обогатился терминами из научно-технической, общественной и политической сфер. В качестве языков-посредников, откуда в русский язык пришли латинские заимствования, в XVI–XVIII вв. часто выступали польский и украинский языки (*директор, школа, канцелярия, декан* и др.). Часть латинизмов являются международными терминами: *республика, конституция, революция, декларация* и др. [Там же, с. 85].

В результате принятия христианства на Руси в X в. в русском языке получили широкое распространение имена латинского и греческого происхождения. Следует отметить, что имена русских людей, «как языческие, так и христианские, были искусственными и отражали наименования обиходного языка» [Суперанская, с. 47]. Из греческого языка в русский язык были заимствованы такие имена, как Арсений — «мужественный», Анастасия — «воскресение», Василиса — «царица», Герасим — «почтенный», Платон — «широкий, широкоплечий» и др. Среди русских имен, которые пришли из латинского языка: Валентин — «здоровый, сильный», Виктор — «победитель», Марина — «морская», Регина — «правительница, царица» и др. [Латинские и римские имена].

Польское влияние на русский язык особенно возросло в XVII в., когда два государства не только часто вели военные действия друг с другом, но и активно развивали отношения в мирное время. Примером может служить открытие в Речи Посполитой первого дипломатического представительства Московского царства в 1673 г. Архив главы представительства Василия Михайловича Тяпкина содержит множество свидетельств того, как российско-польское сотрудничество отразилось на русском языке. В частности, были заимствованы такие слова, как «лесничество» (польское «*leśnictwo*» практически идентично современному значению слова «лесничество»), музыкальный термин «*цифра*», популярная у почтовых служителей лексема «*экстраординарный*» в значении «*незапланированный*» [Богатырев, с. 9–10]. По мнению польского ученого В. Витковского, в современном русском языке насчитывается более 1000 слов, пришедших в него из польского языка или через него [Witkowski]. Выпущенный в 2006 г. «Новый словарь польских заимствований в русском языке» этого автора содержит около 7500 полонизмов. Однако следует отметить, что большинство польских заимствований имеют чужеродные корни и, в свою очередь, были заимствованы из латинского, немецкого, итальянского и других языков [Ахвледзиани]. В. В. Виноградов сравнивает польский язык XVIII в. с поставщиком слов и понятий, охватывающих все сферы человеческой жизни: от науки до быта, от права до техники [Виноградов, с. 14].

В качестве посредников при заимствовании из европейских и тюркских языков в русский язык выступали также белорусский и украинский языки. Мода на белорусские слова в русском языке появилась во время правления Московским царством Елены Глинской, представительницы известного дворянского белорусского рода Глинских, жены князя Василия III и матери Ивана Грозного. В дальнейшем, при следующих правителях, эта тенденция продолжилась. В связи с этим в русском языке присутствует большое количество белорусских заимствований, употребляющихся наравне с русскими словами. Так, например, белорусское слово «*рукавицы*» используется практически так же часто, как и русское «*варежки*». Кроме того, из белорусского языка были заимствованы другие широко распространенные и привычные для русских слова: *кувалда*, *трезвон*, *медведь* и др.

Многие польские и тюркские слова появились в русском языке благодаря украинскому языку, выступившему в качестве посредника. Среди них — обозначения еды (*брюква*, *пампушка*, *кавун* и др.), предметов (*бандура*, *шлях*, *шаровары*) и людей в зависимости от их рода деятельности (*пан*, *шайка*, *маляр*). Большое количество новых слов вошло в русский язык непосредственно из украинского языка: *люлька*, *хутор*, *бублик*, *переполох* и т. д. [Ахвледзиани, с. 11].

В упомянутый выше период правления Петра I возникла необходимость в создании флота, промышленности и современной армии. Это заставило русского царя приглашать из Европы ученых, специалистов в разных областях знаний, а также отправлять туда для обучения наукам молодых представителей дворянских фамилий. Благодаря такому тесному сотрудничеству между странами в русский язык было заимствовано большое количество терминов из немецкого, французского и других европейских языков. Заимствования из немецкого языка

включают военные и медицинские термины (*плац, ефрейтор, офицер, шприц, шрам* и др.), названия профессий и относящихся к ним приспособлений (*бургомистр, почтальон, мольберт, кран* и др.), животных, растений, предметов одежды (*пудель, крендель, картофель, рейтузы, китель* и др.) [Стокрацкая, с. 226–227].

В этот период и после правления Петра I русский язык обогатился большим количеством французских слов и фразеологизмов. Основной причиной этого явления стало расширение деловых и культурных связей между странами после того, как Петр «прорубил окно в Европу». Во время правления Петра I Россия превратилась в крупную морскую державу [Мурия, Мартемьянова, Конюхова] и через Балтийское море наладила непосредственные деловые и торговые контакты со странами Западной Европы, в том числе и с Францией. Из французского языка в русский язык были заимствованы технические, политические и военные термины [Французские заимствования...], которые так прочно вошли в наш обиход, что воспринимаются многими как исконно русские: *атака, артиллерия, батальон, генерал, капитан, парламент, партизан, пистолет* и многие другие. Кроме того, среди представителей высшего сословия стали часто употребляться французские слова и выражения для обозначения предметов и явлений повседневной жизни: *bonjour* (добрый день, здравствуйте), *merci* (спасибо), *le professeur* (преподаватель, профессор) и др. [Сидакова, с. 97].

Следует отметить, что «при широком понимании культуры такие области человеческой практики, как наука, образование, экономика, философия, искусство, литература, политика, выступают уже не частными областями деятельности людей, включенными в систему отношений разного уровня» [Астафьева], а являются неотъемлемыми составляющими культуры, так как человечество создает их для своего самосознания и совершенствования. Таким образом, для культуры, являющейся самоорганизующейся системой и обладающей мощным интегративным потенциалом для социума, характерны безграничные возможности. Язык, представляющий собой в одно и то же время часть и отражение культуры, обладает схожими с ней свойствами.

Заимствования из иностранных языков в русский язык осуществлялись в разные исторические периоды, когда происходило сближение нашей страны с зарубежными государствами в торговой, дипломатической, военной, научной и культурной сфере. Заимствованные слова и термины использовались для обозначения предметов, явлений, реалий повседневной жизни, для которых не было аналогов в русском языке или они были редко употребляемыми. Постепенно входя в обиход и охватывая все стороны жизни людей, новые слова и выражения приобретали важное социальное и культурное значение. Год за годом, десятилетие за десятилетием они оставляли свой след в истории страны и людей, меняли их знания, традиции, менталитет и тем самым формировали лингвосоциальную модель культуры России.

Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (лекции 1–3) // Культурол. журн. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaia-politika-teoreticheskoe-ponyatie-i-upravlencheskaya-deyatelnost-lektsii-1-3> (дата обращения: 21.12.2023).

Ахведиани М. О славянских заимствованиях в русском языке // Sciences of Europe. 2020. № 60-3. С. 9–12.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. 207 с.

Богатырев А. В. И вновь о польском влиянии на язык Московской Руси // Вестн. славян. культур. 2019. № 1. С. 8–14.

Бурибаева М. А. Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестн. ИГЛУ. 2013. № 1 (22). С. 99–105.

Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопр. языкознания. 1956. № 1. С. 3–25.

Конюченко Б. И. Культурные заимствования // Большой толковый словарь по культурологии. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1791/Культурные (дата обращения: 05.01.2024).

Латинские и римские имена // my-calend.ru : сайт. URL: <https://my-calend.ru/names/latin> (дата обращения: 20.12.2023).

Мурия М. Р., Мартемьянова Е. В., Конюхова Е. В. Французские заимствования в русском языке // Юный ученый. 2017. № 3. С. 112–114.

Нарожная В. Д., Садькова Л. Греко-латинские заимствования в русском языке // Вестн. Моск. междунар. акад. 2011. № 1. С. 83–87.

О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: федер. закон от 28.02.2023 г. № 52-ФЗ URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz52-site-dok.html> (дата обращения: 23.12.2023).

Об утверждении требований к составлению и периодичности издания нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ: постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.2023 г. № 1054. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307030038> (дата обращения: 25.12.2023).

Сидакова Н. В. О роли франкоязычных заимствований в лексикологической системе русского языка // БГЖ. 2018. № 2 (23). С. 96–100.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. 1175 с.

Стокрацкая Л. С. Немецкие заимствования XVIII–XX веков в русском языке // Зап. Горн. ин-та. 2008. № 1. С. 226–227. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-zaimstvovaniya-xviii-xx-vekov-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 22.12.2023).

Суперанская А. В. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962. 48 с.

Французские заимствования в лексике русского языка // hintfox.com : сайт. URL: <http://www.hintfox.com/article/frantsyjskie-zaimstvovaniya-v-leksike-rysskogo-jazika.html> (дата обращения: 20.12.2023)..2023

Чаллюб Аль-Кадими Махмуд Гази. Арабские заимствования в русском языке // Вестн. ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 75–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskie-zaimstvovaniya-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 23.12.2023).

Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim (*Витковский В.* Новый словарь польских заимствований в русском языке). Kraków, 2006. 249 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024 г.

Научная статья

УДК 379.85:338.48 + 94:159.953 + 316.346.36:159.953 + 316.74 + 130.2

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.033

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ DARK-ТУРИЗМА КАК ФАКТОРА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Екатерина Дмитриевна Бугрова

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

ekaterina.bugrova@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9304-1327>

А н н о т а ц и я. Объект исследования в статье — особенности dark-туризма как фактора сохранения культурно-исторической памяти. Его истоки как социокультурного явления некоторые исследователи видят в традициях средневекового паломничества, в ходе которого пилигримы нередко посещали места гибели мучеников веры. Рост интереса к «местам памяти» (руинированным городам, историческим кладбищам, могилам знаменитых людей и т. п.) наблюдается в середине XIX в., когда появляются первые туристические путеводители. А изучение dark-туризма на рубеже XX–XXI вв. обусловлено «мемориальным бумом» — ростом внимания исследователей к новому направлению в гуманитаристике эпохи глобализации — «memory studies». Наша цель — рассмотреть вопросы истории и практики dark-туризма в контексте современного культурологического знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: массовый туризм; парадигмы памяти; «memory studies»; dark-туризм; культурная память; места памяти; национальная идентичность

ISSUES OF STUDYING DARK TOURISM AS A FACTOR IN PRESERVING CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY

Ekaterina D. Bugrova

Ural Federal University,

Ekaterinburg, Russia,

ekaterina.bugrova@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9304-1327>

A b s t r a c t. The object of study is related to the features of dark tourism as a factor of preserving cultural and historical memory. Some researchers see its origins that appear to be sociocultural phenomenon in the traditions of medieval pilgrimage, during which pilgrims often visited the places of martyrs' death. A growing interest towards the "sites of memory" (ruined cities, historical cemeteries, graves of famous people, etc.)

© Бугрова Е. Д., 2024

was observed in the mid–19th century, when the first guidebooks appeared. And the study of dark tourism at the turn of the 20th–21st centuries is due to the “memory boom” – increased attention of researchers to a new direction in the humanities of the era of globalization – “memory studies”. The purpose of the article is to consider the history and practices of dark tourism in the context of modern cultural knowledge.

Key words: mass tourism; memory paradigms; memory studies; dark tourism; cultural memory; places of memory; national identity

Введение

Внимание исследователей в последние десятилетия привлекает концепт «парадигмы памяти», который является основополагающим в системе «мемориальных исследований» – актуальных направлений современного гуманитарного знания. Появившись в западной науке в 1980-е гг., это направление, обозначенное англоязычным термином «memory studies», в России набирает силу уже в XXI в. Благодаря концентрации на аспекте «культурной памяти» (а не физиологической памяти человека) оно объединило представителей разных гуманитарных наук: культурологов и социологов, историков и филологов, психологов и политологов.

В отечественной гуманитаристике, в том числе в культурологии, понятийное пространство «парадигмы памяти» включает в себя такие термины, как «культурная память», «социальная память», «коллективная память». При этом все три понятия так или иначе связаны с формированием национальной идентичности. Вместе с тем, по мнению К. Э. Разлогова, «на общую идентичность (= ментальность), сохраняющую память веков и поколений, накладывается сетка современной городской цивилизации и процессов глобализации, стирающих грани между народами, и диверсификации, генерирующей новые границы между различными сообществами и соответственно идентичностями» [Культурная память, с. 15].

В связи с этим в современных направлениях «memory studies» большое значение приобретает культурно-исторический контекст, диалогический подход, семиотика; не случайно в последние десятилетия актуализируются теоретические труды Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, Ю. М. Лотмана и др.

В целом формирование социально-культурного подхода к феномену памяти, как отмечает А. Г. Васильев, «происходит сегодня в процессе поиска оптимальной концепции, позволяющей избежать крайностей социального атомизма (индивидуализма), с одной стороны, и социального детерминизма, с другой» [Там же, с. 31]. Наиболее оптимальной перспективой является коммуникативный подход к изучению коллективной памяти, использующий достижения медиакультуры и теории коммуникации.

Становление dark-туризма как нишевого направления

Активное развитие массового туризма во второй половине XX в. привело к необходимости научного осмысления причин, которые заставляют людей

отправиться в путь. Основным мотивом путешествий в эпоху глобализации исследователи называют стремление получить уникальные опыт и впечатления, исходя из индивидуальных предпочтений и потребностей туриста. По определению З. Баумана, современный турист — это тот, кто сознательно и систематически ищет новые, отличные от привычного переживания, зачастую необычные, но при этом исключительно безопасные. В путешествии пространство представляется как в высшей степени эстетизированное, а окружающий мир существует лишь с целью волновать, радовать и развлекать туриста [Bauman, p. 18–36]. В связи с этим в последние десятилетия количество объектов, воспринимаемых как туристские аттракции, постоянно растет. Дж. Урри утверждает, что глобализация привела к значительным изменениям в восприятии туристами окружающего мира: сегодня «территория повседневной жизни перестраивается под “туристские” образцы», а «“туристическая рефлексия”... ведет к тому, что практически каждое место получает шанс занять свою нишу» [Урри, с. 147].

Подобные локации начинают восприниматься туристами как символы чужой истории и культуры, становятся более пластичными, вбирают в себя элементы локальной идентичности, активно продвигаемые различными средствами массовой информации [Groebner, p. 422–428]. Таким образом, индустрия туризма создает своего рода гиперреальность с аттракциями-симулякрами, наполненными образами, знаками и смыслами, позволяющими получить уникальный эмоциональный опыт [Мошняга, с. 18–19], основным же инструментом продвижения и трансляции такой гиперреальности выступают самые разные медиа. Разнообразие информации и возможность получить в поездке яркие, необычные впечатления приводят к диверсификации туристского продукта и возникновению нишевых видов туризма, для которых, помимо отдыха, важную роль играет особая мотивация туриста, которая может быть связана с определенными увлечениями и интересами путешественника, влиянием медиаперсон-трендсеттеров и т. д.

Среди наиболее популярных направлений нишевого туризма выделяются гастрономический, приключенческий, событийный, круизный, горнолыжный, кино- и фототуризм и др. [Малетин, с. 220]. Одним из самых необычных нишевых видов туризма является dark-туризм. Говоря о том, что «глобальный хищный туризм» включает в свою сеть «самые неожиданные направления», Дж. Урри приводит в пример такие объекты, как «Титаник», бывшие нацистские концентрационные лагеря Дахау и Аушвиц-Биркенау, тюремные комплексы Чанги и Роббенэйленд, Перл-Харбор и Сараево [Урри, с. 137].

Несмотря на то, что научное осмысление dark-туризма, как и самого научного направления «memory studies», пришлось на рубеж XX–XXI вв., этот феномен связан не только с эпохой глобализации и ростом массового туризма. Некоторые исследователи видят истоки dark-туризма в Средневековье, проводя параллели с паломничествами, в ходе которых пилигримы нередко посещали места гибели священномучеников [Seaton, p. 527]. Известно, что в конце XVIII в. участники знаменитого Гран-тура стремились побывать в Помпеях, а во второй половине XIX в. этот руинированный город пережил настоящий туристический бум — как

популяризированное через художественную культуру (живопись, литература) и туристические путеводители место памяти и философских размышлений о трагедии и смерти [Covacs]. Такое восприятие разрушенных Помпей транслируют, к примеру, известные писатели — Чарльз Диккенс [Диккенс, с. 524] и Марк Твен [Твен, с. 286, 288, 292].

Появившиеся в середине XIX в. путеводители современного формата также включали в качестве мест, рекомендованных для посещения туристами, известные кладбища в крупных городах, в частности, в путеводителе Бедекера по Парижу и его окрестностям (1874) описание кладбища Пер-Лашез и его знаменитых могил занимает более 15 страниц [Матич, с. 7].

В поле зрения исследователей dark-туризм попал в последнее десятилетие XX в. В 1993 г. К. Роджек в своей книге «Пути побега: современные трансформации в сфере отдыха и путешествий» ввел термин «черные места» (“black spots”) для обозначения одной из четырех метатем, связанных с развитием туристских территорий в эпоху постмодернизма, — наряду с объектами наследия (“heritage sites”), литературными пейзажами (“literary landscapes”) и тематическими парками (“theme parks”). «Черные места» Роджек определил как места «коммерческого освоения могил и мест, где знаменитости или большое количество людей встретили внезапную и насильственную смерть», в качестве примеров были названы Поля смерти в Камбодже, Аушвиц (Польша), мост через реку Квай (Таиланд), места смерти Э. Пресли и Дж. Дина в США [Rojek, p. 136]. В 1996 г. вышла основополагающая статья М. Фоли и Дж. Дж. Леннона «Джон Кеннеди и dark-туризм: очарование убийством», в которой впервые было введено понятие «dark tourism», со временем ставшее зонтичным термином, включающим в себя самые разные виды этого направления. В отечественных исследованиях наиболее распространены такие варианты, как «мрачный туризм» [Велединский], «туризм специальных интересов» [Малетин], «темный туризм» [Рыбакова], «туризм впечатлений» [Малафий и др.], однако при этом отмечается сложность точного перевода этого словосочетания на русский язык, поэтому в данной статье мы используем оригинальную версию термина — dark-туризм. Фоли и Леннон определили dark-туризм как «представление и потребление (посетителями) реальных и коммерциализированных мест смерти и катастроф» [Foley, Lennon, p. 198], которые совершаются из желания увидеть реальность, скрывающуюся за изображениями в СМИ, и/или из-за личных переживаний, связанных с проявлениями жестокости. Авторы также отметили, что этот вид туризма предстает как некое «перепутье недавней истории бесчеловечных действий и их репрезентации в новостях и кинематографических медиа», а основное внимание в этой области уделяется интерпретации таких событий для их дальнейшей коммодификации [Ibid.].

В 2006 г. опубликована ключевая статья Ф. Стоуна, описывающая спектр dark-туризма в соответствии с видами туристического продукта в рамках этого направления. По мнению Стоуна, шкала спектра включает в себя «оттенки» dark-туризма — от «светлейшего» (“lightest”) до «темнейшего» (“darkest”). «Темнейшие» объекты, по Стоуну, представлены «местами смерти и страдания»,

в контексте туристской индустрии эти объекты обладают следующими характеристиками: ориентированность на образовательную деятельность, историкоцентричность, консервация и коммеморация, аутентичность локации и слабо развитая туристическая инфраструктура, а также высокий уровень идеологического влияния, связь с относительно недавними событиями. «Светлейшие» объекты, в свою очередь, — это объекты, «ассоциирующиеся со смертью и страданиями», для которых характерны ориентированность на развлечения, наследиецентричность, романтизация и коммерциализация, неаутентичность локации, хорошо развитая туристическая инфраструктура, низкий уровень влияния идеологии, а также высокая степень временной отдаленности от настоящего. В соответствии со шкалой Стоун выделяет семь видов продуктов dark-туризма в порядке от «светлейших» к «темнейшим»: *парки развлечений* (сюда относятся такие объекты, как иммерсивный музей «Подземелья Лондона»), *выставки* (в качестве примера Стоун приводит Катакомбы капуцинов в Палермо), *подземелья* (они включают различные музеефицированные тюрьмы), *последние пристанища* (представлены кладбищами), *святнища* — мемориалы, связанные с трагическими событиями в мирное время (например, Национальный мемориал и музей в память даты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке), *места конфликтов* (мемориалы военного времени и места сражений) и *лагеря геноцида* (музеефицированные места геноцида, например, Государственный музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме) [Stone, p. 151–157].

Несмотря на свою неоднозначность, спектр Стоуна получил широкое распространение среди исследователей «memory studies» и dark-туризма, позволив перейти в практическую плоскость, классифицировать объекты и оценить потенциал изучения этих направлений на конкретных территориях. Важной стала задача — правильно встроить трагические страницы истории разных стран в поле международной индустрии туризма, обосновать возможность превращения специфических объектов в туристические аттракции и места «культурной памяти». Знаковой в связи с этим стала статья Д. Лайта «Прогресс в исследованиях dark-туризма и танатотуризма: непростые отношения с историко-культурным туризмом», обобщающая итоги исследований в области dark-туризма за два десятилетия. На материале более 130 публикаций, вышедших в рецензируемых изданиях с 1996 по 2016 г., Лайт демонстрирует, как меняются подходы к изучению феномена: на рубеже веков подробно рассматриваются вопросы связи dark-туризма и постмодернизма, коммодификации объектов и этичности этого направления. В 2010-х фокус смещается в сторону исследования роли dark-туризма в контексте «коллективной памяти» и «идентичности», эмоциональной составляющей подобных поездок и приобретаемого туристами опыта [Light, p. 277]. Вывод, к которому приходит Лайт, в целом очевиден — dark-туризм и историко-культурный туризм достаточно трудно разграничить, а создание единой модели развития dark-туризма невозможно ввиду различий в отношениях к смерти в разных культурах и восприятия исторических событий в разных сообществах [Ibid., p. 296].

Следовательно, можно заключить, что сегодня термином «dark-туризм» обозначает любую форму туризма, касающуюся посещения объектов, история

которых так или иначе связана со смертью, трагедиями, страданиями или преступлениями. Это позволяет изучать и наиболее распространенные виды dark-туризма, такие как «некропольный», «тюремный», «военный», «мистический» или относящийся к «истории геноцида», и специфические виды, характерные для конкретных территорий: например, туризм, связанный с историей рабства (“slavery tourism”), развивающийся не только в США, но и в Гане [Holsey], или так называемый «Дракула-туризм» в Румынии, который, с одной стороны, основывается на исторических фактах и локальном фольклоре, с другой стороны, подвержен сильному влиянию глобальной массовой культуры [Novi].

Dark-туризм в контексте культурно-исторической памяти

В истории существуют события, которые не забываются, но память о которых со временем меняется, поэтому столь важно заниматься вопросами формирования и межпоколенческой трансляции культурной и исторической памяти. Сегодня влияние сферы новых медиа на механизмы коммеморации растет, и, соответственно, начинает доминировать социальная форма знаний, для которой основными каналами получения информации о прошлом становятся разнообразные массмедиа, а роль историков-профессионалов и специализированных каналов коммуникации в формировании коллективной памяти снижается [Ходнев]. В таком контексте историко-культурный туризм и связанный с ним dark-туризм становятся важным инструментом трансляции местной культурной и исторической памяти. Кроме того, для внутренних туристов данные виды представляют собой один из факторов, объединяющих общество и укрепляющих межпоколенческие связи, а для въезжающих туристов — дают возможность получить более полное и эмоционально окрашенное представление о локальном прошлом.

А. Ассман пишет о том, что «часть культурной памяти недвижима и не может быть перемещена, будучи привязана к конкретным топографическим координатам, следовательно, прикоснуться к ней можно, лишь совершив путешествие» [Ассман, с. 237]. В качестве основных мест памяти Ассман называет мемориалы и травматические места. Последние обладают особым эмоциональным воздействием, исторически многослойны, одновременно «аутентичны и инсценированы» (консервация и музеефикация со временем приводит к потере аутентичности), а также, в отличие от мемориалов, не поддаются однозначному символическому оформлению, позволяя разным категориям посетителей воспринимать место по-своему [Там же, с. 241–246]. О. В. Головашина отмечает, что в рамках современного массового туризма «прошлое становится товаром», превращаясь в «индустрию памяти», где локальное общество представляется своего рода «экспонатом», а местная культура трансформируется в «сувениры». При этом посещение достопримечательностей воспринимается как развлечение, а не как способ получить исторический опыт [Головашина, с. 42–43].

Однако dark-туризм ввиду своей специфики меньше подвергается «диснейфикации», а случаи чрезмерной коммерциализации отдельных направлений нередко

вызывают резонанс и негативную реакцию со стороны не только локального, но и глобального сообщества. В качестве примера можно назвать так и не воплощенную идею Министерства туризма Румынии по строительству в Трансильвании тематического парка развлечений, связанного с образом Дракулы. Проект обсуждался на протяжении нескольких лет, но всегда подвергался общественной критике — концепция воспринималась как искажающая историю и даже оскорбительная, поскольку в первую очередь основывалась на представлениях массовой культуры, а не реальных фактах и местных легендах [Jamal, Tanase]. Таким образом, можно заключить, что для многих направлений dark-туризма функция сохранения памяти более значима, чем развлекательная. Тем не менее Ю. В. Сливкова указывает, что объединение мемориального и рекреационного элементов способствует сохранению памяти о трагических событиях, а экскурсионная деятельность на объектах dark-туризма выступает в качестве эффективного способа трансляции исторической оценки прошлого [Сливкова, с. 179].

Важно отметить, что многие трагические события касались большого числа людей и сохраняются как элемент не только общей истории, но и истории частной, семейной. В таком ключе О. Матич описывает кладбища — как «место личной и исторической памяти, восстанавливающее в нашем сознании тех, кто умер и кого мы знали лично, и тех, которых мы знаем по старой и новой истории» [Матич, с. 24]. Возможность такого смешения повышает у туристов, посещающих объекты dark-туризма, уровень сопереживания и эмоционального отклика, понимания происходившего и его влияния на настоящее. Утрата же подобных объектов может привести к забвению — событий, людей, уникальных культурных символов. Ю. В. Рябинин указывает на проблему заброшенности и угрозы исчезновения культурно значимых могил и захоронений, что негативно скажется на памяти об исторических событиях [Рябинин, с. 531–533].

В таком контексте dark-туризм становится своеобразной практикой коммеморации: обращение к трагическим событиям прошлого, их представление широкой аудитории посредством музеев и музеефицированных пространств способствуют проработке травмирующего опыта и распространению исторического знания [Беззубова, с. 84]. Объекты dark-туризма выступают в качестве медиаторов между прошлым и настоящим и играют немаловажную роль в формировании и национальной, и локальной идентичности. Посещение таких объектов помогает въездным туристам лучше понять местную историю и культуру, а внутренним — не забывать сложные моменты своей истории, осознавать себя носителями определенных культурных кодов.

Выводы

На первый взгляд dark-туризм кажется неким маргинальным направлением туризма эпохи глобализации, превращающим трагические события в развлекательный «продукт», однако исследования данного феномена доказывают, что это далеко не так. Dark-туризм наиболее близок историко-культурному

туризму и играет важную роль в разработке культурной политики в отношении «мест памяти». Развитие dark-туризма позволяет создавать нарративы, соответствующие местному восприятию тех или иных событий, укреплять локальную идентичность, транслировать их на широкую аудиторию. В современном обществе, во многом формируемом самыми разными медиа, соприкосновение с аутентичным местом, сохранившим память о смерти, несущим на себе печать скорби, позволяет путешественникам, с одной стороны, прочувствовать прошлое, с другой — ощутить себя в настоящем и, возможно, примириться с неизбежным будущим. Dark-туризм — то направление туризма, где развлекательная, рекреационная функция заметно уступает познавательной, где необычайно важны коммеморативные практики. Даже связанные со столь коммодифицированными темами, как, например, крушение «Титаника», объекты в первую очередь стремятся погрузить посетителей в конкретную историческую эпоху и вызвать искреннее сочувствие к жертвам.

Объекты dark-туризма универсальны в контексте эмоционального восприятия событий, о которых они рассказывают, но в то же время неотделимы от идентичности, культуры того сообщества, чью память они хранят.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2018. 328 с.

Беззубова О. В. Музей и политика памяти // *Международ. журн. исслед. культуры.* 2016. № 3 (24). С. 76–84.

Велединский В. Г. Мрачный туризм. Вздорная прихоть или потребность души // *Устойчивое развитие туризма и модернизация экономики России : материалы IV Международ. науч.-практ. конф. 6 сент. 2011 г. Улан-Удэ, 2011.* С. 56–60.

Головашина О. В. Человек путешествующий: прошлое как символический ресурс и идентификационные риски // *Философия и культура.* 2018. № 5 (125). С. 39–45.

Диккенс Ч. Картины Италии // *Собр. соч. : в 30 т. М., 1958.* Т. 9. С. 309–526.

Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : монография / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М., 2012. 168 с.

Малафий А. С., Фатуева А. А., Промыслова К. С. Туризм впечатлений: ресурсы и перспективы развития в Тульской области // *Современные проблемы сервиса и туризма.* 2019. Т. 13, № 2. С. 101–111.

Малетин С. С. Туризм специальных интересов: концептуальные подходы исследования // *Вестн. НГУЭУ.* 2014. № 4. С. 218–225.

Матич О. Музеи смерти: парижские и московские кладбища. М., 2021. 280 с.

Мошняга Е. В. Развитие туризма в эпоху постмодернизма // *Вестн. РМАТ.* 2014. № 2. С. 15–20.

Рыбакова Е. В. Темный туризм в России: современное состояние, проблемы изучения // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии.* 2013. № 3 (17). С. 180–187.

Рябинин Ю. В. История московских кладбищ. Под кровом вечной тишины. М., 2016. 624 с.

Сливкова Ю. В. «Трудное» наследие пенитенциарной системы: анализ экскурсии в Тобольский тюремный замок // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4. С. 175–180.

Твен М. Простак за границей, или Путь новых паломников. М., 2012. 582 с.

Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: Современные западные исследования. М., 2005. С. 136–150.

Ходнев А. С. Культура памяти и публичная история // Ярослав. пед. вестн. 2015. № 6. С. 218–221.

Vauman Z. From Pilgrim to Tourist — or a Short History of Identity // Questions of Cultural Identity / eds. S. Hall, P. du Gay. L., 1996. P. 18–36.

Sovacs S. L. Pompeii and its material reproductions: the rise of a tourist site in the nineteenth century // Journal of Tourism History. 2013. Vol. 5, № 1. P. 25–49.

Foley M., Lennon J. J. JFK and dark tourism: A fascination with assassination // International Journal of Heritage Studies. 1996. Vol. 2, iss. 4. P. 198–211.

Groebner V. Touristischer Geschichtsgebrauch. Über einige Merkmale neuer Vergangenheiten im 20. und 21. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 2013. № 296 (2). P. 408–428.

Holsey B. Slavery Tourism: Representing a Difficult History in Ghana // The Oxford Handbook of Public History / P. Hamilton and J. B. Gardner (eds.). Oxford, 2017.

Hovi T. Dracula Tourism, Folklore and Cultural Heritage // Traditiones. 2011. Vol. 40, № 3. P. 75–86.

Jamal T., Tanase A. Impacts and Conflicts Surrounding Dracula Park, Romania: The Role of Sustainable Tourism Principles // Journal of Sustainable Tourism. 2005. Vol. 13, № 5. P. 440–455.

Light D. Progress in dark tourism and thanatourism research: An uneasy relationship with heritage tourism // Tourism Management. 2017. № 61. P. 275–301.

Rojek Ch. Ways of Escape: Modern Transformations in Leisure and Travel. L., 1993. 251 p.

Seaton A. Thanatourism and its discontents: An appraisal of a decade's work with some future issues and directions // The SAGE handbook of tourism studies / T. Jamal and M. Robinson (eds.). L., 2009. P. 521–542.

Stone P. R. A dark tourism spectrum: Towards a typology of death and macabre related tourist sites, attractions and exhibitions // Tourism. 2006. Vol. 54, № 2. P. 145–160.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024 г.

Научная статья

УДК 316.35:004.77(510) + 316.346.32-053.6 + 316.723-053.6(510) + 159.9

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.034

КАРНАВАЛ И ОДИНОЧЕСТВО: ВОПЛОЩЕНИЕ ЭМОЦИЙ В КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ИНТЕРНЕТ-СУБКУЛЬТУРЕ (на основе культуры Даньму)

Чжан Хайчао

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
1836393357@qq.com*

А н н о т а ц и я. Культура Даньму — уникальное явление молодежной интернет-субкультуры в Китае. На основе теории «партиципаторной культуры» Дженкинса и культуры Даньму (сайт Bilibili) в статье исследуются причины активного участия китайских молодежных групп в культуре Даньму и анализируется воплощение эмоций в китайской молодежной интернет-субкультуре. Утверждается, что развитие интернет-технологий позволило молодому поколению получить возможность активно участвовать в обсуждении социокультурных феноменов в сети, этот акт обсуждения выражает эмоции в форме Даньму с сильным карнавальным окрасом. Однако под маской кажущейся карнавальной атмосферы скрывается реальное одиночество молодежи. Эта эмоция тесно связана с виртуальной и анонимной природой сетевой среды, но она также неотделима от социального контекста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: карнавал; одиночество; молодежная интернет-субкультура; эмоции; культура Даньму; сайт Bilibili; партиципаторная культура

CARNIVAL AND LONELINESS: EMBODIMENT OF EMOTION IN CHINESE YOUTH INTERNET SUBCULTURE (Based on Danmu Culture)

Zhang Haichao

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
1836393357@qq.com*

Abstract. Based on Jenkins' theory of "participatory culture" and Danmu culture (Bilibili website), the paper explores the reasons for Chinese youth groups' active participation in Danmu culture and analyses the embodiment of emotions in Chinese youth internet subculture. It is argued that the development of Internet technologies enabled the young generation to have an opportunity to actively participate

© Чжан Хайчао, 2024

in the discussion of socio-cultural phenomena online. This act of discussion expresses emotions in the form of Danmu with a strong carnivalesque colouring. However, beneath the mask of the apparent carnival atmosphere lies the real loneliness of youth. These emotions are closely related to the virtual and anonymous nature of the online environment, but they are inseparable from the social context.

К e y w o r d s: Carnival; loneliness; youth internet subculture; emotions; Danmu culture; Bilibili website; participatory culture

Введение

«Эмоции — это субъективные отношения и переживания, которые возникают у людей в процессе понимания мира и его преобразования, исходя из степени удовлетворения собственных внутренних потребностей» [Чжао Жэньцин, Хуан Чжибинь, с. 49]. Молодые люди — это резервная сила нации и страны в целом, и от их эмоционального самовыражения зависит развитие общества. Молодое поколение — поколение аборигенов интернета стало ярким групповым феноменом, который значительно отличается от традиционных социальных групп: последние в основном опираются на такие факторы, как происхождение и география, а первые формируют различные субкультурные группы в киберпространстве на основе общих интересов, и группы Даньму — одни из типичных.

Современные исследования культуры Даньму в основном сосредоточены на типах, характеристиках, существующих проблемах и позитивных моментах этого направления. Например, Чжан Чжихуа и другие исследователи классифицировали Даньму как мнения, выраженные в ответ на изображение или видео о фанатах, о науках и их популяризации, о переводах, сюжетах, символах, о случайных оскорблениях, и сделали вывод, что для Даньму характерны интерактивность, непосредственность, направленность на конкретную тему, фрагментарность и виртуальная синхронность [Чжан Чжихуа, Лю Илунь, Цзэн Чжи]. По мнению Янь Мэйтин, основными проблемами культуры Даньму являются вульгаризация и уход от действительности [Янь Мэйтин]. Анализируя логику, причины и значение возникновения культуры Даньму, Ло Хунцзе предлагает, чтобы ее дальнейшее развитие осуществлялось с помощью научного руководства, разумного и многостороннего сотрудничества [Ло Хунцзе]. Есть ученые, которые исследуют стили Даньму. Чжао Сюе считает, что стили Даньму — это функциональные варианты универсального языка, адаптированные к коммуникативным потребностям людей, а также новый стиль онлайн-комментариев, порожденный сетевыми технологиями. Он предлагает рассматривать их как характеристики разговорного стиля, комментирования и унимодальности [Чжао Сюе].

Наше исследование посвящено изучению эмоций в китайской молодежной интернет-субкультуре, встроенной в культуру Даньму. Чжао Жэньцин считает, что молодые люди в контексте сетевой круговой жизни, с одной стороны, испытывают эмоции одиночества, с другой — карнавала [Чжао Жэньцин, Хуан Чжибинь]. Цзэн Иго проанализировал эмоциональные потребности и ценностные запросы

молодежных групп, исходя из роли Даньму [Цзэн Иго]. Линь Бинь и Ло Цзин считают, что эмоциональный ландшафт, создаваемый молодежными группами в интернете, по сути, представляет собой «одинокое удовольствие» [Линь Бинь, Ло Цзин]. Недостаток внимания исследователей к эмоциональным аспектам молодежной группы, стоящей за культурой Даньму, определяет инновационность нашей работы. «В эмоциональной интернет-коммуникации нет символа без референции и нет референции без символа; символ является носителем эмоциональной передачи и презентации эмоциональных коннотаций» [Там же, с. 16]. Наше исследование эмоций, отраженных в Даньму, вносит свой вклад в понимание молодежных настроений, воплощенных в этом социокультурном феномене.

Методы

В книге «Текстовые браконьеры: фанаты телевидения и партиципаторная культура» американский ученый Генри Дженкинс описывает, как некоторые зрители в эпоху телевизионной культуры участвуют в воспроизведении содержания телепрограмм, комментируя, переписывая и присваивая его, — этот культурный феномен он называет «партиципаторной культурой». В условиях глобализации и рутинизации интернета партиципаторная культура тесно связана с медиатехнологиями, а технологический прогресс позволил обычным гражданам участвовать в комментировании, присвоении, пародировании, создании коллажей и перераспределении медиаконтента, превращая традиционных потребителей медиа в медиапроизводителей и создателей конвергентной культуры. Уникальность партиципаторных Даньму проявляется во вторичном создании видео зрителями, которые усиливают, деконструируют или пародируют смысл оригинального видео. Зрители публикуют свои мысли на экране во время просмотра видео с помощью комментариев Даньму в режиме реального времени — процесс, в котором противоположные роли производителя и потребителя сливаются воедино, а изначально закрытая информация становится бесконечно открытой, чтобы каждый мог участвовать в распространении смысла в видеоинформации.

Основываясь на теории «партиципаторной культуры» Дженкинса, мы исследуем причины, по которым китайские молодежные группы активно участвуют в культуре Даньму, и анализируем эмоциональное воплощение китайской молодежной интернет-субкультуры. Материалом для нашего исследования послужили комментарии Даньму на сайте Bilibili, а также результаты других исследователей. Тексты Даньму были тщательно отобраны, обобщены и проанализированы. Кроме того, был осуществлен анализ социальной среды бытования текстов Даньму.

Результаты

Понятие «弹幕» (Даньму), заимствованное интернетом из военной терминологии, относится именно к интерактивной форме просмотра, при которой зрители

делают мгновенные комментарии в виде текста во время просмотра видео онлайн, и большое количество комментариев отображается на экране одновременно. Эффект похож на «заградительный огонь» (по-китайски он по-прежнему произносится как «даньму»), когда комментарии, набранные разными шрифтами и цветами, плывут по экрану в унисон. Будучи зарождающимся типом молодежной интернет-субкультуры, движимым интернет-технологиями и выражающимся в форме видеокomentarиев, культура Даньму постепенно увеличивает свое влияние. На данный момент для китайской молодежи стало обычной культурной практикой выражать свое мнение в прямых видеотрансляциях, веб-драмах и эстрадных шоу.

Даньму появились в Японии на сайте Niconico и отаку (おたく /Otaku), которые любят культуру АКИ¹, стали движущей силой роста их популярности. В 2008 г. эта функция была освоена и в Китае, в последующие годы крупные китайские видеосайты один за другим запускали системы обслуживания Даньму, а с развитием индустрии прямых трансляций в 2015 г. они стали появляться вместе с изображениями прямых трансляций и превратились в основной канал обмена информацией между распространителем видео и зрителем. «Сегодня развитие видеороликов Даньму на всех основных медиаплатформах идет полным ходом, и они стали незаменимой формой реализации двусторонней передачи информации» [Чжао Чжэньху, Чжао Тянь, с. 90]. Для большинства молодых людей в современном обществе Даньму стал «необходимостью». Согласно данным анкеты для молодежи, в Китае на конец 2020 г. 1976 (61,34 %) респондентов, просматривающих видеоконтент, часто выбирали Даньму, некоторые респонденты сообщали: *«Я чувствую себя одиноким, мне неинтересно смотреть видео в одиночестве, поэтому я люблю включать всплывающие окна все чаще и чаще»*. 86,43 % опрошенных студентов вузов испытывают наслаждение от ощущения взаимодействия и коллективного просмотра, а также от атмосферы, создаваемой Даньму на «классических клипах».

Стремительное развитие культуры Даньму — самое убедительное свидетельство глубокого влияния цифровых медиатехнологий на будущее культуры. Именно благодаря вмешательству технологий традиционный способ просмотра кино и телевидения изменился, традиционный режим односторонней коммуникации превратился в режим двусторонней коммуникации: от пассивного восприятия и просмотра видео на расстоянии до активного вмешательства в процесс создания содержания и смысла видео на близком расстоянии (визуальное и тактильное наложение значительно усиливает у зрителя ощущение участия). В этом процессе язык в форме письма снова выступает в роли революционера истории, на этот раз не только освобождая субъекта просмотра, заключенного в тюрьму непреложных правил театра, но и подчеркивая его присутствие [Чжао Юе, с. 22]. Даньму отражают эмоциональное состояние пользователей, которые во время просмотра дают

---

¹ АКИ, ACG — аббревиатура, образованная из начальных букв слов Animation (Анимация), Comics (Комиксы) и Games (Игры), созданная в китайской провинции Тайвань.

собственные оценки программам, сюжету и актерам на экране, а также выражают собственные эмоции, и таким образом они постепенно переходят от роли простого зрителя к роли судьи. По словам Цзэн Иго, «Даньму действительно отражает все более разнообразные эмоциональные потребности и ценностные запросы молодых людей» [Цзэн Иго, с. 34]. Чжан Гайфэн поддерживает эту точку зрения: «Этот вид реального эмоционального взаимодействия внутри круга — эмоциональная эмпатия, основанная на собственных предпочтениях и желаниях, которая является высвобождением аутентичного “я” после раскрытия» [Чжан Гайфэн, с. 90]. Кроме того, в одном и том же видеотексте Даньму обычно демонстрирует высокую повторяемость, а классический текст, появляющийся снова и снова, становится своего рода одобрением от других пользователей тому, кто публикует этот текст впервые. Все зрители, размещающие один и тот же текстовый контент, имеют эстетическое и когнитивное сходство, что отражает резонанс и идентичность эмоций современной китайской молодежи.

Проблема эмоций в молодежной интернет-субкультуре, воплощенных в культуре Даньму, может быть проанализирована как с внешней, так и с внутренней точки зрения.

Что касается внешнего аспекта, то для молодежной интернет-субкультуры характерны эмоции в виде Даньму, которые имеют ярко выраженный карнавальный окрас.

«Благодаря виртуальным, открытым и интерактивным возможностям интернета Даньму устранил классовые, идентификационные, гендерные и концептуальные границы реальной жизни людей, снял подавление и ограничения, наложенные на людей различными правилами и системами, и создал бахтинский карнавальный мир в публичном интернет-пространстве» [Ван Вэй, с. 155]. Прежде всего, по мнению Бахтина, карнавал характеризуется универсальностью, и каждый может погрузиться в этот карнавал без каких-либо ограничений по статусу, положению, религии и т. д. Интернет-среда свободна, открыта и анонимна, и люди могут выражать свои мнения и предложения в этом интернет-карнавале по своему усмотрению. Появление Даньму добавило функцию самовыражения в это открытое и свободное интернет-пространство, устранив некоторые ограничения во времени и пространстве и создав некое воображаемое физическое и духовное присутствие всех людей. Во-вторых, главным ритуалом карнавала является «игривое коронование и последующее снятие короны с короля карнавала» [Бахтин, с. 160]. Кроме того, под прикрытием масок люди занимаются неиерархической карнавальной деятельностью в мире виртуальности и анонимности. Мир Даньму похож на виртуальное киберпространство, где люди формируют различные сообщества в соответствии со своими личными предпочтениями, чтобы иметь возможность высказаться и свободно взаимодействовать с другими нетизенами (пользователями сети). Таким образом они получают ощущение участия в ритуале веселья, и в то же время подобное поведение людей разрушает авторитет и статус доминирующих ценностных идей. Наконец, важным источником карнавальной атмосферы является используемая людьми языковая система — игривый

и «преувеличенный» язык. В виртуальном киберпространстве различные Даньму, размещаемые интернет-пользователями, ломают фиксированную логическую схему оригинального традиционного языка и представляют сетевой, анимированный и «прыгающий со стены» язык, что в определенной степени создает эффект карнавала.

Количество Даньму на Bilibili — наглядное тому подтверждение. В 2020 г. на сайте размещено 2,2 млрд Даньму, в среднем более 6 млн в день. Во втором квартале 2023 г. сайт ежедневно посещали в среднем 96,5 млн активных пользователей, а ежемесячно — 324 млн. «С быстрым развитием видеосайтов Даньму культура Даньму представляет собой не только молодежную субкультуру с духом личного развлечения, но и популярную культуру, наполненную духом коллективного карнавала» [Цзэн Иго, с. 36]. Пользователи, отправляющие комментарии Даньму, не знакомы друг с другом, но когда они передают свои эмоции и мысли на экран и заслоняют собой видеоизображения, это похоже на то, как люди надевают маски, чтобы принять участие в карнавале в реальной жизни. Для молодых людей, участвующих в карнавале Даньму, важно не содержание высказывания, а сам акт «высказывания». Молодежная группа находится в визуальном ландшафте, полном экранов Даньму, испытывая коллективную неистовую радостную атмосферу, а такой групповой карнавальным эмоциональный опыт можно получить только в процессе коллективного участия. Когда пользователи отправляют одинаковые эмоциональные тексты, они чувствуют, что у всех людей одна душа, и на время избавляются от эмоции «борьбы в одиночку» в реальной жизни и находят единомышленников.

С точки зрения внутреннего представления то, что скрыто под маской карнавала Даньму, является настоящим лицом одиночества молодежной группы.

Американский ученый Шерри Теркл описывает феномен одиночества молодежи в эпоху интернета и искусственного интеллекта в книге «Одиночество вместе». О том, насколько сложно цифровым жителям собираться вместе в эпоху интернета, рассказывает и Бьюн-Чул Хан в своей книге «В рое: цифровые перспективы» (Im Schwarm: Ansichten des Digitalen). Культура Даньму — это феномен молодежной интернет-субкультуры, развиваемый в основном благодаря сайту Bilibili. Масштабный приток молодежи на этот сайт и использование Даньму привели к быстрому росту данной субкультуры. Примерно половина молодых людей Китая активно пользуется видеосайтом Bilibili, их средний возраст составляет 22,8 года, возраст 86 % из них — до 35 лет. Это «аборигены интернета», выросшие на почве интернета, особенно его мобильного варианта, и других новых медиакультур. Отчуждение межличностных отношений в атомизированном обществе и «одиночество вместе», порожденное цифровым существованием в эпоху новых медиа, привели к формированию эмоциональной структуры, культурного опыта и самопознания этого молодого поколения, которые сильно отличаются от тех, что были у предыдущих поколений в процессе их взросления. Таким образом, культура Даньму глубоко отображает состояние одиночества молодых людей в эпоху интернета.

Культуре Даньму свойственны фрагментарность, непосредственность и виртуальная синхронность, в ее среде трудно вести реальный диалог и обмен мнениями, особенно по мере продвижения культуры Даньму к массовой культуре, а ее социальность и чувство общности постепенно ослабевают. Молодежные группы Даньму — это просто хикикомори, которые в одиночестве сидят перед экраном компьютера или мобильного телефона и рассылают тексты Даньму в произвольном порядке по всей округе. Как уже говорилось выше, хотя молодежная группа испытывает кратковременный коллективный экстаз в процессе участия в культуре Даньму, это лишь симптом внутреннего одиночества «цифрового стада», как его описывает немецкий ученый Бьюн-Чул Хан. Пользователи, отправляющие тексты Даньму, вроде бы общаются с другими людьми, но на самом деле они разговаривают сами с собой и не формируют длительных и фиксированных интерактивных диалоговых отношений. Культура Даньму растворила текст тела. Виртуальное взаимодействие аудитории дает лишь кратковременный выход негативным эмоциям зрителей. Здесь невозможно достичь реального эмоционального обмена — он поверхностен. Существует множество негативных всплывающих текстов, таких как «只有我一个人在看吗» (Я один это смотрю?), «人间很美, 可我不配» (Мир прекрасен, но я этого не заслуживаю), «人间不值得» (Мир того не стоит), «想留的留不住, 想做的做不了, 这一生终究是不合时宜» (Я не могу сохранить то, что хочу сохранить, не могу сделать то, что хочу сделать, эта жизнь в конце концов не ко времени), «长大后才发现, 活着好累» (Я понял, когда я вырос, что жить так утомительно). Так называемый коллективный карнавал — это лишь иллюзорная сцена «все вместе» в эпоху цифровых медиа, которая не может устранить беспомощность и одиночество цифровых жителей в реальной жизни.

Причины сильного эмоционального резонанса и эмоциональной идентичности современного китайского молодого поколения тесно связаны с социальным контекстом.

Эти молодые люди появились на свет в самый разгар китайской кампании по регулированию рождаемости (политика одного ребенка). Было доказано, что психологические проблемы единственных детей более серьезны, чем у неединственных [Лю Сунтао, Чжан Сяоцзюань, Лу Шань и др., с. 1434], а доля тревоги и депрессии у первых выше, чем у вторых [Чэн Шо, Цзя Цуньсянь, с. 783]. Под влиянием китайского конфуцианства родители больше заботятся об учебе своих детей, а к детям, которые не любят учиться или плохо успевают, обычно относятся более жестко. Строгость родителей и отсутствие общения со стороны братьев и сестер того же возраста способствуют тому, что у единственных детей очень легко развивается сильное чувство одиночества. Кроме того, сжатые во времени и пространстве социальные процессы усугубляют одиночество молодых людей. На ускоренный темп жизни, работы и учебы, а также постоянно возникающие жизненные дилеммы некоторые из них могут реагировать только пассивно, что приводит к физическим страданиям, психическому истощению и нехватке времени на удовлетворение своих эмоциональных потребностей. Часто молодые люди насмеются над собой, называя себя «корпоративными рабами». Подавленность

и одиночество могут бесконечно усиливаться в уединении или в чрезвычайно шумной обстановке. Различные негативные эмоции, такие как ощущение конкуренции и давления, тревога и фрустрация, уничтожают бодрость, эмоциональный драйв, разрушают их психику, «...одинокие люди в реальности собираются в сети, превращаясь из реальных людей в сетевые иероглифические символы, и совместно разыгрывают веселую ситуацию псевдореальности. Каждый индивид является исполнителем, объединяясь в групповой театр, создавая эмоциональные ландшафты для себя и других, чтобы общаться и смотреть, и формируя эмоциональные сообщества в процессе взаимодействия» [Линь Бинь, Ло Цзин, с. 16].

Популяризация интернета открыла возможности для удовлетворения стремления молодых людей к общению и пониманию, а также избавления от одиночества. Согласно Статистическому отчету о развитии интернета в Китае, по состоянию на декабрь 2022 г. общее число пользователей интернета в Китае составляло 1,067 млрд человек. Из них доля пользователей интернета в молодежных группах 20–29 и 30–39 лет составляла около 33,8 %. Это те, кто не может жить без интернета, еженедельное время их пребывания в сети значительно превышает средние недельные показатели на душу населения среди всех пользователей интернета (26,7 часа). С помощью передовых интернет-технологий молодые люди находят в сети группы с одинаковыми увлечениями, и то счастье, которого им не хватает в реальности, они могут компенсировать в сети. С помощью интернета они временно уходят от жестких ограничений реальных отношений и удовлетворяют свое стремление к доминированию и автономии. Можно утверждать, что быстро развивающийся интернет стал свободным духовным раем и утешением для современных молодежных групп Китая.

Выводы

Культура Даньму — уникальный феномен молодежной интернет-субкультуры в Китае. Ее распространение обусловлено активным участием молодых людей, и она сама воплощает многие черты современной молодежной интернет-субкультуры. В культуре Даньму представлена ценностная идентичность современных китайских молодых людей. Они создают на экране грандиозный коллективный карнавал, отправляя комментарии во время просмотра видео. Они участвуют в комментировании видеоконтента (телевизионные драмы, фильмы и прямые трансляции), делясь своими эмоциями с помощью иероглифов, писем и других символических форм, и таким образом вмешиваются в производство и распространение видеоконтента, а также переходят от роли пассивных получателей информации к роли активных участников вторичного создания информации об информации. Однако под маской кажущейся карнавальными атмосферы скрывается групповое одиночество. Эта эмоция тесно связана с виртуальной и анонимной природой сетевой среды, но она также неотделима от социальных условий, в которых живут молодые люди. Ускоренное развитие китайского общества на современном этапе и неограниченная конкуренция вызывает у молодых

людей чувство беспокойства, разочарования и другие негативные эмоции, снижая эмоциональную мотивацию, отрицательно влияя на их бодрость и духовность, и, к сожалению, они могут справиться со всем этим только пассивно. Таким образом, мы пришли к выводу, что китайская молодежная интернет-субкультура, представленная культурой Даньму, демонстрирует сцену группового карнавала на внешнем уровне, в то время как внутренним ядром является эмоция одиночества.

Бахтин М. М. Полное собрание сочинений : в 7 т. / пер. Цянь Чжунвэнь ; под ред. Цянь Чжунвэня. Шицзячжуан, 2009. Т. 5. (на кит. яз.).

Ван Вэй. Субкультурное исследование Даньму в контексте новых медиа // Вестн. Столич. пед. ун-та (изд. по обществ. наукам). 2021. № 3. С. 153–160 (на кит. яз.).

Линь Бинь, Ло Цзин. Эмоциональная онтология «одинокого удовольствия» молодежных групп в сетевую эпоху // Вестн. Юго-Вост. ун-та (Философия и социальные науки). 2022. № 4. С. 15–22 (на кит. яз.).

Ло Хунцзе. Генеративная логика, экспрессивная практика и позитивное строительство. Культура Даньму // Вестн. Шэньчжэн. ун-та (изд. по гуманитар. и соц. наукам). 2021. № 6. С. 133–140 (на кит. яз.).

Лю Сунтао, Чжан Сяоцзюань, Лу Шань и др. Состояние психического здоровья и личность единственного и не единственного ребенка в средней школе // Китайский журн. психологии здоровья. 2018. № 9. С. 1433–1435 (на кит. яз.).

Цзэн Иго. Эмоциональные потребности и ценностные запросы молодежных групп по Даньму // Народная трибуна. 2021. № 701. С. 34–37 (на кит. яз.).

Чжан Гайфэн. Совместное использование дискурса в молодежных сетевых кругах: характеристики, закономерности и направления // Исследования по социализму с китайской спецификой. 2022. № 4. С. 88–94 (на кит. яз.).

Чжан Чжисхуа, Лю Илунь, Цзэн Чжи. О культуре Даньму в контексте китайской интернет-коммуникации // Художественная критика. 2018. № 2. С. 52–61 (на кит. яз.).

Чжао Жэньцин, Хуан Чжибинь. Одиночество и карнавал: эмоциональная перспектива и ее регулирование в жизни молодежи в сетевом социальном сообществе // Вестн. Норм. ун-та Зап. Китая (Философия и социальные науки). 2023. № 3. С. 49–57 (на кит. яз.).

Чжао Сюе. Новый онлайн-реестр комментариев: регистрация Даньму // Вестн. Тяньцзин. ун-та иностр. яз. 2022. № 2. С. 25–30 (на кит. яз.).

Чжао Чжэньху, Чжао Тянь. Анализ видеороликов Даньму с точки зрения партициптивной культуры // Современная коммуникация. 2018. № 6. С. 90–93 (на кит. яз.).

Чжао Юе. Проснувшаяся аудитория и спящий субъект: трансформация и переопределение субъективности киноаудитории на примере феномена Даньму // Вестн. Пекин. киноакадемии. 2016. № 6. С. 16–25 (на кит. яз.).

Чэн Шу, Цзя Цуньсянь. Симптомы тревоги и депрессии у студентов колледжа, являющихся единственным и не единственным ребенком // Китайский журн. ментального здоровья. 2019. № 10. С. 783–787 (на кит. яз.).

Янь Мэйтин. Социальные причины и существующие проблемы субкультуры Даньму // Медиафорум. 2021. № 6. С. 129–130 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию 28.02.2024 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Научная статья

УДК 316.1 + 316.42 + 378 + 159.9 + 316.728(73)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.035

ЕСТЬ ЛИ У СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ БИОГРАФИЯ?

Гарольд Ефимович Зборовский

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

garoldzborovsky@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>

А н н о т а ц и я. В статье доказывается, что биографический метод в социологии может быть использован в исследовании социальной общности. Утверждается, что признаки социальной общности (как объективные, так и субъективные) целесообразно рассматривать и в процессе изучения биографии человека (индивида, личности) как индивидуально-биографические, помогающие увидеть сходство и взаимодействие между жизненным путем человека и биографией социальной общности. Анализируются особенности и этапы биографии социальной общности научно-педагогических работников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научно-педагогические работники (НПР); биография социальной общности; биографический метод в социологии; использование биографического метода в американской социологии; биография социальной общности НПР в России

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028>.

DOES THE SOCIAL COMMUNITY HAVE A BIOGRAPHY?**Garold E. Zborovsky**

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
garoldzborovsky@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>*

Abstract. The paper proves that the biographical method in sociology can be used in the study of social community. At the same time, it is advisable to consider the signs of social community (both objective and subjective) in the process of studying the biography of a person (individual, personality) as individually biographical, helping to see the similarities and interactions between a person's life path and the biography of a social community. The article examines the features and stages of the biography of the social community of the faculty.

Key words: faculty; biography of a social community; biographical method in sociology; the use of the biographical method in American sociology; biography of the social community of the faculty in Russia

Acknowledgment. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028>.

Введение

Сегодня ни одна серьезная работа, посвященная изучению общества и его основных сфер, не может обойтись без анализа социальных общностей, так же как не может она этого сделать без характеристики социальных структур, социальных действий и взаимодействий, социальных институтов. В ряде исследований (в том числе и наших) социальная общность рассматривается как предмет социологии или даже как ядро ее предметного поля [Зборовский, 2004, с. 187; Ядов, с. 17–18]. В одной из работ социальная общность характеризуется как «социальный ген» общества, своеобразная единица социального наследования, преемственности и воспроизводства общества как социального организма [Зборовский, 2003, с. 232]. Учитывая значение, которое придается этой узловой категории социологии, и внимание, уделяемое ей в научной литературе, необходимо определить методы и подходы к ее изучению.

Как видно из формулировки проблемы, вынесенной в заголовок статьи, она имеет несколько необычный характер. Эта необычность обусловлена тем, что термин «биография» предлагается рассматривать не традиционно, как это принято делать в связи с описанием жизни (или даже истории жизни) индивида, конкретного человека, а применительно к социальной общности, т. е. изначально к определенной группе людей.

Сам термин «биография» — постоянный гость, можно даже сказать хозяин на страницах книжных (как печатных, так и электронных) изданий и означает

в первом приближении не что иное, как жизнеописание (рассмотрение жизненного пути) человека в качестве его важнейшей индивидуально-личностной характеристики. Другое дело — термин «биография социальной общности», встречающийся крайне редко в научной литературе. Здесь значение термина «биография» как жизнеописания (истории жизни) социальной общности выходит далеко за пределы обычных характеристик событий и этапов жизни человека (родился, учился, женился и т. д.).

Использование понятия «биография социальной общности» означает необходимость совсем иных подходов, имеющих глубоко социальный характер. Требуется анализ видов и форм деятельности (образования, семьи, профессиональной работы и др.) различных групп людей, их роли и места в структуре общественных отношений, связей и взаимодействий с иными группами и общностями людей, значения в жизни социума.

В свете сказанного выясняется, что проблема биографии социальной общности (начиная с базовых характеристик — понятия, структуры, функций и т. д.) нуждается в своей теоретической разработке и эмпирической верификации. Причем речь должна идти о биографии как социальной общности в целом (в виде обобщающего феномена), так и конкретной социальной общности (например, общности научно-педагогических работников). На этом понятии — биографии социальной общности — мы в дальнейшем остановимся подробно, равно как и на понятии биографии социальной общности научно-педагогических работников (НПР). Цель статьи состоит в рассмотрении возможности использования для трактовки социальной общности биографического метода, наряду с другими, ставшими уже традиционными подходами (общностным, ресурсным, деятельностным и др.).

Биографический метод в социологии: краткая характеристика

В социологии термин «биография» тесно связан с одним из распространенных методов качественного эмпирического исследования, который широко описан в литературе и часто применяется в изучении индивидуальных социальных практик. Биографический метод в социологии направлен на исследование субъективной стороны социальной реальности. При этом применяется анализ жизненного пути отдельного человека. Основу анализа составляет изучение личных документов, в особенности когда социолог пытается выявить субъективный смысл и значение социальных процессов, о которых идет речь в этих документах [Зборовский, Шуклина, 2004, с. 138–143; 2016, с. 135–143; Семенова, с. 91–101].

Биографический метод в социологии — это важный инструмент, с помощью которого целесообразно изучать жизненные истории людей (life stories) и их влияние на социальные процессы. В основе метода — анализ индивидуальных биографий, социальных взаимодействий людей и их исторического контекста. Поскольку биографический метод связан с исследованием субъективного мира людей, постольку он позволяет углубиться в понимание социальных явлений и процессов, выявляя при этом индивидуальные и коллективные опыты

и переживания людей. Вместе с тем следует учитывать ограничения этого метода, такие как субъективность данных, сложность обобщения результатов, временные границы биографий.

Здесь хотелось бы ввести некоторые уточнения, на которые в последние годы все чаще обращают внимание. Они связаны с новым термином: вместо «биография» появляется «постбиография». Речь идет об определенной категории людей, достигших при жизни заметных или даже выдающихся результатов деятельности, нашедших отражение в их «прижизненных» биографиях. Сейчас принято говорить, что после физической смерти этих людей их жизнь продолжается ментально — в тех делах, поступках, результатах, которые они оставили после себя и которые получили общее название «постбиография». Таким образом, жизнеописание, вначале отраженное в биографии, хронологически заметно расширяет свои границы в «постбиографии». Происходит как бы некоторое временное сближение биографии индивида и биографии социальной общности, которая в темпоральном аспекте всегда более продолжительна, чем первая. Более того, постбиография отдельных выдающихся личностей может быть значительно более протяженной по времени, чем биографии многих социальных общностей.

Теперь обратимся к вопросу о применении в анализе социальной общности термина «биография». Здесь мы наблюдаем некие метафорические акценты. Они связаны с выделением определенных этапов и периодов в возникновении и развитии феномена, который мы называем «социальная общность» (чуть дальше мы дадим ее определение). Метафорические акценты — это определенные дублирования этапов хронологического (темпорального, временного) воспроизводства человека (рождение, затем начальный — дошкольный период становления личности, ее школьный период и т. д.).

Мы можем без большого труда обнаружить грубые аналогии в названии этапов (периодов) возникновения и становления, а затем и развития социальной общности и жизненной биографии индивида. Но не все так просто. Временные интервалы в биографии социальной общности — совсем не те, что временные интервалы в биографии личности, индивида, человека. Сразу отметим, что эти три феномена существенно различаются по времени своего становления, существования, развития. Они могут различаться целыми порядками друг от друга. Тем более социальные общности во временном отношении могут отличаться от них.

Далее дадим определение и толкование социальной общности. В самом общем виде *социальная общность* означает объединение (совокупность) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы взаимодействия и совместной жизни как малых, так и больших групп людей. Социальные общности, возникая прежде всего в повседневной жизни (например, семья как наиболее типичная их форма), формируются в самых разных сферах деятельности — производстве, сервисе, образовании, науке, культуре, спорте, религии, досуге и др. В. А. Ядов определял социальную общность как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия

и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [Ядов, с. 17–18].

По нашему мнению, главными признаками социальной общности являются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к данной общности (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функций самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [Зборовский, 2009, с. 109–110]. Такой подход позволяет определить социальную общность как реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную совокупность и взаимосвязь людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям.

Возникает один из главных вопросов: насколько признаки социальной общности «биографичны», насколько подходят под определенную совокупность и взаимосвязь людей? С другой стороны, насколько характеристики и различные стороны (аспекты) биографии могут быть использованы для трактовки социальной общности?

Отметим, что из нижеперечисленных характеристик к главным особенностям социальной общности можно отнести как преимущественно объективные (п. 1, 2, 3), так и преимущественно субъективные (п. 4, 5, 6) признаки:

1) включенность социальной общности в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений;

2) наличие у членов социальной общности значимого основания (причины) сообщая находиться в ней, отвечающего интересам всех ее участников и способствующего реализации потребностей каждого «быть вместе»;

3) осуществление совместной деятельности членами социальной общности, взаимодействия между ними в самых различных сферах повседневной жизни;

4) принятие всеми или большинством членов социальной общности правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных для нее;

5) осознание людьми своей принадлежности к социальной общности, возникновение на этой основе чувства «Мы» («Свои») и «Они» («Чужие»), другими словами, самоидентификация членов общности;

6) признание данной социальной общности и ее идентичности с существующим социальным окружением, т. е. другими, посторонними людьми.

Мы считаем, что названные признаки социальной общности вполне биографичны — в том смысле, что могут быть перенесены на конкретного человека, индивида, личность. Все признаки, носящие как объективный, так и субъективный характер, обуславливают отношение человека к коллективу (любому — трудовому, учебному, спортивному), ближайшему социальному окружению (семье, творческому объединению, дружеской кампании) и т. п. как разновидности социальной

общности, порождая схожесть, подобие, взаимопересечение их биографий. Здесь мы и получаем возможность увидеть в биографиях социальных общностей отражение биографий конкретных людей (личностей, индивидов).

Социальная общность польских крестьян в Европе и Америке

Рассмотрим поставленную выше проблему соотношения биографий социальной общности и конкретных индивидов на материалах анализа классического социологического исследования, имеющего более чем столетнюю давность, но не потерявшего своей актуальности и сегодня в силу особенностей современной мировой экономики и поведения больших групп людей (мы их определяем как социальные общности), выступающих в качестве трудовых мигрантов. Речь пойдет о пятитомной книге У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [Thomas, Znaniecki].

Во «Введении» к названной выше совместной работе У. Томас и Ф. Знанецкий отмечали «одно существенное различие между природной и социальной действительностью, которое состоит в том, что в то время как следствие физического феномена целиком зависит от объективной природы этого феномена и может быть просчитано на основе его эмпирического содержания... следствие социального феномена зависит к тому же и от субъективной позиции, занимаемой личностью или группой относительно данного явления, и может быть просчитано, если мы знаем не только объективное содержание предполагаемой причины, но также и значение, которая она имеет в данный момент для данных мыслящих существ» [Томас, Знанецкий, с. 345]. Если коротко суммировать сказанное, то оно будет означать единство объективного и субъективного в использовании применяемого социологами метода исследования, который получил название биографического.

Фабула книги связана с анализом иммиграции польского крестьянства в США в начале XX в. Это был очень сложный процесс обустройства жизни польских крестьян, переехавших жить в другую страну. Их биография дала резкий крен, в корне изменив все предшествующие намерения людей. Взрослые переселенцы не владели необходимыми промышленными и городскими профессиями, постоянных источников заработка поэтому не было. Самым стабильным средством добычи денег стала проституция. Польские женщины зачастую кормили продажей своего тела целые семьи. Переехавшие мигранты доставляли массу хлопот американскому обществу, криминал расцветал «пышным цветом».

Характерными явлениями иммигрантской жизни были незнание языка, отсутствие необходимой квалификации, бедность, слабое знание обычаев, культуры, норм американской жизни и т. д. В целом проблема адаптации польских крестьян к новым условиям жизни стояла очень остро. Исследователей (в том числе социологов) и практических (социальных) работников в США интересовали не только данные статистики иммиграции, но и социальное самочувствие переселенцев, особенности восприятия ими новой жизни, новых ценностей.

В работе У. Томаса и Ф. Знанецкого применялись биографический метод и метод изучения документов личного характера (дневники, автобиографии, воспоминания, письма крестьян из Америки в Польшу и ответы им — всего 754 письма). Активно использовались также данные польских архивов, материалы прессы, документы американских социальных агентств по миграции, «глубинные» интервью. Одно из них, проведенное с польским крестьянином Владеком, дополнило его автобиографическое жизнеописание и составило вместе с текстами интервью целый том в 300 страниц.

Специально отметим, что первые два тома пятитомной работы У. Томаса и Ф. Знанецкого включали в себя теоретические обобщения, а последующие три тома — анализ эмпирического материала. Благодаря этому читатель получил возможность проникнуть в творческую лабораторию социологов и сопоставить авторские рассуждения и размышления с конкретными документами. В истории социологии это первый (и в целом, к сожалению, нечасто встречающийся) случай такого подхода, сочетающего теоретические умозаключения с конкретным материалом, на основании которого они были сделаны.

Собранный эмпирический материал позволил социологам выявить субъективное мнение польских крестьян и объективные условия их повседневной жизни. На основании полученных данных социологи определили восемь основных проблем исследования: 1) индивидуализация (как она совместима с социальной сплоченностью); 2) эффективность (каково соотношение между индивидуальной и социальной эффективностью, личностной и профессиональной успешностью); 3) аномальное (девиантное, отклоняющееся) поведение (преступность, бродяжничество, проституция, алкоголизм); 4) занятость; 5) отношения между полами; 6) социальное счастье (базирующееся на удовлетворенности деятельностью социальных институтов и организаций); 7) борьба рас (национальностей) и культур; 8) идеальная организация культуры [Томас, Знанецкий, с. 354–355]. Именно с этими проблемами столкнулись У. Томас и Ф. Знанецкий при изучении польских крестьян.

В связи именно с данными проблемами возникает вопрос о соотношении индивидуально-биографического и социально-общностного в сравнительном изучении польских крестьян, приехавших в Америку и оставшихся в Польше. По сути дела, социологи изучали две подобности единой социальной общности польских крестьян.

Практически любая из восьми названных проблем содержит в себе определенные (далеко не равномерные) пропорции общностного и индивидуального, но в каждой из них содержится и то, и другое — и элемент индивидуального, и элемент социального. В этом проявляется предпосылка использования в исследовании как индивидуального биографического метода, так и социально-общностного подхода.

Из приведенного вывода следует еще один — о том, что польские крестьяне, приехавшие в Америку, представляли собой неким образом скооперированное сообщество, в котором действовали свои внутренние законы взаимной помощи

и поддержки, т. е. те нормы и правила, которые характерны для функционирования социальной общности.

Наши рассуждения приводят нас к вопросам изучения и решения проблем польского крестьянства. Главный вопрос: как решать выявленные проблемы? Его задают себе и обществу социологи. Есть ли такая совершенная форма организации социальной жизни, которая соединила бы широчайший индивидуализм (а именно в нем видели дух и менталитет американской нации У. Томас и Ф. Знанецкий) с действиями эффективных общественных структур, что дало бы в качестве результата гармонию эффективности и счастья? Не имея окончательного ответа на этот вопрос, У. Томас и Ф. Знанецкий полагают, что необходимым способом разрешения поставленных выше проблем является систематическое социологическое изучение различных культур.

В контексте сказанного нельзя не обратить внимания на две фундаментальные практические проблемы, которые выдвигают социологи, говоря о том, что они составляют ядро рефлексивной социальной практики во все времена. Это: «1) проблема зависимости индивида от социальной организации и культуры и 2) проблема зависимости социальной организации и культуры от индивида...» [Томас, Знанецкий, с. 341]. По существу, мы видим стремление У. Томаса и Ф. Знанецкого рассматривать не только в теоретическом, но и в практическом плане единство и взаимозависимость индивида, общества (социальной общности, социальной организации) и культуры.

Ключевым для социологов¹ было понятие ситуации, рассматриваемой ими как «набор ценностей и установок, с которыми индивид или социальная группа имеют дело в процессе деятельности и по отношению к которым планируется эта деятельность и оцениваются ее результаты» [Там же, с. 352]. Ситуация, по мнению социологов, включает в себя три вида данных: 1) объективные условия; 2) предшествующие установки индивида или социальной группы, которые в данный момент оказывают влияние на их поведение; 3) определение ситуации, т. е. ясная концепция условий и осознание установок. Понятие ситуации выступало для социологов как основное для объяснения поведения человека или социальной группы.

Столь подробное изложение реальной жизненной ситуации в США в начале XX в., связанной с социальной общностью трудовых мигрантов (польских крестьян), и ее отражение в социологическом исследовании понадобилось нам для того, чтобы показать возможности использования биографического метода для изучения социальной общности, а самой биографии — как иного способа ее исследования.

---

¹ В первую очередь для У. Томаса. Чтобы утвердиться в этом мнении, вспомним его «теорему»: «Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительны по своим последствиям».

Как можно изучать биографию социальной общности научно-педагогических работников?

В заключительном разделе статьи мы постараемся ответить на поставленный в его названии вопрос с учетом сказанного выше, т. е. признания того обстоятельства, что описывать и анализировать биографию социальной общности НПР вполне возможно и допустимо. Прежде чем мы это сделаем, необходимо коротко остановиться на трактовке (определении) этого понятия.

Под НПР будем понимать не только социальную, но и образовательную общность, поскольку основные виды ее профессиональной деятельности и производственные функции связаны с образованием и воспитанием. В этом ее главная особенность. На значительную часть представителей этой общности распространяются и функции, связанные с занятиями научной деятельностью, что дает необходимые и достаточные основания определять ее как социальную общность научно-педагогических работников.

В соответствии с общностным подходом «образовательные общности представляют собой взаимосвязи (совокупности) людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями» [Зборовский, 2021, с. 192].

В самом общем виде образовательная общность означает совокупность (объединение, взаимосвязь, взаимодействие) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы совместной деятельности как малых, так и больших вовлеченных в образование групп людей. Образовательные общности, в том числе и НПР, возникая прежде всего в повседневной жизни, формируются в самых разных сферах вузовской образовательной деятельности — преподавании, связанных с ним научных исследованиях, совместной деятельности со студентами в ходе их учебного процесса и практик, воспитательной работе, досуге и др. Поэтому не случайно представителей этой общности называют преподавателями, или педагогами. Не вдаваясь в дискуссию по поводу названия рассматриваемой образовательной общности, отметим, что НПР выступают как видовая социальная общность, соотносимая с родовой социальной общностью (преподаватели, педагоги).

Поскольку мы рассматриваем биографию социальной общности НПР, следует говорить о ее корнях, предпосылках, истоках, как по времени, так и содержательно и организационно. И в Западной Европе, и в России появление этой общности связано с возникновением университетов. Первые европейские университеты возникли в XIII–XIV вв., российские — гораздо позднее (в XVIII–XIX вв.). В средневековых университетах было положено начало профессионализации преподавательской деятельности и развитию механизмов самоорганизации и саморегуляции внутри профессиональной корпорации.

Главным содержанием профессиональной деятельности средневековых университетских преподавателей было образование, обучение и просвещение — как способ интерпретации, трансляции и диссеминации канонического знания в различных областях. Наука еще не утвердилась в университетах того времени как система производства нового знания. Это значит, что мы можем говорить о формировании общности преподавателей средневековых университетов как начальном этапе биографии НПП. В этом смысле мы располагаем достаточными основаниями рассматривать университетских преподавателей в эпоху Средневековья как своего рода протосоциальную общность, на базе которой в Новое (тем более в Новейшее) время возникла сначала образовательная, а затем и научно-образовательная социальная общность педагогических работников университетов.

В России биография общности педагогов складывалась по-другому. Вплоть до Нового времени ее как таковой в явно выраженном виде не было. Протосоциальная общность педагогов, если и формировалась в условиях существования феодальных порядков, то в виде очень ограниченного количества приглашенных (в основном из-за рубежа) учителей по математике, иностранным языкам и воспитателей, и реально как сообщество не выступала. Отдельные люди, воспитывавшие и учившие «недорослей», не имели никакого объединяющего их начала. Сложившихся учебных заведений, тем более под государственным контролем, еще не было.

Ситуация с появлением высшего образования и первых университетов в России никак не была связана с эпохой феодализма. Уже в Новое время вслед за Московским университетом (1755) возникли в XIX в. еще девять университетов: Дерптский (Юрьевский), Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Александровский (в Гельсингфорсе), Св. Владимира в Киеве, Новороссийский в Одессе, Варшавский, Томский. Это были университеты принципиально иного, отличного от европейского, типа, с совершенно иным преподавательским и студенческим сообществами. В российских университетах, в отличие от средневековых (и даже появившихся только в Новое время) европейских, были отдельные преподаватели, стремившиеся активно заниматься научными исследованиями.

Вместе с тем не следует забывать, что университеты в России создавались в определенной степени по образцу немецких и испытывали на себе влияние немецких традиций. Именно поэтому они возникали как государственные учреждения (каковыми остаются в подавляющем большинстве и сегодня) [Андреев]. Это обстоятельство не могло не повлиять на положение социальной общности НПП и перемены в нем в течение всего XX и начала XXI в.

После 1917 г. в России возникает принципиально новый этап в развитии университетов, и одна из его основных особенностей заключается в создании иных условий для жизни и профессиональной деятельности социальной общности университетских педагогов. В частности, таким важным условием стала актуализация научного знания и его тесная связь с образовательным знанием. В XX в., особенно в его второй половине, эта связь явилась основой содержания

современного университетского образования и развития социальной общности научно-педагогических работников.

Биография этой общности в период постреволюционного развития страны тесно связана с открытием большого числа вузов (преимущественно инженерно-технического профиля) как в довоенный, так и в особенности в послевоенный периоды развития системы высшего образования. В 1970–1980-е гг. начался процесс массовизации потребностей населения в высшем образовании. Базой этого процесса стало наличие двух условий: превращение полного среднего образования во всеобщее обязательное и достаточное количество вузов по всем основным направлениям и специальностям высшего образования. Тем самым была открыта дорога в вузы большому массиву студентов и преподавателей. К 2000 г. счет НПП пошел на сотни тысяч специалистов, занятых в системе вузовского обучения студентов. Переход к XXI в. социальная общность НПП встретила в ситуации готовности к новым переменам.

Основные этапы биографии социальной общности научно-педагогических работников России (XVII в. — настоящее время)

Прежде чем охарактеризовать основные этапы биографии социальной общности педагогических (научно-педагогических) работников России, необходимо хотя бы коротко остановиться на критериях этой периодизации. Здесь нужно иметь в виду, что на разных этапах и в рамках разных периодов критерии срабатывали неодинаково или не срабатывали вообще. Сам историко-биографический процесс развития социальной общности педагогических работников занимает такой длительный хронологический интервал, а его насыщение событиями настолько дифференцировано, что попытка выравнять критерии для сравнения изначально обречена на неудачу.

Перейдем к рассмотрению критериев периодизации биографии социальной общности НПП. Их несколько. Первый и самый главный — соответствие численности вузов числу работающих в них педагогических работников. Конкретизация этого критерия выводит на выявление соотношения между численностью педагогов и количеством специальностей и программ подготовки студентов.

Еще один критерий периодизации требует выявления соответствия численности НПП месту вуза в структуре системы высшей школы страны. Чем более высокое место занимает вуз в рейтинге высшего образования, тем больше ставок преподавателей он получает. На численность педагогов влияет учебный план и учебно-методический комплекс изучаемых дисциплин. В целом можно утверждать, что на критерии периодизации биографии социальной общности влияет развитие университета вширь и вглубь.

Далее назовем и кратко охарактеризуем основные этапы периодизации.

1-й этап — появление первых представителей будущей общности педагогов (XVII — первая половина XVIII в.): формирование протосоциальной общности

педагогических работников, включавшей работавших в семьях знатных людей учителей математики, иностранных языков, воспитателей, гувернанток(в).

2-й этап — начальный (вторая половина XVIII — XIX в.): становление социальной общности преподавателей десяти названных выше российских университетов.

3-й этап — постреволюционный (революционные и постреволюционные события 1917 г. и последующих лет — начало Великой Отечественной войны): этап активного строительства новых вузов и расширения социальной общности их педагогического корпуса.

4-й этап — послевоенный (окончание Великой Отечественной войны — начало перестройки в середине 1980-х гг.): восстановление разрушенных и строительство новых вузов, быстрый рост социальной общности педагогического персонала.

5-й этап — перестройка и постперестройка (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.): бурный постсоветский рост высшего образования и социальной общности научно-педагогических работников.

6-й этап — современный, реформирование страны (2000-е гг. — настоящее время): трансформации в сфере высшего образования, восходящая и нисходящая тенденции количественного и качественного преобразования биографии социальной общности НПР.

Заключение

Приведенные названия и краткие характеристики основных этапов становления и развития биографии социальной общности НПР свидетельствуют о необходимости подробного и детального анализа современного этапа, охватывающего первую четверть XXI в. Система университетского образования России за это время была подвергнута серьезным испытаниям (Болонский процесс, ЕГЭ, оптимизация, реструктуризация, эпидемия коронавируса, переход на новые формы и методы обучения в системе онлайн и дистанционного образования, специальная военная операция). Биография социальной общности НПР «приняла» эти испытания на себя. Часть из них была пройдена с честью, другая часть находится в процессе преодоления. Немало трудностей еще поджидает научно-педагогических работников. Так что впереди — исследования. Нам предстоит их провести и вынести социологический вердикт. Наступает время ожиданий.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

Зборовский Г. Е. Общая социология. Екатеринбург, 2003.

Зборовский Г. Е. Общая социология. М., 2004.

Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009.

Зборовский Г. Е. Характеристика поведенческих стратегий образовательных общностей в условиях трансфера их человеческого капитала // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 190–200.

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология. М., 2004.

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Эмпирическая социология. Сургут; Екатеринбург, 2016.

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.

Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 335–355.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара, 1995.

Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N. Y., 1927.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024 г.

Научная статья

УДК 070.11:004.77 + 340.1 + 004.8 + 659.4 + 316.77 + 323(470)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.036

О МЕСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Анатолий Степанович Шабуров¹

Владимир Иванович Шерпаев²

Ирина Владимировна Сошникова³

^{1,2} *Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия*

³ *Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия*

¹shaburov.41@mail.ru

²sherpaev@list.ru

³i.v.soshnikova@yandex.ru

А н н о т а ц и я. В работе рассматривается цифровизация как современная форма организации общественных отношений, раскрывается роль искусственного интеллекта в ее развитии. Особое внимание уделено влиянию цифровизации на развитие политической и социальной сфер общества, пространства СМИ, права и правового регулирования. Рассмотрены направления ее влияния на систему права, средств массовых коммуникаций, показан характер их изменений под влиянием цифровых технологий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровизация; право; правовая доктрина; искусственный интеллект; система права; цифровое право; отрасль права; правотворчество; юридическая техника; технические средства; юридическая конструкция; политическая и социальная сферы общества; массовые коммуникации; СМИ

ABOUT THE PLACE OF DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY

Anatoly S. Shaburov¹

Vladimir I. Sherpaev²

Irina V. Soshnikova³

^{1,2}Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russia

³Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia

¹shaburov.41@mail.ru

²sherpaev@list.ru

³i.v.soshnikova@yandex.ru

Abstract. The paper considers digitalization as a modern form of organization of public relations and reveals the role of artificial intelligence in its development. Special attention is paid to the impact of digitalization on the development of the political and social spheres of society, the media space, law and legal regulation. The directions of its influence on the system of law and mass media are examined, the nature of their changes under the influence of digital technologies is shown.

Key words: digitalization; law; legal doctrine; artificial intelligence; legal system; digital law; branch of law; lawmaking; legal technology; technical means; legal construction; legal cyclic array

Новизна взгляда на проблемы

Технологии цифровизации общественных отношений и искусственного интеллекта являются актуальными в современных условиях, ибо они обеспечивают организованность и эффективность развития общественных отношений в России, способствуют формированию правового государства и гражданского общества. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ о поправках к Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [О внесении изменений...]. В документе приведены основные термины и направления работы органов публичной власти в сфере технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ).

Так, согласно тексту, объем оказанных услуг по разработке и реализации решений в области ИИ к 2030 г. должен вырасти как минимум до 60 млрд руб. по сравнению с 12 млрд руб. в 2022 г. Также планируется, что вырастет количество выпускников высших учебных заведений — специалистов в сфере ИИ с 3000 до 15 500 человек. Доля приоритетных отраслей экономики с высокой готовностью к внедрению ИИ увеличится с 12 до 95 %.

При этом искусственные технологии должны быть внедрены в цифровую трансформацию органов публичной власти, а на платформе «Гостех» будет введен реестр апробированных доверенных технологий ИИ. Еще разработчики получат

доступ к обезличенным персональным данным. При этом законодателю предлагается разработать нормативно-правовое регулирование в этой сфере, устранив необоснованные ограничения для создателей программного обеспечения и установив требования к информационной безопасности в сфере ИИ.

Цифровизация как современная форма организации общественных отношений

Современный этап социального и экономического развития общества характеризуется существенным влиянием на него цифровизации. Она сегодня проникает во все сферы общественной жизни, регламентирует деятельность сообществ и требует серьезных технологических преобразований государственно-правовых структур.

Не случайно в последнее время растет число исследований, касающихся анализа цифровых технологий в политическом процессе, политической коммуникации и государственном управлении [Косоруков, с. 5]. Цифровизация публичного управления касается деятельности органов публичной власти по управлению соответствующими сферами общественных отношений и организации экономики с использованием цифровых и информационно-коммуникативных технологий [Цифровизация публичного управления, с. 9]. Под влиянием цифровизации меняются формат политико-правовых отношений, качество социальных связей [Коньков, с. 9].

В числе перспективных исследовательских направлений остаются вопросы изучения содержания правовых доктрин, их методологического сопровождения, соотношения доктрин с формами, источниками права и актами официального нормативного толкования [Перевалов, с. 156].

В литературе выделяются три направления цифровизации политических отношений: «цифровая бюрократия», «цифровая демократия» и «цифровая дипломатия». Первая характеризует возрастание механизмов публичной политики за счет возможностей электронной коммуникации. Вторая отражает совершенствование компетенций правящего класса и становление технократических платформ на базе новых версий «электронного правительства». Третья — «цифровая дипломатия» позволяет использовать возможности новых технологий для решения политических задач на международной, наднациональной арене [Коньков, с. 7].

Внедрение цифровизации в область государственного и муниципального управления значительно упрощает административные процедуры, делая взаимодействие государства и граждан более прозрачным и оперативным, способствует цифровизации работы ведомств для повышения их эффективности и ответственности за достижение реальных результатов.

Сегодня люди живут в атмосфере разносторонней информации, их сознание ежедневно сталкивается с огромным потоком разнообразных сообщений: идеологических, естественно-научных, профессиональных, социально-бытовых и пр.

Жизнь не стоит на месте, неуклонно идет вперед. Возникают новые вопросы, требующие научного осмысления.

Важно также задействовать все основные каналы коммуникаций: средства массовой информации (печать, радио, телевидение, интернет); связи с общественностью (организация своевременного информирования обо всех имиджевых акциях и проектах по каналам связи); публичную дипломатию (культурные обмены, пресс-конференции политиков и общественных деятелей, брифинги и пр.); культуру (кинофестивали, литературные премии, музыкальные фестивали, спортивные праздники и олимпиады); институты: политические (Государственная дума, Общественная палата и пр.), дипломатические (посольства), образовательные (ведущие университеты), культурные (фонды, премии); рекламу.

Необходимо выделить основные направления развития медиасферы: 1) свободные и ответственные СМИ, несущие достоверную информацию в российское общество, — это неперемное условие успеха реализации национальных проектов; 2) наличие широкого доступа к объективной информации является важнейшим условием формирования политической культуры населения, способствующей истинному пониманию перспектив развития; 3) современная политика в медиасфере государства — это не только координация информационных потоков, но и синхронизация политических, экономических, социальных, технологических процессов в развитии системы массовых коммуникаций; 4) процесс формирования единой медиасферы требует выработки единых подходов государства касательно передачи информации, корректировки законодательства и изучения аудитории СМИ; 5) необходимо корректировать концепцию информационной безопасности государства; 6) для перехода на современные технологии производства и распространения телепрограмм и разработки предложений по синхронизации мероприятий нужно закрепить практику постоянного профессионального диалога экспертного сообщества.

Развитие отечественного права и правового регулирования в условиях цифровизации

Особого внимания заслуживают проблемы закрепления в законодательстве системы российского права в условиях цифровизации, рассмотрения ее в качестве важного прогностического фактора развития политической и правовой систем российского государства. Ее конституирование и практическое воплощение возможно только через разработку, освоение и адекватную оценку научных знаний. В работе «Тезисы о Фейербахе» (тезис 11) К. Маркс указывает: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 14].

«Цифровизация» как категория не имеет пока официального нормативного закрепления. Отсутствует ее определение и в современных российских словарях. В науке под цифровизацией понимается «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации

в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни» [Халин, Чернова, с. 47].

По мнению Т. Я. Хабриевой, по своим масштабам цифровые технологии схожи с очередной технической революцией, а XXI в. войдет в историю как век, основную повестку которого определяет цифровизация [Хабриева, с. 7].

Цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым необходимо адаптироваться правовым институтам, в том числе институтам гражданского права [Агарков].

Развитие теории цифровизации обусловило необходимость конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности. Цифровые технологии способны менять образ права, влиять на его регулятивный потенциал и эффективность, открывать ему дорогу или блокировать его действия в новых изменениях социальной реальности. Зарождается новое право, регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта.

Однако в науке имеются и работы, в которых анализируются сложности цифровизации правовых отношений и правового регулирования, подчеркиваются негативные последствия этого процесса. Г. В. Мальцев утверждал, что «современному технизированному миру предлагается очередная социальная утопия» [Мальцев, с. 272]. По мнению Э. В. Талапиной, поскольку основные теоретические положения права «в цифровую эпоху теряют прежний смысл», то «даже классическая теория права находится под угрозой от воздействия новых технологий и в особенности интернета» [Талапина, с. 154].

Поэтому каждый компонент права, правового регулирования требует новой характеристики, нуждается в дополнении и уточнении [Шабуров].

В своем выступлении на Петербургском юридическом форуме В. Д. Зорькин подчеркнул, что цифровые технологии настолько сильно воздействуют на социальные отношения, что вызывают необходимость кардинального изменения концепции права, отдельных институтов, в первую очередь гражданского права. При этом он добавляет, что «...цифровизация социальной жизни привела к появлению и ранее неизвестных, так называемых цифровых прав. Под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, сети Интернет» [Зорькин].

Хотя категория «цифровое право» получила достаточно широкое распространение в публикациях и выступлениях ученых, но в отечественной науке пока нет единства в характеристике его предмета правового регулирования.

Впервые термин «цифровые права» был закреплен в Гражданском кодексе Российской Федерации. Согласно ст. 141.1 кодекса, «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законам признакам. Осуществление, распоряжение цифровым правом возможны только

в информационной системе без обращения к третьему лицу» [Гражданский кодекс РФ].

Следовательно, цифровое право следует понимать как совокупность правовых норм и институтов, регулирующих разнообразные отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий. Но эти нормы не объединены единым методом регулирования и относятся к различным отраслям права. То есть цифровое право формируется как комплексный (межотраслевой) правовой институт, обеспечивающий нормативное регулирование правовой среды [Минбалеев, с. 59].

Искусственный интеллект как новейшая технология имитации деятельности человека

Важнейшими технологиями, обеспечивающими эффективность и действенность цифровизации, являются технологии искусственного интеллекта. Это технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [О развитии искусственного интеллекта...].

Основным направлением повышения уровня обеспечения российского рынка технологий искусственного интеллекта квалифицированными кадрами и уровня информированности населения о возможных сферах использования таких технологий является разработка и внедрение образовательных модулей в рамках образовательных программ всех уровней образования, программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для получения гражданами знаний, приобретения ими компетенций и навыков в области математики, программирования, анализа данных, машинного обучения, способствующих развитию искусственного интеллекта. При этом в целях развития перспективных методов искусственного интеллекта приоритетное значение приобретает конвергентное знание, обеспечиваемое в том числе за счет интеграции математического, естественно-научного и социально-гуманитарного образования. Само право в процессе цифровизации существенно изменяет свои формальные характеристики, хотя его сущность как регулятора общественных отношений остается неизменной.

Предлагаемый прототип рабочей программы (все, что предлагается, носит рекомендательный характер) целесообразно адаптировать для образовательных программ вузов с учетом Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.; передовых направлений развития сферы искусственного интеллекта, указанных в федеральном проекте «Искусственный интеллект»; сквозных технологий национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», ибо изучение содержания модуля показало, что его цели и задачи существуют отдельно от рассмотренного законодательства РФ и нормативных документов об искусственном интеллекте [Там же].

Общественной палатой РФ запланировано проведение цикла дискуссионных мероприятий в гибридной форме, что дает возможность принять в них как очное, так и дистанционное участие.

В рамках темы акцент делается на следующих аспектах: цифровое неравенство как фактор, препятствующий развитию общества; цифровой суверенитет как защита прав граждан от IT-гигантов; этические проблемы применения цифровых технологий: социально-экономические последствия; онлайн-образование: доступность VS качества; демократические и общественные институты в новой информационной и социокультурной реальности; вопросы выработки стратегии общественного противодействия киберпреступности и экстремизму в интернете.

Развитие искусственного интеллекта в условиях современной России

Публичная повестка сочетается со ставкой на новые технологии, где популярность приобретает тема искусственного интеллекта. Президент РФ В. В. Путин поддержал эту повестку, приняв участие в конференции Article Intelligence Journey 2023. Кроме того, в рамках работы с молодежью В. В. Путин встречался с участниками III Конгресса молодых ученых на площадке «Сириуса». Видимо, следует ожидать новые задачи по внедрению и использованию Национальной стратегии и развития искусственного интеллекта, учитывая, что не все умеют пользоваться инструментами ИИ.

Экономическая неопределенность в обозримой перспективе ведет к росту внимания к идеологической сфере, ориентации населения на традиционные семейные ценности. Эта тема прозвучала в выступлении по видеосвязи В. В. Путина на заседании Всемирного русского собора.

Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил своим указом Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обозначив, что в России подразумевается под «традиционными ценностями» и кто им угрожает. Документ ляжет в основу стратегического планирования при обеспечении национальной безопасности и усилит позиции охранительных сил [Об утверждении Основ государственной политики...].

В своем послании Федеральному собранию (2023) Владимир Путин отмечал, что молодежь должна иметь возможность как можно больше узнать о России, ее культуре, традициях, великом прошлом.

Вопросы духовного здоровья нации становятся объединяющим моментом. С этой точки зрения интересной является выставка «Россия». Все эти тенденции предполагают более гибкое управление политическими процессами с учетом массовых коммуникаций.

«Необходимо сохранить динамику роста нашей экономики. Решить фундаментальные вопросы кадрового обеспечения. Продолжить реализацию национальных проектов и федеральных программ, повысить качество жизни людей. Обеспечить достижения целей специальной военной операции. Всё это требует

единства общества», — отмечает полномочный представитель Президента России в Уральском федеральном округе Якушев [Якушев].

Правительство РФ своим Распоряжением от 6 октября 2021 г. № 2816-р утвердило перечень инициатив социально-экономического развития страны до 2030 г.

На первом этапе развития искусственного интеллекта в России в 2019–2021 гг. были приняты меры поддержки разработчиков и научных исследований, образовательные программы в школах и университетах, регулирующие эту сферу законы. Началась реализация федерального проекта «Искусственный интеллект» национального проекта «Цифровая экономика».

Ключевая цель второго этапа, рассчитанного на 2022–2030 гг., — масштабное внедрение ИИ в отраслях экономики и социальной сфере для повышения экономического роста, качества жизни населения, обеспечения технологического суверенитета и глобального лидерства России в области ИИ к 2030 г.

Главной технологией XXI в. стали нейросети и машинное обучение. Около 800 российских компаний работают в сфере ИИ, почти 90 % из них — перспективные стартапы. Около 53 % крупных российских компаний используют ИИ в своей деятельности. На 18 % вырос рынок ИИ в России в прошлом году (2021 г. — 550 млрд руб., 2022 г. — 650 млрд руб.). В 2023 г. эффект от снижения операционных расходов организаций за счет применения ИИ составил более 400 млрд руб., а к 2026 г. этот показатель превысит 1 трлн руб.

Цифровая трансформация должна вывести российские предприятия на принципиально новый уровень эффективности, обеспечивающий рост производительности труда и производство конкурентоспособной продукции для мировых рынков. Способом реализации этой важной государственной задачи может стать создание системы научно-производственной кооперации предприятий в виде цифровой платформы.

Применение искусственного интеллекта в медицине возрастет к 2026 г. почти в 10 раз. Искусственный интеллект может анализировать снимки КТ, МРТ и выявлять раковые опухоли с точностью до 85 %. От ИИ в медицине ждут поиска нестандартных решений, сокращения ошибок, подготовки клинических рекомендаций. Однако окончательный диагноз будет ставить врач.

Чтобы эту цель эффективнее реализовать, в обществе должно быть понимание и принятие технологий искусственного интеллекта. По данным опроса ВЦИОМ, все больше россиян положительно относятся к технологиям искусственного интеллекта. Если в 2021 г. им доверяли 48 %, то в 2022-м — уже 55 %.

Как россияне воспринимают технологии ИИ? 36 % — слышали о технологиях ИИ и могут объяснить, что это; 51 % — слышали, но не смогут объяснить, что это значит; 13 % — впервые слышат; 52 % — хотели бы в течение 2–3 лет пройти обучение в сфере технологий ИИ; 55 % — скорее доверяют технологиям ИИ, чаще доверяет молодежь 18–24 лет (75 %), люди с высшим образованием (61 %), материально обеспеченные (65 %); 32 % — скорее не доверяют; 29 % — опасаются, что на работе их может заменить ИИ [Опрос ВЦИОМ..., с. 11]. Чаще всего замечают применение ИИ в системе видеонаблюдения (79 %). Тем не менее у значительной

части людей сохраняются настороженность и предубеждения в отношении искусственного интеллекта.

Российское и мировое образование вступило в фазу активного освоения искусственного интеллекта. Новая информационная среда и современные информационные технологии меняют привычные формы и методы преподавания.

В целях исполнения Законодательства РФ и нормативных документов об искусственном интеллекте Минобрнауки 2 июля 2021 г. направило во все вузы РФ модуль «Системы искусственного интеллекта» для включения его с 1 сентября 2021 г. в образовательные программы по всем специальностям и направлениям подготовки.

Цифровые технологии расширяют возможности учащихся, учителей и родителей. Активно развивается Библиотека цифрового образовательного контента. Это масштабная база знаний по всем предметам и темам школьной программы. На ресурсе — 38 тыс. материалов: виртуальные лаборатории, видеоопыты, интерактивные тренажеры, ролики, инфографики, подкасты, кроссворды, мини-игры и многое другое. Также в стране открываются центры цифрового образования «IT-Куб». Вся эта работа идет в рамках нацпроекта «Образование».

Интернет начал заменять учебники, теряют популярность живые лекции (но при этом появился спрос на их аудио- и видеозаписи), переходят в дистанционный формат семинары, становятся неэффективными устоявшиеся формы академического контроля — письменные задания, экзамены, зачеты.

Одни преподаватели смотрят на происходящее позитивно, другие — с явным раздражением, третьи — таких, пожалуй, большинство — пытаются понять, как можно использовать открывающиеся возможности.

Авторы книги «Правовая аналитика: студенты и искусственный интеллект на экзамене» провели оригинальный образовательный эксперимент: искусственному интеллекту (GhatGPT) предложили ответить на список экзаменационных вопросов по дисциплине «Правовая аналитика» и сопоставили его тексты с письменными ответами студентов [Исаков, Мамцев]. В итоге получился двойной тест: знаний студентов и возможностей искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики, их можно сравнить.

В рамках нашей темы представляет интерес монография «Основы национальной безопасности (политико-правовой подход)», которая содержит авторский подход к рассмотрению базовых положений учебной дисциплины «Основы теории национальной безопасности» [Ступаков, Грачев, Гриняев, Мареев]. Ее изучение предусмотрено по направлению подготовки (специальности) «Правовое обеспечение национальной безопасности». Особенностью издания является его ориентированность на студентов учебных учреждений России и ряда стран СНГ, готовящих специалистов по обеспечению безопасности.

В целях обеспечения конституционных прав граждан, в частности права на образование, по мнению А. В. Швабауэр, члена экспертно-консультативного совета по вопросам семейного права при Совете Федерации, необходимо: внести поправки в национальный проект «Образование» (утвержден президиумом

Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и нацпроектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16) в целях прекращения реализации проекта «Цифровая образовательная среда»; обеспечить широкое публичное экспертное обсуждение содержания нацпроекта «Образование» в части цифровизации в сфере образования, профессиональную оценку влияния такой цифровизации на здоровье, психическое, физическое, интеллектуальное и духовно-нравственное развитие обучающихся, усвоение образовательных программ обучающимися, на национальную безопасность Российской Федерации [Доклад эксперта СФ...].

В рамках построения «цифрового общества», в котором глубокой трансформации подвергаются и производство, и сфера услуг, и вся система государственного управления, необходимо учитывать экспертные оценки (рецензии) заинтересованных министерств и ведомств, научных сообществ. Нужно помнить, что «...не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно...» [Маркс, Энгельс, т. 1, с. 7–8].

При этом следует учесть, что цифровизация права — не единственное направление развития общественных отношений. Цифровизация оказывает огромное, решающее влияние на современное общество и становится главным, определяющим фактором развития всех сфер общественной жизни — экономической, политической, социальной и правовой.

Заключение

Важнейшей закономерностью развития общества является процесс цифровизации общественных отношений. Это способ организации государственной власти, основанный на информационных технологиях, который позволит обеспечить целенаправленность и эффективность в развитии всех сфер общественных отношений.

При этом цифровизация влечет за собой формирование новейших технологий. Важнейшей из них является технология искусственного интеллекта. Искусственный интеллект — это способность компьютера обучаться, принимать решения и выполнять действия, свойственные человеческому интеллекту. Использование технологий искусственного интеллекта в социальной сфере способствует улучшению условий жизни каждого индивида за счет улучшения качества услуг в сфере здравоохранения, образования и в иных государственных и общественных сферах.

Российская Федерация обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из лидеров в развитии и использовании технологии искусственного интеллекта. Она выступает одной из значимых технологий, которые заложены в федеральную программу «Цифровая экономика». Сегодня 85 % крупных российских предприятий используют технологии искусственного интеллекта в организации своей деятельности.

Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. может помочь решить проблемы в развитии нейросетей в России, такие

как нехватка вычислительных мощностей; недостаточное развитие отечественных решений в области искусственного интеллекта; дефицит высококвалифицированных специалистов и инновационных разработок в области ИИ; низкий уровень внедрения технологий искусственного интеллекта в государственном управлении; нормативные барьеры, необходимость обеспечения защиты персональных данных при создании и обучении моделей ИИ.

Азарков М. М. Ценность частного права // Сб. тр. проф. и преподавателей Иркут. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Иркутск, 2021. Вып. 1.

Гражданский кодекс Российской Федерации. ФЗ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 19.04.2024).

Доклад эксперта СФ и ОУЗС, к. ю. н. Анны Швабауэр для ВРНС «Цифровые эксперименты в образовании как антидемографический фактор»: полная текстовая версия со слайдами // РИА «Катюша»: патриот. интернет-СМИ. URL: <https://katyusha.org/obrazovanie/k.yu.n.-anna-shvabauer-cifrovizacziya-obrazovaniya-antidemograficheskij-faktor-nesushhij-pryamuuy-ugrozu-naczbezopasnosti-rossii.html> (дата обращения: 16.04.2024).

Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газ. 2018. 29 мая.

Исаков В. Б., Мамцев Р. В. Правовая аналитика: студенты и искусственный интеллект на экзамене: монография / [отв. ред. А. П. Семитко]. М., 2024. 244 с.

Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 6. С. 6–28.

Косоруков А. А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством. М., 2015.

Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2018. № 2.

Маркс К, Энгельс. Ф. Сочинения. Т. 1, 3.

Минбалева А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права, 2019. № 4. С. 58–64.

О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063?index=1>

О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 10.01.2024).

Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.01.2024).

Опрос ВЦИОМ в конце 2022 г., участвовали 1600 респондентов // АиФ. 2023. № 36. С. 11.

Первалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации М., 2022.

Ступаков Н. В., Грачев А. Ю., Гриняев С. Н., Мареев П. Л. Основы национальной безопасности (политико-правовой подход) / под общ. ред. Н. В. Ступакова. СПб., 2023. 320 с.

Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал рос. права. 2018. № 2. С. 5–17.

Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации : лекция. СПб., 2019. 36 с. (Избранные лекции университета (СПбГУП). Вып. 189).

Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на цифровую экономику и общество: преимущество, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

Цифровизация публичного управления : учеб. пособие. Екатеринбург, 2022.

Шабуров А. С. Проблемы теории права в условиях цифровизации общества // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2021. № 4. (32). С. 7–14.

Якушев В. Полномочный представитель Президента России в Уральском федеральном округе. Поздравления с Новым годом // Обл. газ. 2023. 27 дек., № 294. С. 3.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Научная статья

УДК 378.147 + 374.3:81'276.2 + 81'373.613 + 811.161.1'373.614 + 81'373.45

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.037

ЯЗЫКОВОЙ ФОН СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Владислав Львович Бенин

Башкирский государственный педагогический

университет им. М. Акмуллы,

Уфа, Россия,

benin@lenta.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8357-9959>

А н н о т а ц и я. В статье представлена попытка социокультурного и социолингвистического исследования влияния, которое оказывает на учебно-воспитательный процесс педагогического вуза повседневный и квазипрофессиональный речевой фон. Раскрыто негативное влияние на профессиональное становление будущих педагогов обсценной лексики в обыденной речи студентов и иноязычных заимствований в лексике учебного процесса. Научная новизна исследования состоит в доказательстве того, что языковой фон современной обыденной и квазипрофессиональной речи, которую слышат современные студенты, не способствует их будущему профессиональному становлению. В связи с этим противодействие сквернословию и необоснованным иноязычным заимствованиям в учебно-воспитательном процессе педагогических вузов следует рассматривать не в общевоспитательном контексте и не в контексте формирования «гибких компетенций», но как работу по формированию профессионально необходимых педагогических качеств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: воспитание; педагогическое образование; ненормативная лексика; иноязычные заимствования; русская речь

THE LINGUISTIC BACKGROUND OF THE MODERN PROCESS OF EDUCATING FUTURE TEACHERS

Vladislav L. Benin

*Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla,
Ufa, Russia,*

benin@lenta.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8357-9959>

A b s t r a c t. The author makes an attempt of sociocultural and sociolinguistic analysis of how the content of everyday speech and quasi-professional speech background affects the educational process in higher education for future teachers. The negative influence of obscene vocabulary in students' everyday speech and foreign language borrowings in the vocabulary of the educational process on the professional formation of future teachers was revealed. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is proved that the linguistic background of modern everyday and quasi-professional speech heard by modern students does not stipulate their future professional formation. In this regard, the counteraction to profanity and unjustified foreign language borrowings in the teaching process of pedagogical universities should be considered not in the general pedagogical context and not in the context of the formation of «flexible competences», but as a task to form professionally necessary pedagogical qualities.

К е y w o r d s: upbringing; pedagogical education; profanity; foreign language borrowings; colloquial Russian

Введение

Чрезвычайная актуальность вопросов духовно-нравственной проблематики для современного российского социума вызвана двумя причинами. Первая из них — отмеченное президентом страны возрастание потребности в нравственных регуляторах всех сфер его жизнедеятельности [Об утверждении Основ государственной политики...]. Причина вторая — несущая угрозу национальному менталитету резкая девальвация традиционных моральных ценностей как в частной, так и в общественной практике россиян [Ковалев]. Нет надобности доказывать, что вторая причина порождает первую. Нет надобности доказывать и то, что данное положение актуализирует проблему воспитательной работы в студенческой среде.

Как известно, форм и методов воспитания существует немало. При этом у теоретиков и практиков педагогики не вызывает сомнений низкая эффективность универсальных форм воспитательного воздействия, т. е. работы без учета социальной и возрастной специфики воспитуемых. Мы не будем касаться возрастной специфики. Что же до специфики социальной, то, как справедливо отмечает С. Д. Поляков, в нормативных документах и публикациях, относящихся к сфере воспитания, «поражает их совершенная несоотнесенность с социальными

тенденциями» [Поляков, с. 21]. Автор настоящей статьи пытается способствовать изменению такого положения хотя бы применительно к воспитанию студентов педагогических вузов.

Студенчество является специфическим объектом воспитательного воздействия и в последние годы по целому ряду причин вызывает все более пристальное внимание педагогов и наставников. Показательно, что, выступая на Петербургском международном экономическом форуме, директор Корпоративной академии Росатома Ю. Б. Ужакина отмечала: «...выпускников вузов мы стараемся не только доучивать, но и доращивать как людей» [Воспитательная деятельность в вузе, с. 5], т. е. воспитывать. И если это важно для технических специалистов, то вдвойне важно для будущих педагогов, поскольку, как справедливо утверждал непопулярный ныне основоположник марксизма, «воспитатель сам должен быть воспитан» [Маркс, с. 2].

Методология исследования

В последние годы проблемы воспитательной работы со студенчеством поднимаются как на страницах научно-педагогической периодики (см., например: [Губанова; Хатуев]), так и в более крупноформатных изданиях (см. [Бенин, Лутфуллин, Попов; Осипов]). При исследовании ее специфики в условиях педагогического вуза внимание, как правило, уделяется довольно традиционным моментам. Вот пример, характерный для подобных публикаций: «...компоненты реализации воспитательной системы в социокультурной среде составляют целостную структуру современного педагогического вуза. Эффективность ее функционирования обеспечивается комплексным взаимодействием с учетом всех вышеперечисленных условий: целенаправленного педагогического содействия формированию средствами создания ценностной картины мира; широкого применения интерактивных методов и форм обучения; метода педагогического сопровождения воспитания и развития личности студента, а также фасилитаторского стиля взаимодействия; корректировки направленности досуговой деятельности студентов; активным применением социальных, историко-патриотических, экологических и гуманитарных проектов и др.» [Условия реализации воспитательной системы..., с. 628–629]. Как видим, весь процесс локализован в рамках вуза. Но (при всем уважении к авторам и значимости названных видов деятельности) так ли это?

Нашим жизненным убеждением и одновременно научно-методологическим принципом выступает уверенность в том, что «...педагог не свободен в своих воспитательно-образовательных возможностях. В основе конкретных форм и методов его профессиональной деятельности лежит определенный, исторически сформировавшийся социокультурный комплекс. Механизмы и закономерности функционирования этого социокультурного комплекса оказывают определяющее, хотя и не всегда прямое, воздействие на систему образования, задавая границы ее воспитательных и образовательных возможностей» [Бенин, с. 13]. О некоторых современных лингвистических аспектах такого воздействия и пойдет речь ниже.

Результаты исследования

Как известно, язык — это не только средство общения и главное «орудие труда» педагога. Язык — это средство мышления. Исследователи установили, что язык, на котором говорит человек, напрямую влияет на его когнитивные процессы [Ученые доказали...]. Современные российские студенты, если можно так выразиться, разговаривают «на двух языках» — на языке обыденной речи вне вузовских стен и на «языке высокой науки» в стенах *alma mater*. Влияние этого «билингвизма» на воспитательный процесс педагогического вуза мы и рассмотрим.

Последние три десятка лет характеризуются активным выходом абсценной лексики (проще, лексики нецензурной, еще проще — русского мата) за границы ее традиционных «резерваций» [Лекция «О вреде сквернословия»]. Вопреки законодательным нормам, карающим за ее применение, нецензурная лексика сегодня не ограничивается преимущественно мужскими коллективами, обитающими в зоне социального дна. Для констатации «социального и гендерного матерного равенства» даже не нужны социолингвистические исследования. Повседневный обыденный опыт подтверждает его, что называется, на каждом шагу. «Имеющий уши, да услышит».

Причины такого изменения требуют отдельного рассмотрения. Отметим лишь вклад, внесенный в это «не богоугодное дело» («оскорбление ближнего всяким бранным словом» в Законе Божьем трактуется как прегрешение против заповеди «Не убий» [Бенин, с. 486]) плодами трудов отечественной творческой интеллигенции. Первой среди равных выступает здесь драматургия Николая Коляды. Он, однако, далеко не одинок. Известный столичный театральный деятель А. А. Ширвиндт, вспоминая народного артиста СССР Г. П. Менглета, счел нужным охарактеризовать его как «изящно-матерного классика этого жанра» [Александр Ширвиндт]. Примеры можно продолжить...

Впрочем, и научно-педагогическая интеллигенция внесла в дело легитимизации неформальной лексики свою лепту. Достаточно сказать, что пришедшие из криминального мира понятия «косяк/накосячил», как обозначение допущенной большой ошибки, прочно прописались в лабораториях и на кафедрах.

Широкое распространение бранной лексики «по городам и весям» способствовало активизации интереса к ее исследованиям за рамками чистой филологии. В итоге неожиданно для многих выяснилось, что мат разрушает структуры генов. Научной группой под руководством доктора биологических наук И. Б. Белявского было установлено, что «ненормативная лексика приводит к гормональному дисбалансу и мутации генов», что «...бранное слово приводит к мутации генов подобно радиационному облучению» [Влияние мата на здоровье].

Что из этого следует? В странах, где отсутствует ругань, указывающая на детородный орган, синдромы ДЦП и Дауна не обнаружены [Мистические истоки...]. В странах СНГ эти болезни не только существуют, но последние 30 лет (30 лет «пандемии» мата) идут в рост. Совпадение? Возможно. Но и оно заставляет по-новому посмотреть на лексический фон процесса воспитания.

Однако влияние мата на здоровье и долголетие человека — это один аспект. Есть и второй. Коллеги из звенигородского училища олимпийского резерва Г. М. Жукова и О. В. Венедюхина показали, «что нецензурная лексика подавляет индивидуальность как говорящих, так и слушающих, приучает к стереотипным реакциям. *Непристойные слова и выражения отучают человека от привычки объяснять, что он имеет в виду, от умения анализировать ситуацию и выражать свои мысли в развернутом виде* (выделено мною. — В. Б.)» [Жукова, Венедюхина, с. 260]. Их мнение коррелирует с выводами коллег из Калининградского государственного технического университета М. Н. Арслановой и В. А. Шахова [Арсланова, Шахов]. Надо ли говорить, что значит неумение объяснять, анализировать и выражать свои мысли для будущих педагогов?

Поэтому борьбу со сквернословием в педагогических вузах следует рассматривать не в общевоспитательном контексте «за все хорошее против всего плохого» и даже не в контексте пресловутых «гибких компетенций», а как работу по формированию профессионально необходимых педагогических качеств. Заметим, что об этической стороне употребления будущими педагогами абсценной лексики мы даже не упоминаем в связи с ее очевидной аморальностью.

На наш взгляд, можно утверждать, что языковой фон современной обыденной речи не способствует делу воспитания будущих педагогов. Но и с языковой средой в стенах *alma mater* не все однозначно.

Эпохальное вторжение в учебный процесс IT-средств сбора, обработки, хранения и передачи информации, вместе с порожденными ими новыми образовательными технологиями, закономерно повлекло за собой «лингвотолерантный подход к постоянному пополнению английскими заимствованиями словарного состава любого родного языка как неизбежному следствию научно-технического прогресса и социально-культурных процессов общемировой интеграции» [Лашкова, Матяшевская, с. 152]. Саратовские филологи А. В. Дегальцева и О. Б. Сиротина выделяют девять сфер активного заимствования современным русским языком иноязычной, преимущественно английской, лексики [Дегальцева, Сиротина, с. 10–12]. Образования среди них нет. Но лидирующее место занимает сфера IT, которая сегодня активнейшим образом покоряет все образовательное пространство, привнося в него свою терминологию и делая ее все более англоязычной.

Применительно к информационным технологиям это объяснимо. Русское слово «спутник» было воспринято во всех частях планеты не благодаря усилиям отечественных культурных центров за рубежом, а как следствие эпохального старта 4 октября 1957 г. Но в современном российском образовании (чем дальше, тем больше) иноязычные заимствования стали агрессивно вторгаться в некомпьютерные сферы родной речи, вытесняя слова, аналоги которых есть в русском языке.

На наших глазах научные форумы утратили докладчиков, выступающих и руководителей секций, чье место заняли *модераторы* и *спикеры*. Исчезли лаборатории для групповых занятий, но появились *коворкинг*-центры. «Расписание занятий» было вытеснено «Расписанием занятости *локаций*». На смену сотрудничеству и взаимодействию пришла *колаборация*. Вести постоянные

наблюдения за студенческой жизнью уже нельзя. Оную жизнь следует непременно *мониторить*. Нельзя даже просто прибраться в аудиториях. Это *клиринг*! Интернет пестрит предложениями всевозможных программ, включающих *воркшопы, нетворкинг*, встречи с *трекерами и менторами*. Таково наше светлое «педагогическое сегодня». Что же до «педагогического завтра», оно еще лучезарнее, ибо там появятся новые педагогические профессии: *тьютор, координатор образовательной онлайн-платформы, модератор учебных учреждений, валидатор знаний, ментор стартапов* [Атлас новых профессий, с. 432–439].

Исследователи русского языка констатируют засилье англицизмов, которое сейчас приобретает катастрофические масштабы. Данное безудержное заимствование вступает в противоречие с представлениями об оптимальном развитии отечественной лингвокультуры [Брусенская, Котаева, с. 24]. И это конфликт не языковой, это конфликт ценностный.

Заключение

Проблема владения будущими педагогами образной и грамотной русской речью, увы, актуальна повсеместно. Во-первых, как уже отмечалось, при любых ИТ-технологиях это главное «орудие труда» педагога. Во-вторых (по очередности, но не по значимости), это главное средство приобщения к ценностям родной культуры, т. е. гражданско-патриотического воспитания. Эта мысль читается в словах прекрасной отечественной актрисы Рины Зеленой: «Какое счастье уметь говорить правильно по-русски, читать и слушать, как красива русская речь! Сейчас многие говорят неправильно, небрежно — это глупо и безнравственно» [Зеленая].

Актуальность этой проблемы, по понятным причинам, резко возрастает в национальных субъектах Российской Федерации. Позволим себе риторический вопрос. Так ли уж необходимы вчерашним абитуриентам из башкирской, якутской или кабардинской глубинки приснопамятные воркшопы и нетворкинги или для их воспитания и профессионального становления важнее образцовая русская речь, носителем которой должен выступать вузовский преподаватель? Для нас ответ очевиден. Но этого преподавателя, а с ним и его воспитательное воздействие, все активнее вытесняют образовательные ИТ-технологии, основанные на иноязычной лексике и способные хорошо передать информацию, но неспособные оказывать воспитательное воздействие, поскольку личность ученика может формировать только личность учителя.

Дабы избежать обвинений в обскурантизме, отметим, что мы говорим о минусах ИТ-технологий не потому, что отрицаем их плюсы. Но именно агрессивное проникновение через них иноязычной/англоязычной лексики в традиционную образовательно-воспитательную сферу русского языка небезопасно. Крымские коллеги правы: «...следует понимать, что дистанционное обучение никогда не заменит стандартное образование полностью и тем более его качество. Полное внедрение в обучение онлайн-образования его просто уничтожит, как таковое» [Семь

основных проблем...]. И если это верно относительно обучения, то вдвойне верно применительно к воспитанию, которое идет в педагогических вузах на неблагоприятном лексическом фоне бытовой нецензурной лексики и агрессивного иноязычного заимствования.

Александр Ширвиндт: «Об этом дуэте можно сочинять трактаты...». URL: https://vk.com/@alexander_shirvindt-aleksandr-shirvindt-ob-etom-duete-mozhno-sochinyat-traktaty (дата обращения: 12.12.2023).

Арсланов М. Н., Шахов В. А. Проблема ненормативной лексики в социокультурной среде // Вестн. молодеж. науки. 2021. № 1. URL: <https://cyber-leninka.ru/article/n/problema-nenormativnoy-leksiki-v-sotsiokulturnoy-sfere> (дата обращения: 14.12.2023).

Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М., 2020. 456 с.

Бенин В. Л. Педагогическая культурология : курс лекций. Уфа, 2004. 515 с.

Бенин В. Л., Лутфуллин Ю. Р., Попов А. Н. Прикладная педагогика воспитания в высшем учебном заведении : монография. Воронеж, 2023. 211 с.

Брусенская Л. А., Котаева А. Р. Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке XXI века // Вестн. Нижегород. гос. лингв. ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2022. № 60. С. 24–38.

Влияние мата на здоровье человека // LiveJournal. URL: <https://svetorusie.livejournal.com/77351.html> (дата обращения: 20.12.2023).

Воспитательная деятельность в вузе: современные подходы : монография. Екатеринбург, 2022. 344 с.

Губанова Н. Ф. Особенности воспитательной работы в культурной среде вуза // Пед. образование и наука. 2022. № 4. С. 28–32.

Дегальцева А. В., Сиротина О. Б. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ // Филология и человек. 2022. № 4. С. 7–25.

Жукова Г. М., Венедюхина О. В. Значение бранной лексики в здоровье человека // Оптимизация учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях физической культуры : материалы XXXII нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Челябинск, 2022. С. 259–261.

Зеленая Р. Разрозненные страницы // libking : сайт. URL: <https://libking.ru/books/nonf/nonf-biography/1115811-7-rina-zelenaya-razroznennye-stranicy.html#book> (дата обращения: 01.12.2023).

Ковалев А. А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Соц.-полит. исслед. 2022. № 3. С. 33–46.

Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Англицизмы в современном русском языке // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Сер. : Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 151–157.

Лекция «О вреде сквернословия» // Инфоурок : сайт. URL: https://infourok.ru/lekcija_na_temu_skvernoslovie-575574.htm (дата обращения: 20.12.2023).

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 1–4.

Мистические истоки такого явления, как мат, уходят в языческое прошлое. URL: <http://gram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1199730> (дата обращения: 16.01.2023).

Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября

2022 г. № 809 // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 21.05.2023).

Осипов П. Н. Воспитательная деятельность в инновационном вузе : учеб. пособие. Казань, 2019. 264 с.

Поляков С. Д. Воспитание: видимое и невидимое. Координаты реалистического воспитания. СПб., 2023. 264 с.

Семь основных проблем современного дистанционного обучения // Disshelp : сайт. URL: <https://disshelp.ru/blog/7-osnovnyh-problem-sovremennogo-distantcionnogo-obucheniya> (дата обращения 01.06.2023).

Условия реализации воспитательной системы в социокультурной среде педагогического вуза / Т. В. Тимохина, М. А. Горшкова, Т. Г. Юсупова и др. // Образовательное пространство в информационную эпоху — 2019 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 617–630.

Ученые доказали, что язык, на котором говорит человек, напрямую влияет на когнитивные процессы // Милосердие.ru : православ. портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/uchenye-dokazali-chto-yazyk-na-kotorom-govorit-chelovek-napryamu-vliyaet-na-kognitivnye-proczessy> (дата обращения: 28.11.2023).

Хатуев Р. С. Традиции и инновации в воспитательной среде вуза // Эконом. и гуманитар. исслед. регионов. 2022. № 5. С. 69–72.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024 г.

Научная статья

УДК 379.8 + 377.5 + 330.163.14 + 316.61 + 378(470.54)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.038

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ПУШКИНСКАЯ КАРТА» СРЕДИ СТУДЕНТОВ ОРГАНИЗАЦИЙ СПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЗГЛЯД ПЕДАГОГОВ

Полина Анатольевна Амбарова¹

Татьяна Владимировна Дмитриева²

Ирина Сергеевна Мусина³

^{1,2,3}Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

¹p.a.ambarova@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

²tatyana-dmitrieva-97@yandex.ru

³irinamusina1907@gmail.com

А н н о т а ц и я. В статье представлен взгляд педагогов колледжей на проблемы реализации программы «Пушкинская карта» среди студентов организаций среднего профессионального образования (СПО) Свердловской области. Исследование актуализировано необходимостью выявления барьеров, препятствующих включению студентов организаций СПО в программу «Пушкинская карта», и условий, которые позволят учащейся молодежи в полной мере использовать возможности посещения культурных учреждений и мероприятий. Цель статьи — раскрыть проблемы вовлеченности студентов и их педагогов в реализацию программы «Пушкинская карта». Эмпирической основой статьи послужили материалы анализа документов, опроса студентов и интервью педагогов организаций СПО Свердловской области (2023 г.). Обосновывается вывод о потенциале Пушкинской карты как фактора повышения не только культурного уровня студентов колледжей, но и в целом их академической успеваемости. В качестве ключевых барьеров, препятствующих реализации программы, указаны сниженный интерес к программе со стороны как студентов, так и преподавателей, технические трудности, а также слабость проводимых информационных кампаний. В то же время выявлена готовность педагогов включаться в продвижение программы при создании благоприятных организационных условий для этого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: программа «Пушкинская карта»; студенты организаций СПО; педагоги СПО; вовлеченность студентов в культурные программы; культурные интересы и потребности

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование проведено по инициативе и при поддержке Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. Статья подготовлена в рамках исследования «Проблемы реализации в Свердловской области программы популяризации культурных мероприятий “Пушкинская карта”

© Амбарова П. А., Дмитриева Т. В., Мусина И. С., 2024

среди студентов организаций СПО», проведенного в составе научного коллектива УрФУ: П. А. Амбаров (руководитель), М. А. Бычковой, А. А. Васюкович, Т. В. Дмитриевой, И. С. Мусиной, Ю. С. Смирновой.

**PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION
OF THE PUSHKIN MAP PROGRAM
AMONG STUDENTS OF VOCATIONAL ORGANIZATIONS
IN THE SVERDLOVSK REGION: THE TEACHERS' POINT OF VIEW**

Polina A. Ambarova¹
Tatyana V. Dmitrieva²
Irina S. Musina³

^{1,2,3}*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

¹*p.a.ambarova@urfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>*

²*tatyana-dmitrieva-97@yandex.ru*

³*irinamusina1907@gmail.com*

Abstract. In the article the perception of college teachers regarding the problems of implementing the Pushkin Map program among students of vocational education organizations (VEO) in the Sverdlovsk region is presented. The topicality of the study is due to the need to identify barriers preventing the inclusion of students of VEO in the Pushkin Map program, and conditions that will allow students to fully use the opportunities to visit cultural institutions and events. The purpose of the article is to reveal the problems of involvement of students and their teachers in the implementation of the Pushkin Map program. The empirical basis of the article was formed by the documents' analysis, a survey where the students were involved as well as the interviews with the teachers of VEO of the Sverdlovsk region (2023). The authors conclude that the Pushkin Map program does have a potential as a factor stipulating not only the growth of cultural level growth of college students, but as a factor of academic performance improvement in general. The key barriers to the implementation of the program are lack of interest to the program from both students and teachers, technical difficulties, as well as poor information campaigns. At the same time, the willingness of teachers to be involved in the promotion of the program was revealed, under conditions of favorable institutional conditions.

Keywords: the Pushkin Map program; students of vocational education organizations; vocational education teachers; student involvement in cultural programs; cultural interests and needs

Acknowledgments. The study was conducted upon the initiative and under the support of the Ministry of Education and Youth Policy of the Sverdlovsk region. The article was prepared within the framework of the study "Problems of the implementation in the Sverdlovsk region of the program for the popularization of cultural events 'Pushkin Ma' among students of vocational education organizations",

conducted as part of the UrFU research team: P. A. Ambarova (head), M. A. Bychkova, A. A. Vasyukovich, T. V. Dmitrieva, I. S. Musina, Yu. S. Smirnova.

Введение

Каждому современному молодому человеку необходимо ориентироваться в культурно-историческом наследии и достижениях в области культуры и искусства как своей страны, так и всего мира. Государство активно способствует процессу просвещения и воспитания детей и молодежи. Оно обладает инструментами активного привлечения студентов организаций среднего профессионального образования (СПО) к изучению художественной культуры и искусства, формирования у них мотивации к освоению ценностей отечественной и мировой культуры, повышению культурного уровня. Программа «Пушкинская карта», запущенная в России в 2021 г. [О социальной поддержке молодежи...], дает большие возможности студентам СПО изучать культуру и искусство, приобщаться к культурным ценностям, а педагогам — выполнить свою профессиональную роль по просвещению молодежи.

В то же время реализация программы сталкивается со множеством проблем, обусловленных неразвитостью культурно-развлекательной инфраструктуры российских территорий [Злотникова, Шашук, Ручкина], низким уровнем культурной активности определенной части молодежи [Касьянова, Виноградова, Кохан], мошенническими действиями со средствами Пушкинской карты [Груздева, Калачикова], недостаточностью средств для удовлетворения культурных потребностей активной молодежи, противоречиями в системе управления программой [Таникова] и др.

Описанная проблемная ситуация в тех или иных ее аспектах характерна и для студентов СПО Свердловской области. Министерством образования и молодежной политики Свердловской области в 2022 г. проведен мониторинг вовлеченности студентов профессиональных образовательных организаций в программу «Пушкинская карта». По данным мониторинга, 40 002 студента профессиональных образовательных организаций Свердловской области зарегистрированы в программе «Пушкинская карта». С 1 января 2022 г. 15 000 студентов колледжей и техникумов посетили 1475 мероприятий (включая кинотеатр) по программе «Пушкинская карта» организованными группами, что составило 37,49 % от зарегистрированных. При этом, согласно данным Росстата на 1 января 2021 г., в Свердловской области проживало 445 019 чел. в возрасте от 14 до 24 лет, из них: в возрасте 14–15 лет — 88 921 чел., в возрасте 16–17 лет — 86 809, в возрасте 18–19 лет — 77 790, в возрасте 20–24 года — 191 499 чел. [Свердловские власти запустят...]. При изучении данных установлено, что менее 10 % проживающих на территории области граждан от 14 до 24 лет зарегистрированы в программе «Пушкинская карта». Следовательно, можно отметить невысокую степень вовлеченности студентов организаций СПО в программу и отсутствие у них устойчивого интереса и мотивации к изучению и восприятию культурных ценностей.

В связи с этим нами было проведено социологическое исследование, охватившее как студентов организаций СПО, так и их преподавателей. Для нас было важно посмотреть на проблему глазами педагогов, выступающих источниками информации о программе «Пушкинская карта», организаторами посещений мероприятий и субъектами, которые формируют у учащейся молодежи интерес к культурной жизни.

Соответственно, объектом исследования, проведенного в 2023 г., являлись педагоги организаций СПО Свердловской области. Предметом — вовлеченность студентов и педагогов в реализацию программы «Пушкинская карта» в Свердловской области. Цель статьи состоит в рассмотрении мнения преподавателей колледжей о проблемах реализации программы «Пушкинская карта» среди студентов организаций СПО в Свердловской области. Для достижения цели были поставлены следующие исследовательские задачи: 1) изучить отношение педагогов организаций СПО к программе «Пушкинская карта» и выявить их мнение о проблемах, которые возникают у студентов при использовании карты; 2) определить степень вовлеченности педагогов в процесс продвижения и реализации программы «Пушкинская карта»; 3) рассмотреть мнение педагогов об эффективных методах продвижения программы «Пушкинская карта». Эти исследовательские вопросы определили структуру статьи и ключевые выводы по исследованию, представленные в ней.

Эмпирической базой статьи выступили материалы социологического исследования, реализованного в 2023 г. с помощью трех методов: анализа документов, анкетирования и экспертного интервью. Анализ предполагал изучение федеральных и региональных документов, а также публикаций в СМИ по реализации программы «Пушкинская карта» в Свердловской области. Были использованы следующие источники: «Областная газета» [Проект — «пушка»...], информационный портал «Культура Урала» [Количество участников проекта...; Более 53 тысяч зрителей...], информационный портал «ТАСС» [Свердловские власти запустят...], информационный портал г. Верхняя Пышма «ГрифонИнфо» [Количество свердловских учреждений...], «МК Урал» [162 свердловские организации культуры...], газеты «Комсомольская правда» [В Свердловской области начали...] и «Уральский рабочий» [За полгода юные екатеринбуржцы...], Свердловское областное телевидение [На «Пушкинские карты» свердловчан...], «Безформата» [Более 30 тысяч билетов...].

В анкетировании приняли участие студенты и преподаватели организаций среднего профессионального образования Свердловской области. Нами было опрошено 5 048 студентов организаций СПО в возрасте от 16 до 18 лет. В экспертном опросе приняло участие 969 преподавателей, из них 82,9 % женского пола и 17,1 % — мужского, в возрасте до 30 лет — 15,1 %, в возрасте от 30 до 50 лет — 49 %, старше 50 лет — 35,9 %. Большинство (84,9 %) опрошенных имеет высшее образование, 15,1 % — среднее профессиональное. 6,5 % опрошенных занимают управленческие должности. Почти треть (34,9 %) преподают гуманитарные дисциплины, 23,2 % — дисциплины естественно-научного профиля, 22,4 % — социально-экономические, 19,5 % — точные науки.

Результаты исследования

Особенности реализации программы «Пушкинская карта» в Свердловской области

Согласно данным Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, на территории региона в 2022 г. было зарегистрировано 88 организаций СПО, в которых обучалось 69 619 студентов в возрасте до 22 лет [Свердловские власти запустят...]. Пушкинскую карту на тот момент получили 37 159 учащихся организаций СПО, что составило 53,4 % от общего числа студентов, обучающихся в организациях СПО. За 2021–2022 гг. организации провели активную работу по вовлечению подростков в проект, и 37 из них на момент проведения мониторинга были на стадии оформления первокурсников для участия в проекте.

Постановлением Правительства РФ № 1521 от 8 сентября 2021 г. «О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры» были установлены порядок и условия реализации программы социальной поддержки молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры по программе «Пушкинская карта» [О социальной поддержке молодежи...]. Данная программа реализовывалась для граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 22 лет включительно в целях повышения доступности посещения мероприятий, проводимых организациями культуры. Номинал карты был установлен в размере 3 тыс. руб.

Постановлением Правительства РФ № 1357 от 17 августа 2021 г. были утверждены правила предоставления субсидии акционерному обществу «Почта Банк» на финансовое обеспечение реализации в Российской Федерации программы социальной поддержки молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры [Об утверждении Правил предоставления субсидии...].

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации провело разработку мобильного приложения, обеспечивающего регистрацию граждан в единой системе идентификации и аутентификации, а также подготовило реестр сведений о проданных билетах на основании данных, представленных организациями культуры, оператором и иными участниками программы «Пушкинская карта».

Министерство культуры Российской Федерации в рамках реализации программы «Пушкинская карта» осуществляло общую координацию работы, в том числе обеспечивало процесс отбора и включения организаций культуры и мероприятий в реестр организаций культуры и реестр мероприятий.

Типы учреждений культуры — участников программы «Пушкинская карта» были следующие: театры, кинотеатры, музеи, библиотеки, концертные залы, образовательные учреждения, дома культуры. Однако стоит отметить, что кинотеатры были не сразу включены в данный перечень. Они вошли в список участников программы согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 2509 от 28 декабря 2021 г. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства

Российской Федерации, связанные с реализацией мер по социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры» [О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации...]. Данным документом также был увеличен номинал карты, с 2022 г. он составил 5 тыс. руб. На посещение кинотеатров можно потратить не более 2 тыс. руб. в год. Приобретать билеты по Пушкинской карте можно только на российские фильмы, созданные при поддержке Министерства культуры РФ и Фонда кино.

Постановлением устанавливалась возможность для военнослужащих и граждан в возрасте от 14 до 22 лет включительно, обучающихся в военных образовательных организациях, принимать участие в программе «Пушкинская карта» с учетом особенностей, связанных с военной службой и требованиями, установленными Федеральным законом № 76-ФЗ от 27 мая 1998 г. «О статусе военнослужащих».

Согласно Федеральному закону № 390-ФЗ от 6 декабря 2021 г. «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», на реализацию программы «Пушкинская карта» в 2022 г. было выделено 16 млрд руб. [О федеральном бюджете на 2022 год...]. Фактические показатели реализации проекта «Пушкинская карта» в Российской Федерации и Свердловской области, актуальные на 31 декабря 2022 г., отражены в табл. 1 и 2 и соответствуют паспорту федерального проекта «Пушкинская карта», размещенному на сайте Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, а также сайте Министерства культуры Свердловской области.

Таблица 1

**Показатели реализации проекта «Пушкинская карта»
в Российской Федерации (2021–2022 гг.)**

Год	Количество участников программы, тыс. чел.	Количество приобретенных билетов, млн шт.	Количество выданных карт, млн шт.
2021	3,2	3,1	3,6
2022	5	11,2	7

Таблица 2

**Показатели реализации программы «Пушкинская карта»
в Свердловской области (2021–2022 гг.)**

Год	Численность организаций СПО (с филиалами), ед.	Численность студентов, тыс.	Количество участников программы, ед.	Количество приобретенных билетов, тыс.	Число учреждений культуры, ед.
2021	111	121	37159	50*	80
2022	111	123	40 002	214**	390

Источники: * [Количество участников проекта...]; ** [Данные о количестве приобретенных билетов...].

На основании анализа Межведомственного плана по реализации в Свердловской области программы по популяризации культурных мероприятий среди молодежи «Пушкинская карта» от 2 сентября 2021 г. № 01-01-41/56 можно сделать вывод о том, что участниками программы уже стали 40 государственных и муниципальных учреждений региона — театры, музеи, концертные организации, культурные центры. За реализацию плана отвечают следующие исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления и учреждения Свердловской области:

1. Министерство образования и молодежной политики Свердловской области.
2. Министерство культуры Свердловской области.
3. Министерство социальной политики Свердловской области.
4. Министерство физической культуры и спорта Свердловской области.
5. Министерство транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области.
6. Департамент информационной политики Свердловской области.
7. Органы местного самоуправления муниципальных образований Свердловской области.
8. Организации социального обслуживания, находящиеся в ведении Свердловской области.

Согласно отчету по исполнению Межведомственного плана по реализации программы «Пушкинская карта», вовлеченность граждан в возрасте от 14 до 22 лет в рассматриваемый период составила по Свердловской области лишь 15,5 %, в абсолютных цифрах — 59 228 из 382 456 учащихся. Численность студентов организаций СПО, участвующих в программе, составила 40 002 чел. [По пять тысяч рублей зачислили...].

Анализ результатов опроса студентов СПО Свердловской области позволил выявить несколько ключевых проблем программы «Пушкинская карта» с точки зрения самих пользователей карты. Прежде всего, это длительность оформления карты (отметило 48 % студентов) и отсутствие аккаунта на портале «Госуслуги» (46,8 % опрошенных). На плохую осведомленность о программе сослалось 26,4 % респондентов, на отсутствие технической возможности для оформления и использования карты — 6,7 %.

Если говорить о применении Пушкинской карты, то 81,6 % опрошенных используют именно Пушкинскую карту для посещения культурных мероприятий и только 18,4 % вообще не пользуются ею. По мнению студентов, причины последнего обстоятельства таковы: отсутствие времени (44,2 %), подходящего мероприятия (27,2 %), интереса (25,7 %); в целом не считают необходимым использовать Пушкинскую карту 19,2 %. Кроме того, не знают, с чего начать использование данной карты, 13,7 % студентов, не умеют пользоваться ею 7,6 %, а 7,3 % не могут организовать свой личный досуг. В ответах студентов присутствовали и объективные причины неиспользования Пушкинской карты: отсутствие транспортной доступности культурных учреждений (11,1 % опрошенных) или технической возможности для приобретения билета (5,2 %), проблемы со здоровьем (1,9 %). 3,4 % опрошенных не указали конкретной причины неиспользования Пушкинской карты.

*Отношение педагогов организаций СПО
к программе «Пушкинская карта»*

Официальные отчеты по программе не дают полного представления о результатах и особенностях ее реализации. В связи с этим для лучшего понимания проблем реализации программы необходимо было оценить отношение педагогов организаций СПО к данному «продукту». Во-первых, студенты СПО достаточно времени проводят с педагогами, во-вторых, педагоги сами вовлечены в реализацию программы. Они обязаны мотивировать своих студентов к посещению мероприятий по реализуемой программе.

Поскольку педагоги организаций СПО изначально рассматривались полистейкерами как субъекты, ответственные за продвижение программы «Пушкинская карта», нам было важно выявить не только их отношение к программе, но и реальную вовлеченность в мероприятия по ее продвижению. Понятно, что участие педагогов организаций СПО в этом процессе очень важно, поскольку педагог влияет на информирование и мотивацию студентов, их интерес к культурным мероприятиям.

Мы попросили педагогов выразить свое отношение к программе «Пушкинская карта». Более половины (54,4 %) опрошенных считают, что «Пушкинская карта» является отличной программой, и преподаватели инициируют участие своих студентов в мероприятиях, проводимых в рамках ее реализации. 36,9 % полагают, что проект требует доработок, и лишь 2,2 % ответили, что не видят в проекте никаких позитивных моментов. Данные опроса показали, что 86,5 % педагогов участвуют в вовлечении студентов организаций СПО в программу «Пушкинская карта», причем 61,9 % делает это по инициативе руководства организаций СПО. Но среди опрошенных есть и те, кто вовлекает студентов по собственной инициативе (24,9 %). 12,3 % респондентов в своей активности по продвижению карты следовали примеру коллег. В ходе анализа эмпирических данных нами была выявлена прямая связь между вовлечением студентов педагогами в программу «Пушкинская карта» по инициативе руководства образовательного учреждения и личным желанием педагогов посещать культурные мероприятия (57,8 %).

Опрос также показал, что к программе «Пушкинская карта» позитивно относятся и инициируют вовлечение студентов в программу 54,4 % педагогов. Считают проект неплохим, но требующим доработки 36,9 % педагогов. Затруднились с ответом 6,2 % педагогов, и негативно оценивает данную программу всего 2,2 % педагогов.

Большинство (75,3 %) педагогов утверждают, что студенты пользуются программой лишь потому, что она дает возможность посещения культурных мероприятий бесплатно. По мнению 53,4 % педагогов, студентов удовлетворяет разнообразие мероприятий, а 34 % респондентов считают важным основанием интереса студентов к программе возможность приобретать билеты через онлайн-сервисы. В качестве отрицательных моментов использования Пушкинской карты примерно пятая часть (21,7 %) педагогов отметила невозможность посещения студентами мероприятий по их желанию. 17,5 % утверждают, что студенты

больше средств тратят на дорогу, 6,6 % указали на трудности в оформлении карты, 4,7 % — на проблемы с приобретением билетов.

В рамках оценки результативности использования Пушкинской карты 42,6 % педагогов отметили повышение культурного уровня студентов, 28,2 % — повышение их интереса к выставкам, примерно столько же (27,7 % и 26,6 % соответственно) — рост интереса учащейся молодежи к современному и классическому искусству. В то же время 10,5 % опрошенных констатировали отсутствие у студентов интереса к программе, а 2,4 % педагогов считают эту программу пустой тратой времени. Примечательно, что 22,5 % затруднились с ответом на данный вопрос.

На вопрос о том, мотивирует ли студентов наличие Пушкинской карты посещать культурные учреждения и мероприятия, подавляющее большинство педагогов (70,7 %) ответило положительно. Более половины (54 %) опрошенных педагогов согласны с тем, что благодаря программе «Пушкинская карта» возрос интерес студентов к изучению художественной культуры и искусства, освоению ценностей отечественной и зарубежной мировой культуры. С утверждением о том, что посещение культурных мероприятий помогает студентам лучше учиться и понимать материал, согласились 62,8 % опрошенных педагогов.

Результаты вовлечения студентов в программу, конечно, во многом зависят от круга их общения. Педагоги являются основным источником информации для обучающихся: они увлекают студентов интересными рассказами о мероприятиях (так считают 65,2 % опрошенных педагогов) и об учреждениях культуры (54,7 %). Не менее важными факторами вовлечения студентов в программу педагоги считают свою помощь в оформлении Пушкинской карты (44,4 %) и совместное посещение со студентами культурных мероприятий (38,5 %). При этом инициативно организуют такие мероприятия 34,8 % опрошенных педагогов. 26,1 % считают достаточным рассказывать на родительских собраниях о программе «Пушкинская карта», о мероприятиях и учреждениях культуры, работающих по программе.

Взаимосвязь отношения педагогов к программе «Пушкинская карта» и их деятельности по мотивации студентов к посещению мероприятий по Пушкинской карте присутствует, но она слабая (коэффициент Крамера равен 0,291). Это обстоятельство указывает на то, что педагоги, считающие проект отличным, уверены в необходимости мотивирования студентов на посещение мероприятий. Таковых оказалось более половины — 54,3 %. 55,3 % педагогов, считающих проект неплохим, но требующим доработки, чаще инициатируют совместное со студентами посещение мероприятий по Пушкинской карте.

Необходимо отметить, что 13,5 % педагогов не участвует в вовлечении студентов в программу «Пушкинская карта». Субъективные причины этого связаны с отсутствием: такой обязанности (55,7 %), свободного времени (20,6 %), какого-либо стимула (14,5 %), желания (9,9 %). Педагоги, не видящие положительных моментов в программе (47,6 %), не считают необходимым участвовать в мотивировании студентов на использование Пушкинской карты, так как это не входит в их обязанности.

Из полученных данных можно сделать вывод, что в большинстве своем педагоги считают себя наставниками студентов организаций СПО и их мнение учитывается при принятии решений. При активной и инициативной позиции педагогов студенты положительно откликаются и вовлекаются в мероприятия рассматриваемой программы.

Однако при реализации масштабных программ всегда присутствуют проблемные моменты, которые необходимо вовремя выявить, проработать и ликвидировать. С данной целью нами было выяснено мнение педагогов о проблемах, которые возникают у студентов при использовании Пушкинской карты.

По мнению 53,6 % педагогов организаций СПО, у большей части студентов оформлена Пушкинская карта. При этом на вопрос, помогают ли педагоги студентам при возникновении проблем в оформлении Пушкинской карты, 36,8 % респондентов ответили, что помогают в случае, если студент сам обратился к ним за помощью. Инициативно помогает студентам примерно треть (34 %) педагогов.

Что касается проблем, с которыми, по мнению педагогов, столкнулись студенты при оформлении Пушкинской карты, то большинство (30,4 %) ответило, что студенты просто не считают необходимым оформлять карту. 29,2 % педагогов считают, что студентам это неинтересно, а четверть (26 %) также отметили, что студентам просто не хватает организованности.

Одной из популярных причин того, почему студенты, которые уже оформили Пушкинскую карту, не используют ее, педагоги отметили отсутствие подходящего мероприятия (34,5 %). 31,3 % респондентов ответили, что студентам это неинтересно. Не менее важной причиной педагоги называют отсутствие транспортной доступности, территориальную отдаленность учреждения культуры (28,2 %). Примерно одинаковым оказалось число тех педагогов, которые ответили, что студенты не считают необходимым посещать мероприятия, реализуемые программой (24,8 %), и что студенты не знают о мероприятиях, проводимых по Пушкинской карте (24,1 %).

По мнению педагогов, самой распространенной проблемой, с которой сталкиваются студенты при использовании Пушкинской карты, является отсутствие аккаунта на портале государственных услуг (38,4 %). Стоит отметить, что 23,5 % опрошенных указывают, что проблем с регистрацией на портале «Госуслуги» студенты не испытывали.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что педагоги организаций СПО активно участвуют в процессе реализации программы «Пушкинская карта» и в решении проблем, возникающих у студентов организаций СПО при ее использовании. Основные проблемы при использовании карты педагоги видят в отсутствии интереса среди студентов к данной программе и подходящих для них мероприятий, а также аккаунта на «Госуслугах».

Полученные результаты позволяют заключить, что программа «Пушкинская карта» действительно оправдывает свои цели, но в то же время выявляются и трудности в ее реализации. В связи с этим необходимо провести анализ причин

сложившейся проблемной ситуации и предложить рекомендации, направленные на ее преодоление.

Мнение педагогов СПО о мерах продвижения программы «Пушкинская карта»

Формирование интереса у студентов к культуре — процесс не быстрый, но, как отмечалось ранее, возможный. Учащаяся молодежь откликается на культурные инициативы, если видит реальную заинтересованность в этом у ближайшего окружения. Однако с проблемами, выявленными в нашем исследовании, педагоги самостоятельно не справятся. В этом необходимо участие и родителей, и других субъектов социальной среды молодежи. По мнению 59,3 % педагогов, действенными методами продвижения программы «Пушкинская карта» будет применение различных инструментов ее популяризации.

Подавляющее большинство (84,5 %) педагогов уверено в том, что о программе «Пушкинская карта» необходимо рассказывать в социальных сетях, а 73,6 % опрошенных склоняется к тому, что упоминание о программе на уроках (обществознания, финансовой грамотности), в «Разговорах о важном» и других совместных мероприятиях будет способствовать вовлеченности в нее студентов.

В качестве основной рекомендации они предложили прекращение практики принудительного оформления карты, которое вызывает отторжение как у педагогов, так и у студентов. Педагоги считают, что в целях популяризации Пушкинской карты они могут извещать студентов об интересных событиях и мероприятиях, но требование оформлять карту для всего контингента образовательного учреждения вызывает у них негативную реакцию. Самым эффективным каналом популяризации Пушкинской карты педагоги считают сайты в интернете (65,7 %). На второе место они поставили форумы, блоги и социальные сети (59,8 %), далее — телевидение (46,9 %), сообщения педагогов (44,5 %), а также разговоры с родителями, друзьями, знакомыми. Печатная пресса (газеты, журналы), по мнению опрошенных, является самым малоэффективным каналом популяризации Пушкинской карты.

Педагоги также дают ценные рекомендации, которые, по их мнению, смогут популяризировать Пушкинскую карту и значительно улучшить процесс ее использования. Например, усиление контроля позволит ликвидировать коррупционные и мошеннические схемы, связанные с нелегальным обналичиванием средств с Пушкинской карты. В качестве меры популяризации Пушкинской карты также предлагается добавить возможность использования ее средств для приобретения литературы и учебных пособий, оплаты электронных курсов и туров/экскурсий, а также журналов.

По нашему мнению, одна из интересных исследовательских задач состоит в определении того, что могло бы мотивировать педагогов организаций СПО активнее включаться в реализацию программы «Пушкинская карта». Мы выяснили, что педагоги активнее включались бы в реализацию программы «Пушкинская карта», если бы такая карта появилась и у них. Так считают 81,6 % опрошенных. На сегодняшний день данный вопрос был поднят и в Государственной

думе. Глава комитета по просвещению Госдумы РФ Ольга Казакова отметила, что «...будет справедливым, если педагоги, которые ведут организованные группы детей, будут иметь возможность пройти в учреждение культуры бесплатно» [Пушкинскую карту могут распространить...].

Других педагогов мотивировало бы выделение в структуре их рабочего времени возможностей для обсуждения со студентами проблем культуры и организации посещения мероприятий (37,5 %). Доступность информации о мероприятиях по программе «Пушкинская карта» мотивировала бы 31,7 % педагогов. Значительным фактором для остальных педагогов стало бы получение материального (26,5 %) и нематериального (6,2 %) поощрения от администрации учебного заведения.

Нами проведен анализ взаимосвязи потребности педагогов в посещении культурных мероприятий и посещении мероприятий совместно со студентами. Было выявлено наличие слабой связи (коэффициент Крамера — 0,241) между этими показателями и сделан вывод о том, что 68,3 % педагогов, посещающих со студентами культурные мероприятия, желают их посещать как можно чаще и привлекают к этому студентов организаций СПО. Следовательно, это обстоятельство усиливает результативность программы «Пушкинская карта».

Заключение

Современное образование сегодня включает широкий спектр задач. Это не только получение знаний в определенной профессиональной области, но и социализация молодого поколения, предполагающая его культурное и нравственное развитие. В век «цифры» и технологий знание и изучение искусства и культуры отошло на второй план, молодое поколение стремится к технологичным и точным наукам.

Важнейшая и сверхсложная задача государства и общества — сохранить и приумножить культурное и нравственное достояние страны. Решение этой задачи и возложено на программу «Пушкинская карта», которая позволила ученикам и студентам СПО познакомиться с историей и культурой своей страны.

По данным проведенного исследования, большинство опрошенных считают, что наличие Пушкинской карты мотивирует их интересно проводить досуг с родственниками, друзьями и одногруппниками, а также посещать культурные мероприятия. Положительное мнение о программе «Пушкинская карта» у студентов и педагогов организаций СПО сложилось на основании именно этого обстоятельства. Важным фактором стала возможность посещения разнообразных культурных мероприятий и пользования продуктами программы в онлайн-формате.

В программу «Пушкинская карта» включились в основном активные в культурном отношении студенты, их доля среди опрошенных составила 51,2 %. По инициативе педагога оформили карту 47,6 % учащихся колледжей, что указывает на необходимость активного использования ресурсов педагогов при вовлечении учащихся.

Важным критерием оценки включенности в программу «Пушкинская карта» является востребованность программы студентами организаций СПО как инструмента реализации культурных потребностей. В связи с этим было выяснено, что 81,6 % опрошенных используют для посещения культурных мероприятий именно Пушкинскую карту.

Проведенное исследование показало, что государство приложило достаточные усилия для создания данной программы. Но при реализации подобных инициатив необходимо уделять внимание не только студентам, но и педагогам. Результаты исследования также убедили нас в существовании потребности в активном продвижении программы. Выявленные проблемные моменты как технического, так и мотивационного характера можно исправить лишь совместными усилиями всех субъектов образования и культуры.

---

162 свердловские организации культуры присоединились к проекту «Пушкинская карта» // МК Екатеринбург. URL: <https://eburg.mk.ru/culture/2022/09/01/162-sverdlovskie-organizacii-kultury-prisoedinilis-k-proektu-pushkinskaya-karta.html> (дата обращения: 11.03.2024).

Более 30 тысяч билетов купили в Свердловской области по Пушкинской карте // Безформата. URL: <https://ekaterinburg.bezformata.com/listnews/sverdlovskoy-oblasti-po-pushkinskoj-karte/99595908/> (дата обращения: 11.03.2024).

Более 53 тысяч зрителей в 2022 году посетило кинотеатры Свердловской области по Пушкинской карте // Культура Урала : информ. портал. URL: <https://uralcult.ru/news/cinema/i154903/> (дата обращения: 11.03.2024).

В Свердловской области начали продавать Пушкинские карты на Авито // Комсомольская правда. URL: <https://www.ural.kp.ru/online/news/4430366/> (дата обращения: 11.03.2024).

Груздева М. А., Калачикова О. Н. «Пушкинская карта» как инструмент финансирования сферы культуры: региональный аспект // Журнал экон. исслед. 2021. Т. 7, № 5. С. 41–49.

Данные о количестве приобретенных билетов в 2022 году // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/ural/news/bolee-50-tysyach-biletov-prodano-v-2021-godu-v-sverdlovskoy-oblasti-po-pushkinskoj-karte> (дата обращения: 11.03.2024).

За полгода юные екатеринбуржцы получили 15,6 тысячи Пушкинских карт // Урал. рабочий. URL: <https://www.ural-sky-rabochi.ru/news/item/38959> (дата обращения: 11.03.2024).

Злотникова Е. В., Сташук М. В., Ручкина А. И. Оценка результативности проекта «Пушкинская карта» // ГосРег: гос. регулирование обществ. отношений. 2022. № 2. С. 10–15.

Касьянова Е. И., Виноградова Н. И., Кохан С. Т. Возможности программы «Пушкинская карта» в формировании патриотически ориентированных социальных представлений студенческой молодежи // Kant. 2023. № 4. С. 324–332.

Количество свердловских учреждений, включенных в проект «Пушкинская карта», возросло в 11 раз // Грифон Инфо : информ. портал г. В. Пышма. URL: <http://grifoninfo.ru/news/science/20220901/41708> (дата обращения: 11.03.2024).

Количество участников проекта «Пушкинская карта» в Свердловской области в 2022 году выросло в пять раз // Культура Урала. РФ : информ. портал. URL: <https://uralcult.ru/news/official/i151690/> (дата обращения: 11.03.2024).

На Пушкинские карты свердловчан перечислили по 5 тысяч рублей // Свердлов. обл. телевидение. URL: <https://www.obltv.ru/news/society/na-pushkinskie-karty-sverdlovchan-perechislili-po-5-tysyach-rublej> (дата обращения: 11.03.2024).

О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации, связанные с реализацией мер по социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры : проект постановления Правительства РФ № 2509 от 28.12.2021 г. URL: https://conventions.ru/bill/npa/86407/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fmedia%2Fid%2F63fb69f73876d93b6f621b63%2F65489fd14115eb087fab137f/ (дата обращения: 11.03.2024).

О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры : постановление Правительства РФ № 1521 от 08.09.2021 г. (ред. от 21.05.2022) (вместе с Правилами реализации мер по социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395030/ (дата обращения: 11.03.2024).

О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : Федер. закон № 390-ФЗ от 06.12.2021 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070016> (дата обращения: 11.03.2024).

Об утверждении Правил предоставления субсидии акционерному обществу «Почта Банк» на финансовое обеспечение реализации в Российской Федерации программы социальной поддержки молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры : постановление Правительства РФ № 1357 от 17.08.2021 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108190014> (дата обращения: 11.03.2024).

По пять тысяч рублей зачислили юным свердловчанам на Пушкинскую карту // Информ. портал Свердлов. обл. URL: <https://www.sve.pf/news/14350> (дата обращения: 11.03.2024).

Проект — «пушка»: подводим итоги первого года работы масштабной акции «Пушкинская карта» // Обл. газ. URL: <https://www.oblgazeta.ru/culture/138524/> (дата обращения: 11.03.2024).

Пушкинскую карту могут распространить на учителей // Рос. газ. URL: <https://rg.ru/2023/02/25/pushkinskuiu-kartu-mogut-rasprostranit-na-uchitelej.html> (дата обращения: 11.03.2024).

Свердловские власти запустят в регионе аналог Пушкинской карты для учителей // ТАСС : информ. портал. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15538271> (дата обращения: 11.03.2024).

Таникова Е. С. Нормативное регулирование федеральной программы «Пушкинская карта»: реализация и перспективы развития // Инновационные технологии управления и права. 2021. № 2. С. 43–46.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024 г.

Научная статья

УДК 94(47)“18/19” + 37.011.31 + 316.728 + 82-94 + 378(470.23-25)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.039

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В СМОЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX в. (на материале эго-документов)

Елена Евгеньевна Приказчикова¹
Виолетта Сергеевна Савчук²

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ *miegata-logos@yandex.ru,*

<https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>

² *savchuk-20@inbox.ru*

Аннотация. В статье на материалах эго-документов XVIII–XIX вв. (А. Лёвшиной, Г. Алымовой (Ржевской), А. Соколовой, М. Угличаниновой, А. Ешевской, Е. Водовозовой) рассматриваются основные стратегии преподавания гуманитарных дисциплин в Смольном институте. Используя методы культурного-исторического, сравнительно-исторического, гендерного анализов, авторы показывают изменение методик преподавания этих дисциплин, начиная от эпохи императрицы Екатерины II, когда доминирующим аспектом преподавания была установка на реализацию утопии-эвпсихии, утопии создания женщины «новой породы», где очень большое значение уделялось театральной культуре. Последним педагогическим сюжетом статьи является реформа К. Д. Ушинского (в воспоминаниях Е. Водовозовой), проводимая в самом начале 1860-х гг., когда женское образование в Смольном, прежде всего касающееся гуманитарных дисциплин, теряет свою исключительность и элитарность в условиях появления в России (с 1857 г.) женских гимназий.

Ключевые слова: Смольный институт; утопия-эвпсихия; гуманитарные дисциплины; эго-документы; вопросы преподавания; Г. Алымова; М. Угличанинова; А. Ешевская; Е. Водовозова

© Приказчикова Е. Е., Савчук В. С., 2024

**FEATURES OF TEACHING HUMANITIES IN THE INSTITUTES
OF NOBLE MAIDENS OF THE LATE XVIII – MID XIX-th CENTURY
(Based on the Material of the Ego Documents)**

**Elena E. Prikazchikova¹
Violetta S. Savchuk²**

^{1,2}*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

¹*miegata-logos@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>
²savchuk-20@inbox.ru*

Abstract. Based on the analysis of egodocuments of the 18th–19th centuries (A. Levshina, G. Alymova (Rzhevskaya), A. Sokolova, M. Uglichaninova, A. Eshevskaya, E. Vodovozova) the authors examine the main strategies for teaching humanities at the Smolny Institute. Using the methods of cultural-historical, comparative-historical, and gender analyses, the authors look over the changes in teaching methods of these disciplines, starting from the era of Empress Catherine II, when the dominant aspect of teaching was the installation of utopia-eupsychia, the utopia of creating a “new breed” of women, where a significant attention was paid to theatrical culture. The last pedagogical subject of the article is the reform of K. D. Ushinsky in the memoirs of E. Vodovozova, carried out at the very beginning of the 1860s, when women’s education in Smolny, primarily related to the humanities, lost its exclusivity and elitism due to the emergence of female gymnasiums in Russia (starting from 1857).

Key words: the Smolny Institute; utopia-eupsichia; humanities; ego documents; teaching issues; G. Alymova; M. Uglichaninova; A. Eshevskaya; E. Vodovozova

Смольный институт занимает особое место в истории отечественной педагогики. Создаваемый по образцу французского Сен-Сира, первого европейского светского учебного заведения для дочерей дворян, он уже с XVIII в. стал площадкой для педагогических экспериментов, воплощая собой вариант утопии-эвпсихии, утопии воспитания идеального человека в соответствии с традициями культуры Просвещения. В этих условиях «задачей просвещения ставится облагораживание человеческой природы и указывается, что истинное просвещение должно не только развивать умы, но и воспитывать добронравие» [Оболенский, с. 90].

Как писала в своих «Записках» Глафира Алымова (в замужестве Ржевская), одна из первых смолянок, «нельзя вообразить себе более счастливого положения, как то, в котором я находилась в течение одиннадцати лет в Смольном» [Ржевская, с. 38]. По мнению этой мемуаристки, главными преимуществами института были равенство девочек между собой, отсутствие негативных эмоций и впечатлений в силу закрытости учебного заведения, умение воспитателей и учителей пробудить интерес к знаниям и привить мораль, не прибегая к насильственным методам.

Преподаванию гуманитарных дисциплин в Смольном институте уделялось особое внимание. Программа была весьма насыщенной: иностранные языки

(немецкий и французский, а в проекте был и итальянский), словесность, т. е. русский язык и литература, история, впрочем, объединяемая с географией на протяжении долгого времени. З. Е. Мордвинова высказывала мнение о том, что «если особенно основательно изучались иностранные языки, то делалось это в тех видах, что при отсутствии тогда русской литературы и при богатстве европейской смолянкам открывалась возможность чтением иностранных книг развивать ум и пополнять знания, на чем особенно настаивала Екатерина» [Мордвинова, с. 260].

И. И. Бецкой, являвшийся автором Устава о воспитании смолянок и верным соратником императрицы Екатерины II, задумавшей этот воспитательный проект, подробно описал процесс обучения институток, разделив его на четыре класса. Самым маленьким девочкам в «коричневом» классе полагалось изучать лишь русский и иностранные языки, тем, кто постарше, в «голубом» классе, уже добавлялась история. В третьем классе, «сероватом», преподавались так называемые «словесные науки», в программу включалось чтение нравоучительных исторических сочинений, которые могли быть полезны для нравственного воспитания смолянок. Последний же класс, «белый», был целиком посвящен повторению «всего прежнего, в чем совершенного знания еще не имеют» [Бецкой, с. 6].

Программа Смольного института не случайно привлекала внимание таких исследователей, как Ю. М. Лотман, Н. Н. Пушкарева, В. В. Пономарева: в свое время она считалась едва ли не сильнее, чем программы мужских учебных заведений [Лотман; Пономарева, 2018; Пушкарева]. Одним из первых, кто рассказал о ней, был В. Михневич, автор исторических этюдов под названием «Русская женщина XVIII столетия» (1896). Во многом благодаря такой расширенной программе первые выпускницы института получали по-настоящему обширные знания, не стесненные ограничениями со стороны общества, возражавшего против такой немалой учебной нагрузки. О. Ю. Колпачева отмечает, что «составители первых учебных программ смолянок постарались вооружить их энциклопедическими знаниями» [Колпачева, с. 33]. Подобная установка как нельзя лучше соответствовала господствующему в литературе русского Просвещения гинекратическому культурному мифу. В соответствии с ним власть и сила просвещенной женщины связывались не только с образами правящих императриц, чаще всего носящих имя римской богини мудрости Минервы, но распространялись, в идеале, на всех русских женщин дворянок, лучшие из которых должны были стать воплощением женщин «новой породы».

В высшей степени репрезентативным материалом, позволяющим проанализировать уровень преподавания гуманитарных наук в Смольном институте, являются эго-документы, включающие в себя как эпистолярные, так и мемуарно-автобиографические тексты.

Цель нашей работы — формирование представления о преподавании гуманитарных наук в институтах благородных девиц, основанное на эго-документах XVIII и XIX вв. Это позволяет увидеть глазами воспитанниц института истинный уровень преподавания гуманитарных дисциплин, часто не соответствующий той высокой педагогической планке, которая задавалась в официальных документах.

Материалами исследования стали письма Александры Лёвшиной, обучавшейся в Смольном институте во второй половине XVIII в., к императрице Екатерине II, мемуары четырех выпускниц — Глафиры Алымовой (Ржевской), Александры Соколовой, Марии Угличаниновой, Александры Ешевской, Елизаветы Водовозовой, охватывающие период существования института от первого выпуска (1776) до начала XX в. При проведении нашего исследования мы использовали методы культурно-исторического, гендерного, сравнительно-исторического анализов.

Одним из первых документов, позволяющих судить о гуманитарной составляющей программы Смольного, является переписка Екатерины II с воспитанницей первого набора смолянок Александрой Лёвшиной, получившей от императрицы ласковое прозвище «Черномазая Лёвушка». В письмах Левушка подробно описывает театр в Смольном, где институтки ставили пьесы Вольтера, А. П. Сумарокова, комические оперы, не только совершенствуя свои актерские навыки, но и мечтая получить одобрение со стороны августейшей зрительницы. Лёвшина пишет: «Я надеюсь, что Вы будете нам несколько удивляться по Вашем сюда приезде; мы для вас приготовляем прекрасные комедии: “Роза и Колас”, “Честолюбец и Болтушка”, “Колдун”, “Новая школа женщин”; все это не достойно-ль того, чтобы Вы приехали сюда поскорее быть нашею зрительницею; к тому же, можно всегда остаться в выгоде и признайтесь, моя возлюбленная Императрица, что если бы вы не присутствовали при том как мы играем “Ложную Агнессу”» [Переписка императрицы Екатерины II с А. П. Лёвшиной]. Екатерина II в первые годы существования Смольного охотно посещала воспитанниц и смотрела в том числе и их спектакли. И Левушка, горячо любившая императрицу, знала, что представления любительского театра в Смольном — способ порадовать и удивить ее: «Мы готовим для Вас комедии, оперы и будем слишком счастливы, если нам удастся Вас позабавить» [Там же, с. 341].

В XVIII в. гуманитарное образование было немислимым без театральной культуры. Данный аспект нашел свое отражение в портретах смолянок кисти Д. Левицкого. На этих портретах смолянка Екатерина Нелидова представлена в роли Сербины в итальянской опере-буфф «Служанка-госпожа» Д. Перголези, Екатерина Хованская и Екатерина Хрущева изображены играющими в комической опере «Капризы любви, или Нинетта при дворе», либретто которой было написано Ш. С. Фаваром на основе его романа «Нинетта при дворе». Сама А. Лёвшина на картине Д. Левицкого предстает в образе Заиры, героини Вольтера, в его одноименной трагедии.

Не был забыт в Смольном екатерининской эпохи и русский репертуар. Смолянки играли в трагедиях А. П. Сумарокова. Одна из трагедий драматурга, «Семира», называется Екатериной II «лучшей из всех сочиненных г-м Сумароковым» [Переписка российской императрицы Екатерины II..., с. 80].

Поэт А. П. Сумароков был доволен педагогическими театральными опытами смолянок. Он считал, что умные, образованные женщины станут украшением светского общества и не только будут примерными женами и матерями, но

и интересными собеседницами. Сам Вольтер в течение долгого времени вел переписку с Екатериной II, та сообщала ему в письмах об успехах и достоинствах смолянок, обсуждала с ним репертуар любительского театра. К примеру, императрица с гордостью сообщала «фернейскому старцу», что смолянки, играя в трагедиях и комедиях, демонстрируют величайший профессионализм, порой превосходящий искусство тех, «которые здесь от сего ремесла достают пропитание» [Там же, с. 81]. Екатерина II жаловалась Вольтеру, что репертуар Смольного ограничен из-за наличия в большинстве французских пьес любовной тематики, которая может способствовать «преждевременному возбуждению страстей» [Там же, с. 68]. Вольтер, дипломатично соглашаясь с мнением «северной Минервы», обещал ей произвести «ревизию» некоторых французских пьес, исключив из них «спорные» в плане нравственности моменты.

На важность театральной культуры в образовании смолянок указывает и тот факт, что учителем русского языка и декламации воспитанниц первых выпусков был известный российский актер И. А. Дмитриевский, исполнитель роли Стародума в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» [Гордин].

Литературный театр Смольного института был неоднократно отмечен в трудах исследователей. О нем упоминали Ю. М. Лотман, В. Михневич, Е. Е. Приказчикова [Лотман; Михневич; Приказчикова, 2009, 2022]. В театре преимущественно ставились пьесы просветителей того времени, в основном комического характера — в эпоху Просвещения жанр комедии был весьма любим. Н. П. Мельникова в своей кандидатской диссертации, посвященной изящным искусствам в Смольном институте, заметила, что «все эти искусства виделись фактором гармоничного развития личности» [Мельникова, с. 12]. Для женского учебного заведения это было безусловным новшеством. Впрочем, это не было исключительно личной инициативой Екатерины II или И. И. Бецкого: они вдохновлялись литературным театром Сен-Сира, первого учебного заведения во Франции для девочек, основанного мадам де Ментенон, фавориткой Людовика XIV. Воспитанницы «принимали участие в постановках, написанных как раз для этой цели пьесах великого французского драматурга того времени Жана Расина — “Эсфирь” и “Аталия»» [Фанталов, Малязина, с. 76]. Однако эта театральная деятельность продолжалась недолго — мадам де Ментенон решила, что постановки могут плохо повлиять на нравственное воспитание девочек. Надо сказать, что в XIX в. в Смольном институте театра тоже уже не существовало.

В 1782 г. была создана специальная комиссия, проверявшая деятельность народных училищ. Под одну из таких ревизий попал и Смольный. Комиссия выявила некоторые недочеты в образовании: превалирование французского языка над русским, нехватка аудиторий, предметы преподавались иностранками, совершенно не знавшими русского языка. В. В. Пономарева указывает, что по отчету комиссии «не только научные понятия, но и русскоязычные термины и речевые обороты находились в стадии формирования» [Пономарева, 2018, с. 32]. Автором новой педагогической концепции Смольного института стал сербский педагог, член Российской академии наук (с 1783 г.) Ф. И. Янкович де Мириево,

опирающийся на опыт австрийской системы образования. В результате реформирования изменения коснулись всех сфер учебно-педагогической деятельности института: от методики преподавания до преподавательского состава.

В конце концов был предложен «учебный способ» обучения, при котором делался упор на наглядность. В Смольном появились таблицы и схемы, облегчавшие восприятие материала ученицами, вопросно-ответная форма изложения, введен формат чтения вслух и обсуждения материала с преподавателем. Касался «учебный способ» и гуманитарных предметов.

Были и другие нововведения, отмеченные исследователями [Мордвинова; Пономарева, 2019]. Например, замена иностранок русскими учителями и требование преподавать все науки по-русски. В соответствии с новой педагогической установкой среди учебных предметов стали превалировать «науки» в противовес «искусствам».

В статье В. В. Пономаревой находим любопытные сведения: история была совмещена с мифологией и делилась на «универсальную» и «священную», для улучшения грамотности девушки писали сочинения, позднее коллективно разбирая ошибки в классе, а читать учили старым проверенным способом — по азбучной таблице [Пономарева, 2018, с. 32]. Суббота выделялась на повторение материала: каждый учитель должен был задать хотя бы один вопрос по своей дисциплине.

XIX в. был более богат на мемуарные источники, чем XVIII в. Особенно это касается материала, содержащего сведения о преподавании дисциплин гуманитарного цикла.

Так, выпускница Смольного института Мария Угличанинова (обучалась в Смольном в 1840-е гг.) среди преподаваемых предметов выделяет «закон Божий, историю, географию, математику, русскую словесность, французский и немецкий языки» [Угличанинова, с. 128]. Таким образом, спектр «любимых» гуманитарных дисциплин был достаточно широким.

При этом процесс чтения строго контролировался. Ознакомление с «неправильной», с точки зрения учителей и воспитателей, литературой считалось недопустимым, так как могло привести к падению нравов. Если смолянки хотели взять что-либо из библиотеки, им часто говорили, что они еще не доросли до такой литературы. М. Угличанинова вспоминает: «В “голубом” классе мы пробавлялись детским журналом “Звездочка”...» [Там же, с. 131]. Этот журнал был специально создан для институтов благородных девиц. Издавала его А. О. Ишимова, более известная современному читателю как автор «Истории России в рассказах для детей». Журнал просуществовал двадцать один год — с 1842 по 1863 г. Если же воспитанницы желали прочесть что-то «запрещенное», они просили подруг, у которых родители или родственники жили в столице, достать им ту или иную книгу. С такой «контрабандой» было опасно попадаться на глаза классной даме: книгу могли конфисковать, а нарушительницу правил строго наказать, вплоть до разбирательств с инспектрисой. М. Угличанинова признается в том, что «однажды, заручившись “Пиковой дамой” Пушкина, спешила кончить ее на уроке чистописания» [Там же].

Классная дама заметила это, отобрала книгу, а Марию поставила «среди класса, что считалось большим наказанием» [Угличанинова, с. 131].

Именно в воспоминаниях М. Угличаниновой мы находим очень ценные сведения: принято считать, что преподавание итальянского языка осталось только в педагогических планах и на деле в исполнение не приводилось. Угличанинова упоминает о том, что итальянский язык все же в Смольном был. «В белом классе... стали обучать итальянскому языку, учителем которого был Кавос» [Там же, с. 138].

Разумеется, уровень знаний воспитанниц Смольного был очень различным. Александра Соколова, обучавшаяся в Смольном также в 1840-е гг., приводит в своих воспоминаниях весьма курьезный факт: «...некоторые из нас даже и в нашем классе радовали своих профессоров сообщениями о том, что прусский король Фридрих основал Священную Римскую империю германской нации, а Александра Невского полагали среди польских королей!» [Соколова, с. 150]. Тем не менее подобные пробелы в знаниях, неспособность к учению никогда не были причиной исключения из института, наоборот, «исключали за неисправимо вульгарное поведение» [Там же, с. 150].

Александра Ешевская, учившаяся в Смольном с 1871 по 1876 г., придерживается мнения, что в институте девочки учились «охотно, и, главное дело, совершенно свободно» [Ешевская, с. 204]. Обучение не сопровождалось принуждением, воспитанницы не прибегали к помощи классных дам за исключением редких случаев, а учителя «преподавали первоклассно и умело» [Там же, с. 205]. Это наблюдение мемуаристки весьма любопытно. С одной стороны, Смольный уже испытал на себе влияние К. Д. Ушинского, придерживавшегося весьма либеральных методов обучения и воспитания и постаравшегося претворить их в жизнь, будучи инспектором в институте в течение нескольких лет. С другой стороны, после его ухода институт снова стал превращаться в очень консервативное учебное заведение, в котором получение знаний было скорее декоративным элементом, необязательным для девушки, поскольку главное внимание обращалось на ее морально-нравственный облик.

У А. Ешевской было положительное впечатление об уроках литературы. Литературу преподавал инспектор классов Тимофеев, которого она называет «истинным другом нашим» [Там же, с. 207]. Тимофеев горячо любил свой предмет, поэты вызывали у него искренний пиетет, и цитировал он их «не иначе как со слезами на глазах» [Там же]. Такое отношение к предмету невольно передавалось и воспитанницам, и они старались как можно лучше готовить уроки, а некоторые, желая заслужить похвалу от любимого преподавателя, «выучивали наизусть целые поэмы» [Там же]. А вот Владимир Измайлович Срезневский, хоть и был «самым молодым и модным учителем», особой симпатии не вызывал: он был самолюбив [Ешевская, с. 210]. И все его положительные качества — начитанность, ум, умение преподавать хорошо и доступно — обращались в ничто.

С учителем истории А. Ешевской тоже повезло. Ивана Ивановича Григоровича она считает «одним из самых даровитых и интересных учителей» [Там же]. Лекции

его были занятыми, ученицы испытывали к нему симпатию, отмечали его ум, но вместе с тем «недоступность по уму» и «близко к нему не подходили» [Там же].

Иностранные языки всегда были очень важны в педагогической культуре Смольного. Основным языком общения был французский, но смолянки учили и немецкий язык. А. Ешевская отзывается о своем преподавателе немецкого языка как о человеке, который «знал свой предмет отлично и преподавал хорошо, но был зол необыкновенно» [Там же, с. 206]. Воспитанницы не испытывали по отношению к нему страха, но и не любили его. Предмет его они учили дурно, как бы в отместку за неуживчивый характер преподавателя.

Зато преподавателей французского языка Александра характеризует как добрых и милых людей: «...скромные и любезные в обращении с воспитанницами» [Там же], и отмечает, что «уроки французского языка проходили всегда очень оживленно» [Там же].

Ю. М. Лотман в своей монографии «Беседы о русской культуре» подчеркивал, что языки были главной константой Смольного и что только ими институт мог похвастаться. Исследователь пишет: «Обучение в Смольном институте, несмотря на широкие замыслы, было поверхностным. Исключение составляли лишь языки» [Лотман, с. 79]. Помимо языков немалое внимание уделялось танцам и рукоделию, но никак не серьезным наукам. Никакой самостоятельности мышления в девушках не взращивали, что позднее будет отражено в мемуарах Елизаветы Водовозовой. Этот тезис подтверждает и В. Михневич. Он пишет о том, что смолянки выходили из института «совершенно “невинными” относительно самых элементарных научных сведений» [Михневич, с. 118]. Однако знания литературы и языков были очень важны для жизни в светском обществе. Институтка-выпускница, уже ставшая полноправным его членом, «реализовывала важную роль в трансляции социального опыта, включавшего воспитание детей, воспроизводство культурно-бытовых традиций и др.» [Белова, с. 79].

О необходимости овладения изящными искусствами пишут многие мемуаристки. Музыка и танцы как учебные дисциплины готовили девушек к пребыванию в высшем обществе, где ценилось умение музицировать, красиво петь и знать основные танцевальные фигуры. И если в науках не все показывали успехи, то «в музыке, в танцах, во всем, что ожидало нас <...> преуспели почти все, и особенно все хорошо изъяснялись по-французски» [Соколова, с. 152]. Что интересно, музыку преподавали женщины, которых А. Ешевская называет «музыкальными дамами» [Ешевская, с. 203]. Музыкальное образование, впрочем, иногда подавалось оригинально, чтобы привить к нему у воспитанниц искреннюю любовь. М. Угличанинова рассказывает, что к смолянкам приглашали известных оперных певцов и исполнителей: «Так, помню, у нас пела Росси, два раза играл Лист, большей частью сочинения Шопена, играла Клара Вик...» [Угличанинова, с. 133]. Такие концерты оставляли впечатления на долгое время и влюбляли институток в высокое искусство.

Нельзя обойти стороной и религиозное воспитание девочек. Как мы уже упоминали, им преподавался Закон Божий. Обязательным было посещение церквей

по воскресеньям и соблюдение всех религиозных обрядов. Религиозность вообще считалась важным качеством будущей жены и матери. А. Ешевская вспоминает о том, как проходили уроки Закона Божьего. Преподавателей было два — протоиерей Преображенский, который «всем без исключения ставил 12 баллов и никогда и никому не делал замечаний», и отец Василий Гречулевич, который «был очень строг как преподаватель» [Ешевская, с. 208]. Преображенский был приятен, но уроки не были интересными для институток. Куда большее впечатление производил отец Гречулевич. Он был «фанатично религиозен», требовал, чтобы его воспитанницы не только знали наизусть священные тексты, но еще и понимали их [Там же]. И эти уроки не проходили даром для смолянок. Сама А. Ешевская после тяжелой болезни отказывалась пить бульон, считая его не постным блюдом. Смолянки охотно ходили в церковь, не позволяли себе богохульства. Особенным торжеством отличался последний благодарственный молебен: «...в день выпуска мы прошли в церковь и в последний раз разместились на клиросе, чтобы пропеть молебен; но петь не смогли, горло сжимало от слез» [Там же, с. 174].

Совершенно другую картину рисует Елизавета Водовозова. По ее мнению, религиозное воспитание в Смольном институте было скорее формальным. Во время постов голодные девочки ели все, что приносили родители, не разбирая, постное это или скоромное. Церковные службы были настоящим мучением, и «многие воспитанницы падали в церкви в обморок» [Водовозова, с. 344]. А позднее девушки специально учились терять сознание, чтобы не присутствовать на долгих службах. Также у институток была специальная очередность: когда подходила очередь определенных девушек, они говорили классной даме, что не могут посетить церковь из-за боли в голове или зубной боли. Причиной утраты религиозности Водовозова называет «ханжество как начальницы Леонтьевой, так и всех классных дам» [Там же, с. 345]. Они много говорили о всепрощении и любви к ближним, но их дела расходились со словами. Как резюмирует мемуаристка, «религиозное воспитание содействовало только нравственной порче и полной индифферентности к религии» [Там же].

Вообще воспоминания Е. Водовозовой «На заре жизни», учившейся в Смольном институте в конце 1850-х — начале 1860-х гг., имеют ярко выраженный обличительный пафос. В них автор описывает изнанку обучения в Смольном институте, его неприглядные стороны. Мемуаристка в своих воспоминаниях касается всего: от условий жизни смолянок до преподавания. Последнее будет нас интересовать больше всего.

Об общем уровне образования девушек-смолянок в то время Водовозова в принципе отзывается нелестно: «...все ее образование заключалось в долбне и переписывании тетрадей» [Там же, с. 282]. Патриархальное общество поддерживало такой порядок дел, и небезынтересным кажется нам высказывание дяди Елизаветы: «Действительно, девушке нужна только нравственность...» [Водовозова, с. 306]. Общество предъявляло к женщинам «только эстетические требования» [Там же, с. 352]. Как справедливо резюмирует Н. Н. Пушкарева, «из Смольного могли отчислить за распушенность характера, невоспитанность

и пошлый поступок, а вот если воспитанница не успевала, ей это прощалось» [Пушкарева, с. 23]. А. Н. Поздняков обращает внимание на то, что даже в уставе И. И. Бецкого «подчеркивалось, что “первое попечение надлежит иметь о вере”», чтобы «заблаговременно посеять и вскоренить в сердцах благонравие» [Поздняков, с. 105]. Другая исследовательница, Е. Н. Пенская, выделила четыре основные черты образования в Смольном институте в XIX в.: «Его привилегированность культивировалась, а элитарность поддерживалась четырьмя факторами: пренебрежением отечественными знаниями и предпочтением всего иностранного; ориентацией на светский тип воспитания; религиозностью и безусловным преклонением перед царской фамилией» [Пенская, с. 257].

Самым главным в институте, по мнению Е. Водовозовой, было знание французского языка. Если девочка умела говорить по-французски еще до поступления в институт, на нее смотрели с куда большим уважением. Ее «...находили умною и способною даже тогда, когда этого вовсе не было. Естественно, что в учебной программе было много часов уделено французскому, воспитанницы читали книги на этом языке, писали сочинения и письма» [Водовозова, с. 349]. Более того, французский язык, по сути, был единственным разрешенным языком общения. «Классные дамы и все начальство говорило с нами по-французски. Между собой воспитанницы тоже обязаны были говорить на этом языке» [Там же]. Но при всей санкционированности французского смолянки не имели нормальной языковой практики. Говорить по-французски они свободно не могли: их общение ограничивалось несколькими десятками заученных официальных фраз, которые употреблялись в разговорах с классными дамами и начальством. В общении друг с другом девушки все же предпочитали говорить по-русски, не обременяя себя необходимостью соблюдать правила. Водовозова возмущенно констатирует: «Можно себе представить, какие успехи воспитанницы делали в других предметах, если изучение французского языка было столь неудовлетворительно» [Там же, с. 350]. Очень много времени тратилось на переписку, например, неправильных французских глаголов. Если классная дама находила, что воспитанница пишет неаккуратно, она могла заставить девочку переписать начисто всю тетрадь. Также обучение способствовало прививанию ложно классицистической искусственности, выглядевшей безусловным архаизмом к середине XIX в. Учителя французского были в восторге, когда институтки с неестественным пафосом декламировали Ж. Расина и П. Корнеля. С точкой зрения Е. Водовозовой, правда, была не согласна А. Соколова, считающая, что в Смольном не придавали такого колоссального значения французскому языку, по крайней мере, в неофициальном общении: «...впрочем, с теми, кто ленился понимать русский язык, переставали говорить и по-французски» [Соколова, с. 152]. Исключение касалось только представительниц малых народов Российской империи, преимущественно с Кавказа. Эти воспитанницы не знали никакого другого языка, кроме родного, и не всегда стремились учить новые.

А. Соколова противопоставляет очень многие аспекты образования и преподавания гуманитарных наук в Смольном институте передовой педагогической методике

К. Д. Ушинского, ставшего инспектором в Смольном в январе 1859 г. Так, когда Ушинский только начал свою деятельность в институте, он провел своеобразный «рейд», желая узнать, как обучают воспитанниц и в чем состоит суть образования.

На уроке немецкого К. Д. Ушинский пожелал узнать, насколько хорошо воспитанницы умеют переводить с листа. Итог был печален: «Из страницы, прочитанной каждою, одна могла перевести два-три слова, другая несколько больше, а третья решительно ничего не знала» [Водовозова, с. 363]. Пересказать содержание прочитанного девушки тоже не сумели, хотя имели в течение шести лет по два урока немецкого в неделю. Оказалось, что лучшие ученицы были по происхождению немками и знали язык не благодаря обучению в институте, а из-за того, что говорили на нем дома. Педагог по немецкому языку старался оправдаться тем, что немецкий язык в институте лишь для проформы и что внимание обращают только на французский язык, главенствующий в Смольном. К. Д. Ушинский, в свою очередь, предлагал реформировать методику преподавания, включить в учебный план Ф. Шиллера и И. В. Гёте, что, по его мнению, должно было разбудить в институтках интерес к языку. Он замечал, что «только идиота может не заинтересовать гениальное произведение» [Там же, с. 364].

Русский язык вел Дмитрий Петрович Соболевский. Уроки у него делились на две части: в первой части урока он спрашивал домашнее задание по грамматике, при этом требуя, чтобы воспитанницы отвечали ему слово в слово, ничего не добавляя от себя. Во второй половине девочки отвечали наизусть басни И. Крылова, и педагог, будучи недовольным, начинал сам читать с выражением, лицедействуя и изображая героев той или иной басни. Диктантов Д. П. Соболевский не проводил никогда. Ушинский решил исправить это недоразумение и продиктовал воспитанницам отрывок текста, после чего обнаружил, что «некоторые воспитанницы делают в словах больше ошибок, чем букв» [Там же, с. 376]. Не понравилось ему и то, что, декламируя басни, Соболевский скорее кривлялся, нежели изображал действующих лиц, и это было унижительно.

Любимым преподавателем у девушек был учитель литературы Старов. Институтки твердо заучивали самодельные конспекты и с нетерпением ждали его уроков. Водовозова вспоминает: «В стихотворениях нас увлекала музыка и мелодичность стиха, в прозе — возвышенные выражения, и хотя до смысла мы не додумывались, и наш учитель не объяснял нам его, но все же это нас увлекало более, чем сухое заучивание грамматики» [Там же, с. 377]. Позже мемуаристка, прошедшая школу К. Д. Ушинского, изменила свою точку зрения на уроки Старова, произошла аберрация, нередко встречающаяся в эго-документах. Ей уже казалось, что конспекты Старова не более чем образец «самых нелепых определений, громких, напыщенных фраз, отрывочных сведений, не приведенных в систему» [Там же]. Старов не знакомил девушек с полными текстами произведений, и они не имели понятия об их фабуле, тем более что в Смольном даже к середине XIX в. не было своей библиотеки. Симпатия к преподавателю со стороны институток была вызвана тем, что, во-первых, Старов не обращался с ними официально, а во-вторых, он всячески идеализировал женщину и ее роль в обществе, говоря высокопарные

фразы о том, что женщина призвана вдохновлять и уничтожать все злое, что есть в этом мире. К. Д. Ушинский отнесся к преподаванию литературы более реалистично. Вместо «фразистых слов учебника» он попросил рассказать содержание «Евгения Онегина» [Водовозова, с. 381]. Оказалось, что воспитанницы не знали сюжета ни «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, ни произведений М. Ю. Лермонтова и А. С. Грибоедова. Старов возражал, говоря, что у смолянок есть художественное чутье. Ушинский настоял на том, чтобы одна из воспитанниц прочла стихотворение, а остальные письменно передали его содержание в прозаической форме. «Наша письменная работа оказалась в высшей степени беспорядочной», — признается мемуаристка [Там же, с. 384].

Таким образом, проверка К. Д. Ушинского показала полную несостоятельность педагогической методики преподавания гуманитарных наук в Смольном институте середины XIX в. И инспектор взялся за дело: нужно было исправлять все недочеты. В. Б. Помелов отмечает: «Возглавив учебную часть Смольного, Ушинский первым делом пригласил молодых преподавателей, каждый из которых вскоре стал педагогической звездой российского масштаба. Это, прежде всего, Л. Н. Модзалевский, М. И. Семевский, Д. Д. Семенов, В. И. Водовозов, М. И. Косинский и другие. Именно они вынесли наряду с Ушинским все тяготы реформы Смольного института» [Помелов, с. 92]. Один из молодых сподвижников К. Д. Ушинского Д. Д. Семенов так поэтически охарактеризовал проводимые реформы: «Смольный, точно сказочный русский богатырь, после долгой столетней спячки, воспрянул духом и хотел наверстать потерянное время. Все, и учителя, и ученицы, казалось, спешили отличиться друг перед другом. Девицы, и большие, и маленькие, стали учиться отлично; с каким-то захватывающим все существо вниманием следили они за каждым уроком своих преподавателей, как бы боясь проронить хоть одно слово. <...> И та же институтка, которая лишь год тому назад заботилась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах и победах, в тишине ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям, — теперь полюбила и чтение, и науку, и труд» [Семенов, с. 85].

Благодаря попечительству К. Д. Ушинского девушки получили право задавать учителям вопросы, появились книги для чтения и даже маленький «музей» с чучелами животных, моделями и физическими инструментами. Срок пребывания в Смольном был сокращен с 9 до 7 лет, воспитанниц стали отпускать на каникулы домой, что раньше строго запрещалось, обе «половины» Смольного института, дворянская и разночинная, были «уравнены» с точки зрения общего объема учебного курса. В плане преподавания гуманитарных дисциплин К. Д. Ушинский настоял на выделении литературы в самостоятельный учебный предмет, стал ставить «в пару» русский язык и литературу. Большое место в программе уделялось развитию в воспитанницах «общечеловеческого чувства» [Там же, с. 70].

Т. Н. Гаврилова и С. Л. Паладьев отмечали: «Инспектор классов видел главной целью этого учебного заведения подготовку девушек не только образованных, но готовых послужить отечеству на педагогическом поприще в качестве учительниц» [Гаврилова, Паладьев, с. 50]. Был основан педагогический класс, в который

институтки поступали после выпуска. В некотором смысле такое нововведение можно расценивать как шаг в сторону феминизма. Отучившись в педагогическом классе, девушка могла быть гувернанткой или учительницей и стать экономически независимой от мужчин.

К сожалению, эпоха К. Д. Ушинского в Смольном оказалась недолгой. Талантливый педагог уже в 1862 г. в результате ряда конфликтов с начальницей института М. П. Леонтьевой и ее классными дамами и обострившейся болезни легких оставил пост инспектора. После этого часть его нововведений была отменена, и Смольный институт вплоть до самой революции 1917 г. оставался одним из самых консервативных учебных заведений в России. Более того, со временем происходит фактический отказ от утопических воззрений и планов И. И. Бецкого на воспитание женщин «новой породы» в пользу так называемого «les Lumieres tamisees» (затемненное Просвещение) [Sonnet], что означало ориентацию женского образования почти исключительно на сферу домашнего хозяйства, благополучие и счастье семьи. Тем не менее традиции, заложенные еще педагогической программой Смольного института XVIII в., прежде всего преподаванием гуманитарных дисциплин, не пропали даром.

Еще одной попыткой реализации утопии-эвпсихии на практике в России начала XIX в. стала программа Царскосельского лицея, учебного заведения принципиально нового типа, где по первоначальному плану братья русского царя Александра I, Николай и Михаил, должны были учиться вместе с талантливыми российскими юношами дворянского сословия.

Белова А. В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2022. № 9. С. 77–83.

Бецкой И. И. Устав воспитания двухсот благородных девиц учрежденного Ее Величеством Государынею Императрицею Екатериною Второю, Самодержицею Всероссийскою Материю Отечества, и прочее и прочее и прочее. СПб., [1764]. 4 с.

Водовозова Е. Н. На заре жизни. Смольный институт // Смольный институт: дневники воспитанниц. М., 2017. С. 225–415.

Гаврилова Т. Н., Паладьев С. Л. Воспитательная система Смольного института благородных девиц // Ярослав. пед. вестн. 2021. № 2 (119). С. 45–52.

Гордин М., Гордин Я. Театр Ивана Крылова. Л., 1983. 174 с.

Ешевская А. С. Воспоминания о Смольном. 1871–1876 гг. // Смольный институт: дневники воспитанниц. М., 2017. С. 177–224.

Колтачева О. Ю., Каневская Ж. О., Авдеева Л. Н., Ширванян А. Э. Начало государственного этапа женского образования в России // КАНТ. 2017. № 2 (23). С. 31–35.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). СПб., 1994. 399 с.

Мельникова Н. П. Содержание воспитания и художественного образования в Смольном и Екатерининском институтах благородных девиц конца XVIII – первой половины XIX века : дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 336 с.

Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия : ист. этюды. Киев, 1895. 405 с.

Мордвинова З. Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764–1796) // *Вопр. образования.* 2007. № 3. С. 255–277.

Оболенский Г. Век Екатерины Великой. М., 2001. 462 с.

Пенская Е. Н. Становление универсального образования в России: гендерный аспект : [вступл. к ст.: *Мордвинова З. Е.* Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764–1796)] // *Вопр. образования.* 2007. № 3. С. 255–257.

Переписка императрицы Екатерины II с А. П. Лёвшиной // *Рус. старина.* 1896. № 11. С. 313–350.

Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год : в 2 ч. М., 1803. Ч. 2. 171 с.

Поздняков А. Н. Институты благородных девиц в системе образования России второй половины XVIII — начала XIX века // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. : Философия. Психология. Педагогика.* 2014. Т. 14, вып. 2. С. 104–108.

Помелов В. Б. Работа К. Д. Ушинского в Смольном институте благородных девиц. К 200-летию со дня рождения великого русского педагога // *Вестн. Вят. гос. ун-та.* 2023. № 2 (148). С. 90–100.

Пономарева В. В. Первая реформа Смольного института (из истории начального периода формирования системы женского образования в России): 1783–1785 // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2018. Т. 10, № 6/1. С. 29–36.

Пономарева В. В. Закрытые женские институты Российской империи. 1764–1855. Начало формирования отечественной системы женского образования. М., 2019. 480 с.

Приказчикова Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // *Вестн. Челябин. гос. ун-та.* 2009. № 27(165). С. 105–114.

Приказчикова Е. Е. Роль театральной культуры в педагогическом дискурсе Смольного института эпохи императрицы Екатерины II // *Филол. класс.* 2022. № 3 (т. 27). С. 155–169.

Пушкарева Н. Н. Образовательная система Смольного института благородных девиц // *Глобальный научный потенциал.* 2017. №11 (80). С. 19–23.

Ржевская (Альмова) Г. И. Памятные записки // *Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц.* М., 2008. С. 33–66.

Семенов Д. Д. Из пережитого. Мое первое знакомство с К. Д. Ушинским // *Семенов Д. Д.* Избр. пед. соч. М., 1953. С. 63–90.

Соколова А. И. Из воспоминаний смолянки // *Смольный институт: дневники воспитанниц.* М., 2017. С. 147–176.

Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы сороковых годов // *Смольный институт: дневники воспитанниц.* М., 2017. С. 118–146.

Фанталов А. Н., Малязина М. А. Сен-Сир и Смольный институт — первые учебные заведения для женщин во Франции и России // *Герценовские чтения : Художественное образование ребенка: стратегии будущего : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. К 30-летию отдела «Российский центр музейной педагогики и детского творчества» Русского музея (С.-Петербург, 14 февр. 2020 г.).* СПб., 2020. С. 75–81.

Sonnet M. L'éducation des filles au temps des Lumières. P., 1987. 354 p.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024 г.

Научная статья

УДК 159.923.2 + 378.115.15 + 615.851 + 572.51

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.040

ВОСПРИЯТИЕ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА В СТРУКТУРЕ САМООТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Софья Николаевна Кремешкова¹
Юлия Владимировна Лебедева²

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ *kremesh15fc@yandex.ru,*

<https://orcid.org/0000-0001-5698-8845>

² *julia.lebedeva@urfu.ru,*

<https://orcid.org/0000-0003-3259-6294>

А н н о т а ц и я. Отношение человека к себе влияет на самоуважение, самопринятие и самореализацию. Восприятие собственного тела можно рассматривать как одно из проявлений самооотношения. Данное исследование изучает связь удовлетворенности или недовольства телом, отношения к его отдельным частям и особенностям с самооотношением (самоуважением, аутосимпатией, самоуничижением). Выборку составили 174 студента Уральского федерального университета, из них 21 юноша и 153 девушки. В эмпирическом исследовании были использованы: метод ассоциативного эксперимента А. В. Светиковой и З. В. Борисенко; методика «Самооценка внешнего облика» В. А. Лабунской; методика исследования самооотношения к образу физического «я» А. Г. Черкашиной; методика исследования самооотношения С. Р. Пантिलеева. Проанализированы описательные конструкты образа тела. Обнаружено, что большинство студентов имеет позитивные представления о собственном теле. В самооотношении имеются различия между полами: девушки имеют более высокие результаты по саморуководству и самооценности. Корреляционное исследование показало, что удовлетворенность телом положительно связана с самоуважением и аутосимпатией и отрицательно — с самоуничижением. Дальнейшие

© Кремешкова С. Н., Лебедева Ю. В., 2024

перспективы исследования заключаются в изучении поведенческих стратегий, способствующих формированию позитивного образа тела.

Ключевые слова: образ тела; самоотношение; студенты; отношение к себе; отношение к телу; тело

THE PERCEPTION OF ONE'S OWN BODY IN THE STRUCTURE OF STUDENTS SELF-RELATION

Sofya N. Kremeshkova¹

Julia V. Lebedeva²

^{1,2} Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

¹ kremesh15fc@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5698-8845>

² julia.lebedeva@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3259-6294>

Abstract. A person's attitude to himself/herself affects his/her self-esteem, self-acceptance and self-realization. The perception of one's own body can be considered as one of the manifestations of self-attitude. This study examines the relationship of satisfaction or dissatisfaction with the body, attitude to its individual parts and features with self-attitude (self-esteem, autosympathy, self-deprecation). The sample consisted of 174 students of the Ural Federal University, 21 of them were boys and 153 girls. The following methods were used in the empirical study: the method of associative experiment A. V. Svetikova and Z. V. Borisenko; methodology "Self-assessment of the external appearance" by V. A. Labunskaya; methodology for the study of self-attitude to the image of the physical "I" by A. G. Cherkashina; methodology for the study of self-attitude by S. R. Pantileev. Descriptive constructs of the body image were investigated. Most students have positive ideas about their own body. It was found that girls have higher results in self-guidance and self-worth. A correlation study showed that body satisfaction is associated with self-esteem and autosympathy, and dissatisfaction with self-deprecation. The further prospects of the study include the investigation of behavioral strategies that contribute to the formation of a positive body image.

Key words: body image; self-attitude; students; attitude to the body; body

Введение

Отношение человека к себе является значимым элементом структуры самосознания и оказывает существенное влияние на самоуважение, самопринятие и самореализацию личности во всех сферах жизни. Восприятие собственного тела и отношение к нему можно рассматривать как одно из проявлений самоотношения.

В психологической науке существует целый ряд понятий, характеризующих представления человека о собственном теле: образ тела, физическое Я, телесное Я, схема тела, внешний облик, внешность, концепция тела, телесность, телесная осознанность и др. Наиболее используемым понятием считается «образ тела» («body

image») — это многоаспектное динамическое образование, которое включает в себя весь набор знаний, представлений и телесного опыта личности [Гурылева, Белозерова, Семенова]. Образ тела познается и формируется на протяжении всей жизни, изменяясь за счет трансформаций тела, развития самоосознания и взаимодействия с окружающими.

Отечественные и зарубежные исследователи изучают удовлетворенность телом, отношение к телу, внешнему облику (В. А. Лабунская, К. Н. Белогай, Е. В. Белуга, А. Н. Хрупова, В. В. Сенченко, С. С. Татаурова, И. Н. Димура, Т. С. Пилишвили); связь образа тела с самоотношением (самоуважение, аутосимпатия: самоуничижение) (Н. А. Авдюнина, Е. В. Кузнецова, Т. А. Фассахова, В. Н. Клёва, Е. С. Пышкина); влияние родителей, сверстников и медиа на образ тела и самоотношение (Н. Vall-Rogue, N. L. Wood-Barcalow, S. R. Roberts, A. J. Maheux, J. Fardouly); стратегии и способы формирования позитивного образа тела (J. V. Webb, Н. А. Каминская, Т. С. Пилипенко, Т. П. Шеина, Т. Г. Волкова, Н. Н. Вересов) и т. д.

В настоящее время в большинстве исследований ученые рассматривают феномен «образ тела» как «сложное комплексное единство восприятия, установок, оценок, представлений, связанных с телесной внешностью и с функциями тела» [Соколова, с. 22]. В его структуру включают четыре главных компонента:

- перцептивный (как человек воспринимает свое тело);
- эмоциональный (какие чувства человек испытывает по отношению к своему телу);
- когнитивный (что человек думает о своем теле, как его оценивает, какие выводы на основе этого делает);
- поведенческий (что человек делает в связи с особенностями своего тела) [Мешкова].

Отношение человека к своему телу может отражать его отношение к себе в целом. Это отношение может быть объектным и субъектным. В первом случае к телу проявляется в некотором смысле властное, потребительское отношение, как результат — неумение слышать потребности тела, учитывать его особенности, возможности, недоверие к телесному опыту. При субъектном отношении тело не воспринимается отдельным от человека, есть доверие себе, «мудрость тела», углубляется контакт с самим собой [Леви].

Исследователи выделяют следующие особенности образа тела и самоотношения у студентов:

- в подростковом и юношеском возрасте, как отмечают авторы (Е. Т. Соколова, В. С. Мухина, И. И. Чеснокова, М. Владимирова, И. С. Кон, А. Ш. Тхостов, А. А. Налчаджян, Р. Бернс, А. Г. Черкашина, В. И. Черкашин и др.), происходит особо интенсивное формирование образа тела: когнитивного компонента — в связи с интенсивными изменениями внешности; аффективного — в связи с неустойчивостью самооценки в этом возрасте [Шишковская];

- образ тела девушек (19–20 лет) зависит от внешних стандартов и обратной связи, которую девушки получают от окружающих, в том числе других значимых — отца, матери, партнера [Белогай];

— удовлетворенность своим телом связана с самоуверенностью, самоуважением, самоценностью, самоинтересом, позитивным самоотношением в целом: спокойствие, энергичность, интернальность, дисциплинированность;

— низкая оценка своего тела связана с самообвинением, внутренней конфликтностью, несогласием с собой, антипатией к себе, снижением уровня интегрального самоотношения: тревожность, неуверенность в себе, застенчивость, несдержанность [Авдюнина; Клёва, Чернявская; Светикова, Борисенко; Пилишвили, Едигменченко; Пилишвили, Данилова; Фассахова, Добрынин].

Студенты считают, что привлекательный внешний облик положительно влияет на сферу общения, дружбы и ощущение счастья. Те, кто менее удовлетворен внешним обликом, считают, что если бы они обладали более привлекательной внешностью, то были бы более уверены в себе и чувствовали себя более счастливыми. При этом молодые люди, у которых высокая жизненная удовлетворенность, не придают большого значения внешнему облику и его ценности для улучшения своей жизни, хотя и имеют высокую удовлетворенность своей внешностью [Лабунская; Фассахова, Добрынин].

Для ощущения широты жизни, активного участия в различных событиях студентам важно хорошо выглядеть, чувствовать себя сексуальными и привлекательными, женственными / мужественными [Попова].

Данные исследований гендерных различий в отношении к своему физическому Я противоречивы. В. Н. Клёва, В. С. Чернявская и В. В. Сенченко утверждают, что юноши более удовлетворены телом, внешним обликом и имеют более высокий уровень самоотношения, чем девушки [Клёва, Чернявская; Сенченко]. С другой стороны, Е. С. Пышкина и Е. В. Зиновьева отмечают, что достоверных различий в удовлетворенности параметрами тела у юношей и девушек нет. Статистически мужчины более удовлетворены своим весом, но при этом девушки более удовлетворены внешностью, чем юноши [Пышкина, Зиновьева].

По мнению А. Н. Хруповой, девушки выше оценивают свою приближенность к идеалу, для них наиболее важны анатомические и социальные характеристики тела, для юношей — функциональные. Для студенток значим их внешний вид, юноши же предпочитают быть сильными, что выражается в выборе физических качеств как наиболее значимых [Хрупова].

В. В. Сенченко изучал когнитивные установки по отношению к идеальному телу. Для девушки идеальное тело — стройное, упругое; для юношей более значимы функциональные характеристики — сила, ловкость, развитая мускулатура [Сенченко; Татаурова].

И. Н. Димура исследовала когнитивную составляющую мужской телесности. Она выделяет три группы категорий высказываний мужчин по отношению к собственному телу:

— уважительное отношение к телу: мое тело — это крепость, храм божий, дом души (духа), опора ума и воли, источник жизни;

— эмоциональное пренебрежение телом: тело — это мрак, боль, тюрьма, «это», подводит меня;

— властное отношение к телу: тело — это оболочка, транспортное средство, оно служит мне, полностью подчиняется, я его контролирую, что приводит к чрезмерному увлечению диетами, физическими нагрузками, фармакологией, косметикой, к гедонизму и т. д. [Димура].

Зарубежные исследователи изучают влияние использования социальных сетей на удовлетворенность своим телом. Сравнение себя с другими в социальных сетях ведет к меньшей удовлетворенности внешним видом и стремлению выглядеть худее и подтянутее, снижается позитивное настроение и возникает больше мыслей о диете и физических упражнениях, чем при отсутствии сравнения [Fardouly, Pinkus, Vartanian; Robertset al.; Vall-Roqué, Andrés, Saldaña].

Также изучаются различные стратегии взаимодействия с телом и их влияние на отношение к себе и внешности. Выявлена высокая оценка своего физического Я у тех студентов, кто поддерживает здоровый образ жизни, ценит свое здоровье, занимается спортом [Волкова, Вересов; Шеина, Серганов].

Зарубежные исследователи отмечают, что более высокая удовлетворенность своим телом и большее количество вкладываемых усилий в него влияют на снижение депрессивных симптомов. При этом сильнее связь между действиями, направленными на заботу о теле и симптомами депрессии, чем между просто удовлетворенностью телом и симптомами депрессии [Mierlo, Scheffers, Koning; Vall-Roqué, Andrés, Saldaña].

Девушки с высоким уровнем удовлетворенности своим телом предпринимают последовательные шаги для улучшения своей внешности, что способствует формированию устойчивой симпатии к себе, самоуважения и принятия себя [Светикова, Борисенко]. Можно сказать, что формирование положительного отношения к телу является активным процессом и связано с действиями, с усилиями, которые человек прикладывает для самопринятия, самоуважения [Пилипенко; Сенченко; Webb, Wood-Barcalow, Tylka]. В качестве примеров действий можно указать следующие: позитивное рациональное принятие, гибкость образа тела, опора на функциональность тела, сонатройка (чувствительность — реагирование на запросы тела, удовлетворение потребностей, внимательный осознанный уход за собой — саморегуляция), позитивный и принимающий себя разговор о теле, гордость телом, его особенностями, расширение понятия «красота» [Webb, Wood-Barcalow, Tylka].

Цель данного исследования: изучить особенности связи компонентов образа тела и самоотношения студентов.

Методология и методы исследования

Методологической базой исследования образа тела выступила модель Дж. К. Томпсона. Он выделил три основных составляющих телесного образа:

1) перцептивный компонент, который отражает представления человека о его собственной физической внешности;

2) эмоционально-оценочный компонент, состоящий из установки человека по отношению к своему телу: ценность (степень удовлетворенности или

неудовлетворенности телом) и валентность (влияние телесного образа на самооценку);

3) поведенческий компонент, демонстрирующий, насколько поведение человека зависит от ощущений и восприятий своего тела [Рамси, Харкорт; Thompson, Schaefer, Cash].

Для подробного изучения структуры образа тела был выбран ассоциативный эксперимент. Стимулами для ассоциаций выступили словосочетания: «мое тело для меня» (перцептивный компонент), «эмоции к моему телу» (эмоционально-оценочный), «мое тело в действии» (поведенческий компонент). Было собрано 2400 описательных конструкторов (ассоциаций). В начале анализировался полный список полученных ассоциаций. Далее выделялись более крупные категории, объединяющие данные слова, которые разделялись на три блока на основе исследования А. В. Светиковой, Э. В. Борисенко: положительная, нейтральная, отрицательная оценка [Светикова, Борисенко]. Затем подсчитывалось процентное распределение описательных категорий по каждому компоненту образа тела.

Для более подробного изучения перцептивного и эмоционально-оценочного компонентов была применена методика «Самооценка внешнего облика» В. А. Лабунской. Оценка анатомических, функциональных и социальных характеристик физического Я в двух системах — сравнение себя с другими и выявление значимости этих характеристик для самой личности — осуществлялась при помощи методики исследования самоотношения к образу физического Я А. Г. Черкашиной. Для оценки отношения к себе была использована методика исследования самоотношения С. Р. Панталева.

Выборку исследования составили 174 студента Уральского федерального университета г. Екатеринбурга, среди них 21 юноша (12 %) и 153 девушки (88 %). Возраст испытуемых — от 18 до 24 лет. Средний возраст — 19,5 лет. Неравномерность гендерного состава выборки может объясняться малой численностью студентов мужского пола на гуманитарных факультетах университета.

Данные были получены с помощью онлайн-тестирования (google-формы).

Статистическая обработка результатов осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics. Были использованы: критерий Колмогорова — Смирнова (для проверки нормальности распределения переменных в выборке), *t*-критерий Стьюдента (для оценки различий между девушками и юношами по уровням удовлетворенности телом и самоотношения), коэффициент корреляции Пирсона (для выявления и оценки тесноты связи между показателями образа тела и самоотношения).

Результаты исследования основных описательных конструкторов образа тела

Перцептивный компонент представляет собой описание тела («мое тело для меня»). Юноши указали 111 положительных характеристик тела. Среди них: источник энергии (14 упоминаний), часть их самих (13), возможности (9), красивое (7), дом (8), опора (7), храм (7), оболочка (7), сильное (4), Девушки

предоставили 794 положительные характеристики: красивое (74), подтянутое (27), значимое (26), сильное (24), живое (23), любимое (23), комфортное (21), здоровое (17), чувственное (13), сексуальное (13), изящное (12), уникальное (12). Они видят в теле точку роста (26), мотивацию и возможности развития (10). Так же, как и для юношей, для девушек тело выступает храмом (38), местом опоры и защиты (34), другом и помощником (28), домом (23).

В меньшей степени студенты видят в теле проблему: комплексы, боли, сложности (7 упоминаний из 111 у юношей и 26 из 794 у девушек). Для малого процента девушек тело является клеткой (5), неидеальным (6), неправильным (6).

Оценочный компонент показывает эмоциональное отношение к телу («эмоции к моему телу»). У части респондентов в ассоциативном ряду присутствовали амбивалентные эмоции и чувства (например, радость и грусть, принятие и ненависть, спокойствие и раздражение и др.). Это может быть связано с неустойчивым самоотношением, изменениями в теле, ситуативной обеспокоенностью, общим эмоциональным состоянием. Данную тенденцию отмечали и сами студенты, эмоции по отношению к телу — динамичные, переменчивые, меняющиеся, неоднозначные. Распределение студентов в зависимости от эмоционального отношения к собственному телу (негативные, смешанные, положительные эмоции) представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение студентов в зависимости от эмоционального отношения к собственному телу (негативные, смешанные, положительные эмоции)

Отношение	Девушки, $n = 153$	Юноши, $n = 21$
Положительное	106 (69 %)	14 (67 %)
Смешанное	36 (23 %)	5 (24 %)
Неативное	11 (7 %)	2 (9 %)

Из списка полученных эмоций у каждого человека были выделены первые три эмоциональные единицы, возникшие в ассоциативном ряду как самые значимые. Из табл. 1 следует, что:

— 13 человек (11 девушек, 2 юноши) испытывают негативные эмоции к своему телу: грусть, недовольство, стыд, тревогу, отчаяние, отрицание, равнодушие, непонимание, вину, ненависть, страх, раздражение, уныние, разочарование;

— 41 человек (36 девушек, 5 юношей) испытывают смешанные, полярные эмоции: грусть и радость, неприязнь и принятие, ненависть и любовь, боязнь и интерес, беспокойство и спокойствие, боль, злость, разочарование и уважение, трепет, восхищение;

— 119 человек (106 девушек, 14 юношей) испытывают положительные эмоции к своему телу: радость, любовь, спокойствие, восхищение, принятие, счастье, нежность, забота, благодарность, гордость, трепет, уважение, интерес, удовлетворение, тепло.

Поведенческий компонент связан с описанием тела в действии («мое тело в действии»). Полученные ассоциации были разделены на три категории: какое тело в конкретном действии и сравнение тела с чем-то или кем-то.

Юноши в первую очередь определили тело в действии как сильное (9 упоминаний из 85), быстрое (5), выносливое (4), спортивное (2), послушное (2), точное (3), ловкое (3), красивое (3), мощное (2), смелое (2), резкое (2), устойчивое (2), легкое (2), энергичное (1), грациозное (2), страстное (1), уверенное (1). В негативном аспекте тело может быть несуразным (1), усталым (2), громким (1), разрушительным (1).

Девушки также описали тело в движении с точки зрения его функциональности: сильное (37 упоминаний из 526), активное (25), быстрое (24), гибкое (21), энергичное (17), выносливое (14), желанное (11), легкое (11), послушное (8) — и то, каким оно выглядит в движении: грациозное (33) и красивое (24). В отрицательном ключе тело ощущается как неуклюжее (14), скованное (13), слабое (11), вялое (10), устающее (10), непослушное (5), тяжелое (5).

Юношам тело дает возможность бежать (2 упоминания из 85), прыгать (2), идти (2), взаимодействовать с другими (1). В движении тело улучшается (1) и становится сильнее (1). Девушки также отметили бег (4 упоминания из 526) и ходьбу (2) и добавили танец (5) и работу (5). Они заметили, что в действии тело подсказывает им, что делать (6), это говорит о таком компоненте позитивного образа тела, как внимательность к нему.

Юноши сравнивают тело с машиной (2 упоминания из 85), конем (1), китом (1), слоном (1); для девушек тело скорее музыкальный инструмент (3 упоминания из 526), ветер (2), воздух (1), стержень (1).

Процентное распределение описательных категорий компонентов образа тела и их эмоциональной окраски у юношей и девушек представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение описательных категорий компонентов образа тела и их эмоциональной окраски, %

Оценка	Компоненты образа тела					
	перцептивный		эмоционально-оценочный		поведенческий	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Положительная	92	82	71	65	78	74
Нейтральная	2	10	4	13	12	7
Отрицательная	6	8	25	22	10	19

Согласно данным, приведенным в табл. 2, у студентов преобладают положительные представления о собственном теле. Юноши чаще описывают тело с положительной стороны, чем девушки. Это может быть связано с различиями

в уровне отношения к себе в целом, с тем, что девушки больше внимания обращают на свое тело, внешность, эмоциональное состояние, они чаще замечают не только достоинства, но и особенности, которые могут восприниматься как недостатки. На их представления, вероятно, оказывают влияние и стандарты красоты, которые более строги именно к женщинам, что обуславливает них большую критичность к собственному телу.

Результаты исследования отношения к внешнему облику собственного тела

Согласно результатам исследования, большинство студентов высоко оценивают компоненты своего внешнего облика. Самую высокую оценку они дают выразительности поведения (мимика, жесты, походка и т. д.). Лицо и телосложение студенты оценивают практически одинаково. Это может говорить о целом восприятии лица и тела как единой системы. Интересно, что привлекательность внешнего облика для противоположного пола оценена выше, чем его сексуальность. В ассоциативном эксперименте для описания тела студенты чаще использовали слова «привлекательное», «красивое», нежели «сексуальное», «желанное». Возможно, это связано с табуированностью темы секса в обществе, сексуальность — это скорее что-то личное, сокровенное. Кроме того, не у всех студентов имеется сексуальный опыт. Также понятие «привлекательность» может быть намного шире и разнообразнее «сексуальности», студентам проще соотнести свой внешний облик с первым термином.

В табл. 3 представлено распределение респондентов в соответствии с уровнями оценки показателей своего внешнего облика.

Таблица 3

Распределение респондентов в соответствии с уровнями оценки показателей своего внешнего облика ($n = 174$), %

Показатель	Уровень		
	высокий	средний	низкий
Лицо	66	30	4
Телосложение	64	30	6
Оформление внешнего облика	59	38	3
Выразительность поведения	78	21	1
Привлекательность	63	30	7
Сексуальность	50	42	8

В выборке преобладают студенты с высоким уровнем оценки своего внешнего облика. Девушки выше оценивают ряд показателей. Различия по полу найдены в следующих показателях: лицо ($t = 0,008$ при $p \leq 0,05$), телосложение ($t = 0,011$

при $p \leq 0,05$), оформление внешнего облика ($t = 0,003$ при $p \leq 0,05$), выразительное поведение ($t = 0,004$ при $p \leq 0,05$), интегральная оценка внешнего облика ($t = 0,002$ при $p \leq 0,05$). В остальных показателях различий по полу найдено не было. Данные подтверждают исследование Е. С. Пышкиной и Е. В. Зиновьевой, которые отмечают у девушек большую удовлетворенность своей внешностью, нежели у юношей [Пышкина, Зиновьева]. При этом полученные результаты противоречат исследованиям В. Н. Клёвы, В. С. Чернявской, В. В. Сенченко, согласно которым юноши в большей степени удовлетворены своим телом и внешним обликом [Клёва, Чернявская; Сенченко].

Результаты исследования отношения к образу физического Я

Большинство студентов высоко оценивает свое отношение к образу физического Я. Ниже остальных оказалась оценка функциональных характеристик в системе «Я — другие». Это свидетельствует о том, что студенты ниже оценивают силу, выносливость, скорость, гибкость своего тела в сравнении с другими людьми.

При анализе различий в показателях оценки характеристик образа физического Я между девушками и юношами было обнаружено, что в системе «Я — другие» девушки в среднем выше оценивают свои анатомические и социальные характеристики, юноши — функциональные. При этом все характеристики физического Я для девушек более значимы, чем для юношей (система «Я — Я»).

В системе «Я — другие» различия найдены в показателе социальных характеристик ($t = 0,001$ при $p \leq 0,05$). Это частично подтверждает данные А. Н. Хруповой о том, что девушки выше оценивают социальные характеристики, но опровергает мнение о том, что юноши оценивают выше функциональные характеристики [Хрупова]. В системе «Я — Я» различия по полу найдены в показателе социальных характеристик ($t = 0,004$ при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что для девушек более значимо то, как и во что они одеты.

Результаты исследования отношения к себе

В целом по выборке студенты характеризуются позитивным самоотношением. У них преобладает средний уровень оценки по всем показателям самоотношения, кроме самооценности. Это указывает на то, что студенты ощущают ценность собственной личности, заинтересованы в собственном Я и проявляют любовь к себе (табл. 4).

При анализе ассоциативных рядов выявлено, что для большинства девушек характерны положительные эмоции по отношению к телу: радость, любовь, счастье, спокойствие, принятие, восхищение, гордость, уважение, интерес, благодарность, нежность, трепет.

Различия по полу обнаруживаются в показателях саморуководства ($t = 0,01$ при $p \leq 0,05$) и самооценности ($t = 0,008$ при $p \leq 0,05$), в остальных показателях различия отсутствуют. Данные свидетельствуют о том, что девушки ощущают

собственное Я как внутренний стержень, больше любят и ценят себя, чем юноши. Полученные результаты противоречат данным В. Н. Клёвы, В. С. Чернявской и В. В. Сенченко [Клёва, Чернявская; Сенченко]. В их исследованиях юноши характеризуются более высоким уровнем самооотношения, чем девушки; в нашем — различий найдено не было.

Таблица 4

Распределение уровней оценки показателей самооотношения ($n = 174$), %

Показатель	Парциальные шкалы	Уровень		
		высокий	средний	пизкий
Самоуважение	Открытость	11	87	2
	Самоуверенность	7	91	2
	Саморуководство	44	53	3
	Зеркальное Я	17	77	6
Аутосимпатия	Самоценность	53	45	2
	Самопринятие	23	75	2
	Самопривязанность	2	86	12
Самоуничижение	Конфликтность	6	72	22
	Самообвинение	12	59	29

Как связаны оценка внешнего облика, образ физического Я и самооотношение студентов? Значимые связи представлены в табл. 5.

Таблица 5

Корреляционная матрица значимых связей

Показатель	Самоуважение	Аутосимпатия	Самоуничижение
Интегральная оценка внешнего облика	0,472**	0,559**	-0,446**
Тело	0,323**	0,492**	-0,392**
Анатомические характеристики (самооценка)	0,352**	0,410**	-0,346**
Функциональные характеристики (самооценка)	0,241**	0,347**	-0,220**
Социальные характеристики (самооценка)	0,341**	0,341**	-0,329**

Примечание: ** $p \leq 0,01$.

Удовлетворенность внешним обликом и телом оказалась положительно связана с самоуважением и аутосимпатией и отрицательно с самоуничижением. Это подтверждает результаты, полученные в исследованиях А. В. Светиковой, З. В. Борисенко и Т. А. Фассаховой, И. М. Добрынина [Светикова, Борисенко; Фассахова, Добрынин]. Получается, чем выше удовлетворенность своим телом, тем выше самоуважение и аутосимпатия, и наоборот, чем ниже удовлетворенность, тем выше самоуничижение.

Выявлена связь самоотношения с оценкой анатомических, функциональных и социальных характеристик тела. Можно предположить, что изменения в теле, улучшение показателей выносливости, силы, гибкости, скорости, ловкости и внешнее преображение при помощи одежды, аксессуаров влекут за собой повышение самоуважения и аутосимпатии. Интересно исследовать, какой из этих аспектов покажет наибольшую эффективность.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что большинство студентов описывает свое тело с положительной стороны: сильное, красивое, живое и т. д. Тело значимо для студентов, они относятся к нему бережно и с уважением, для них тело — это храм, место опоры и защиты, дом и т. п. Среди эмоций в отношении к телу преобладают радость, гордость, принятие и т. д. Однако, как отмечают студенты, эмоции в отношении собственного тела — переменчивые, неоднозначные. Это может быть связано с неустойчивым самоотношением, изменениями в теле, ситуативной обеспокоенностью, общим эмоциональным состоянием.

Среди юношей больше респондентов с высоким уровнем всех трех компонентов телесного образа (перцептивного, эмоционально-оценочного и поведенческого), чем среди девушек.

У большинства студентов выявлен высокий уровень оценки внешнего облика и образа физического Я. У девушек выше самооценка внешнего облика (лицо, телосложение, оформление внешнего облика, выразительное поведение), а также социальных характеристик и таких показателей самоотношения, как саморукводство и самооценочность. Анатомические и функциональные характеристики физического Я одинаково значимы для обоих полов.

Корреляционное исследование показало, что удовлетворенность телом положительно связана с самоуважением и аутосимпатией, а недовольство — с самоуничижением.

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в изучении поведенческих стратегий, способствующих формированию позитивного образа тела, а следовательно, позитивного отношения к телу и себе.

Авдюнина Н. А. Образ тела как компонент самосознания в юношеском возрасте // Вестн. ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. № 2. С. 77–85.

Белогой К. Н. Образ тела женщины: онтогенетические и социокультурные аспекты развития, возрастно-психологическая изменчивость : дис. ... д-ра психол. наук. Кемерово, 2021. 441 с.

Волкова Т. Г., Вересов Н. Н. Образ физического Я студентов в контексте психологического здоровья // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15). С. 70–78.

Гурылева Л. В., Белозерова Л. А., Семенова И. А. К проблеме исследования образа тела у современных подростков // Соврем. исслед. социальных проблем. 2016. № 3–2 (59). С. 242–248.

Димура И. Н. Мужская телесность глазами мужчин // Вестн. Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. 2015. № 4 (39). С. 167–176.

Клёва В. Н., Черняская В. С. Самоотношение лиц с разным отношением к физическому Я на примере студентов разного пола // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер. : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. № 2. С. 88–96.

Лабунская В. А. Самооценка, ценность, значимость внешнего облика в студенческой среде и удовлетворенность жизнью // Южнорос. журн. социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 198–209.

Левы Т. С. Отношение к телу в структуре самоотношений // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 72–75.

Мешкова Т. А. Концепция позитивного образа тела в современной зарубежной психологии // Соврем. зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 2. С. 55–69.

Пищпенко Т. С. Самопринятие как субъектная характеристика // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. : Психология. 2022. Т. 40. С. 78–85.

Пишивили Т. С., Данилова А. Л. Специфика субъективного благополучия личности у девушек юношеского возраста (на примере удовлетворенности своим телом) // КПЖ. 2018. № 4 (129). С. 180–184.

Пишивили Т. С., Едименченко В. С. Особенности удовлетворенности своим телом у молодых женщин // МНКО. 2018. № 6 (73). С. 395–397.

Попова Л. В. Анализ взаимосвязи уровня удовлетворенности жизнью и представлений о внешнем облике у студентов // Мир науки : интернет-журн. 2018. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/148PSMN618.pdf> (дата обращения: 13.01.2023).

Пышкина Е. С., Зиновьева Е. В. Телесный образ Я и гендерная идентичность молодежи // Вестн. науки и образования. 2019. № 9-1 (63). С. 101–105.

Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности / пер. с англ. под ред. А. П. Федорова. СПб., 2009. 256 с.

Светикова А. В., Борисенко З. В. Образ тела в структуре самоотношения молодежи // StudNet. 2021. № 6. С. 1421–1437.

Сенченко В. В. Гендерные особенности восприятия образа Я студентами // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 88–92.

Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989. 216 с.

Татаурова С. С. Сравнительное кросс-культуральное исследование образа тела как когнитивной структуры самосознания // Психология. Психофизиология. 2012. № 31. С. 18–24.

Фассахова Т. А., Добрынин И. М. Взаимосвязь уровня удовлетворенности внешностью с ценностно-смысловыми ориентациями и самоотношением в период молодости // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер. : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 3. С. 108–117.

Хрупова А. Н. Представления студентов об идеале собственного тела // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : Психол. науки. 2019. № 2. С. 54–64.

Шеина Т. П., Серганов С. Н. Особенности самоотношения и психологического состояния лиц, занимающихся оздоровительными видами физической культуры // МНИЖ. 2019. № 11-2 (89). С. 102–104.

Шишкова А. В. Теоретические представления об образе физического Я в психологии // Сев.-Кавказ. психол. вестн. 2009. № 3. С. 71–78.

Fardouly J., Pinkus R. T., Vartanian L. R. Targets of comparison and body image in women's everyday lives: The role of perceived attainability // Body Image. 2021. Vol. 38. P. 219–229.

Mierlo L. A., Scheffers M., Koning I. The relative relation between body satisfaction, body investment, and depression among dutch emerging adults // Journal of Affective Disorders. 2021. Vol. 278. P. 252–258.

Roberts S. R., Maheux A. J., Hunt R. A., Ladd B. A. Incorporating social media and muscular ideal internalization into the tripartite influence model of body image: Towards a modern understanding of adolescent girls' body dissatisfaction // Body Image. 2022. Vol. 41. P. 239–247.

Thompson J. K. Body image, eating disorders, and obesity: An emerging synthesis // Body image, eating disorders, and obesity: An integrative guide for assessment and treatment. Washington, 1996. P. 1–20.

Thompson J. K., Schaefer L. M. Thomas F. Cash: A multidimensional innovator in the measurement of body image; Some lessons learned and some lessons for the future of the field // Body Image. 2019. Vol. 31. P. 198–203.

Vall-Roqué H, Andrés A, Saldaña C. The impact of COVID-19 lockdown on social network sites use, body image disturbances and self-esteem among adolescent and young women // Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry. 2021. Vol. 110. P. 107–115.

Webb J. B., Wood-Barcalow N. L., Tylka T. L. Assessing positive body image: Contemporary approaches and future directions // Body Image. 2015. Vol. 14. P. 130–145.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024 г.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Научная статья

УДК 159.923.33 + 321.011.1 + 316.648.43 + 316.6:140 + 316.37 + 81'373.49 +
+ 37.013.73 + 165.8

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.041

ЛИЧНОСТНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: КАК ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ МАНИПУЛЯЦИЙ СОЗНАНИЕМ

Юрий Александрович Ермаков

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
Jury.Ermakov@urfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0943-7391>*

А н н о т а ц и я. В статье раскрываются основания зависимости индивидуального сознания от сознания общественного, такие как отсутствие тождества их содержания, разные объемы и динамика, «молчаливый» характер бытия отдельного индивида, господство в актуальной культуре социальных способов понимания и чувствования реальности, смысловой интерпретации общественных фактов и событий. Утверждается, что сегодня для противостояния агрессии манипуляций сознанием человеку необходимо осваивать технику духовной безопасности, включающую конкретные приемы защиты мыслительной и эмоциональной автономии его личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: информационная асимметрия; интересубъективность; майевтика; рефрейминг контекста и смысла; имморальный анализ; эвфемизмы; слова-ласки; когнитивный диссонанс

PERSONAL SOVEREIGNTY: HOW TO PROTECT YOURSELF FROM MIND MANIPULATION

Yuri A. Ermakov

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,*

Jury.Ermakov@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0943-7391>

Abstract. The article reveals the reasons for the dependence of individual consciousness on social consciousness, lack of identity regarding the content, the “silent” nature of life activity of an individual, the dominance culture of social ways of understanding and feeling reality in the current, and meaningful interpretation of social facts and events. It is argued that today, in order to resist the aggression of consciousness manipulation, a person needs to master the technique of spiritual security, which includes specific techniques to protect the thought and emotional autonomy of his personality.

Keywords: information asymmetry; intersubjectivity; maieutic; reframing of context and meaning; immoral analysis; euphemisms; terms of endearment; cognitive dissonance

Самостоянье человека,
Залог величия его.

А. С. Пушкин

Можно ли сегодня полностью избежать манипуляций сознанием? Правильный ответ: нет, нельзя, это невозможно. Во всяком случае, совсем от них уйти не получится. Но тогда неизбежно возникают следующие вопросы: почему так происходит и как противостоять этим манипуляциям? Попробуем в этом разобраться.

Обычно под манипуляциями сознанием, и в целом — человеческой личностью, в теории и на практике подразумевают связанную с изощренной хитростью и коварством, с иллюзиями и медиаобманом тысяч, а то и миллионов людей интеллектуальную деятельность, доступную правящим группам и особо одаренным в этом отношении индивидам [Кара-Мурза]. Речь идет об известных и малоизвестных политиках-популистах, о своекорыстных чинах госаппарата, о медиамагнатах и наделенных макиавеллистскими чертами проходимцах из бизнеса и пропагандистских шоу, а также из сферы популярной культуры и быстротечной моды. И, конечно, о погрязших в хитроумных схемах извлечения барышей менеджерах крупных корпораций, фирм и т. п.

На бытовом уровне в многообразии живых межличностных отношений также подчас господствуют «иллюзионисты» и «маги», успешно манипулирующие духовной сферой близких им людей. И они не так уж редко доводят своих жертв до серьезного лечения у психиатров и психотерапевтов [Саймон]. Словом, манипуляции сознанием считаются по обыкновению неодолимым, пагубным и наносящим ущерб личности человека явлением. Но так ли это на самом деле? Является ли такая их оценка полной и исчерпывающей?

Поначалу следует вспомнить, что способность к манипулированию вещественной средой, окружающей нас, дана *Homo sapiens* изначально. Такие науки, как зоопсихология, этология и антропология, применяют термин «манипуляция» в первую очередь к двигательной активности животных, включая высших приматов. Эта активность природных собратьев направлена на перемещение, комбинирование различных предметов в соответствии с их органическими нуждами, т. е. на элементарное изменение ближайшей вещной среды. Делается это животными, как правило, с помощью передних конечностей и ротового аппарата, а также благодаря их простой орудийной деятельности. Шимпанзе, палкой сбивающая плоды с деревьев или камнем разбивающая скорлупу орехов; бобры, сооружающие себе на реках целые плотины; птицы, искусно строящие себе удобные гнезда на деревьях... Все эти разнообразные манипуляции осуществляются в поисках пропитания и для выращивания потомства, а также в охотничьем промысле хищников и, напротив, при защите от их нападения, в брачных и обучающих играх и т. п. Разумеется, эти рефлекторные манипуляции — еще не трудовая деятельность, однако отчасти определенная ее предтеча, в особенности манипуляции «биологически нейтральными» предметами у высших приматов [Психология, с. 200–201].

Конечно, манипуляции предметами у животных и манипуляции сознанием у человека качественно отличаются друг от друга, хотя и названы одним словом (термином). Однако в первом случае речь идет о двигательной активности животных, исползующих в своих нуждах компоненты окружающей среды. Во втором же случае имеется в виду внедрение в сознание человека как объекта манипулятивного воздействия таких психологических элементов — иллюзий, установок, ценностей, стремлений, ложных убежденностей, рационализаций и др., — которые он считает частью своего духовного мира. Однако эти компоненты программируют его сознание, а затем и социально значимое поведение, действуя часто в интересах внешних сил и нередко чуждых (иногда враждебных) ему субъектов манипуляций.

При этом подчеркнем, что выработанная миллионами лет природной эволюции способность к разнообразным и продуктивным манипуляциям предметами окружающей среды стала мощным стимулом для развития познавательных способностей животных, и в особенности их интеллекта. Так, хорошо известно, что когнитивные способности к анализу и синтезу, являющиеся основой развитого человеческого ума, формировались у животных, в частности у приматов, под влиянием миллиарды раз повторявшихся в эволюции операций по разделению, соединению и комбинированию сочетаний разных предметов [Марков]. Эти, ставшие в конце концов алгоритмами операции в итоге и были зафиксированы устойчивыми цепочками нейронов, их генотипическими связями и сетями (аллелями) в структуре головного мозга. Таким образом, в длительной эволюции животных и человека двигательная, «ручная» и одновременно нейропластичная активность сыграла важнейшую роль в развитии интеллектуальных способностей и в становлении сознания, и это повторяется каждый раз при росте и взрослении отдельной особи *Homo sapiens* (соответствие и частичное сочетание фило- и онтогенеза).

Другими словами, наличие интеллекта, хотя и крайне различного по его развитости, объединяет очевидным образом животных и сапиенсов, однако сознание и разум присущи лишь последним. Разумеется, это отдельная и большая тема, но с учетом задач данной статьи скажем следующее.

Истоки возникновения и развития сознания лежат не только в орудийно-предметной, преобразовательной деятельности, хотя, конечно, и в ней тоже, но и в надприродных масштабах коллективной жизни человека. Говоря предельно просто, в отдельной голове особи *Homo sapiens* никакого такого сознания, кроме его нейросетевых и электромагнитных «следов», существующих в бесчисленных «дебрях» физиологического строения мозга, не найдешь. Сознание является, с одной стороны, уникальным продуктом чрезвычайно сложного, разнообразного и текучего социального взаимодействия человеческих индивидов. С другой стороны, индивидуальный субъективный формат сознания обладает определенной бытийной автономией и свободой, порождающей неконформизм взглядов многих людей, их личные творческие достижения и способность идти интеллектуально «против течения» и общественных императивов. Однако в целом в социальном взаимодействии, в рамках больших сверхорганических общностей, исчисляемых тысячами и миллионами людей, сапиенсы могут коммуницировать, сотрудничать и обмениваться речью, знаками и символами, а также товарами и услугами, с совершенно незнакомыми им людьми. Такие масштабы сотрудничества резко отличают их от братьев меньших — других видов высших приматов. Те могут взаимодействовать лишь в сообществах, включающих максимум 100–150 членов, при этом достаточно хорошо им знакомых. Эти предельные числа указывают на масштабы полезной функциональности сообществ приматов, их необходимую эффективность в процессе выживания и естественного отбора [Харари].

Но человек благодаря языку, речи, абстрактному мышлению и воображению может, например виртуально, находиться одновременно в разных местах, сотрудничать параллельно со множеством людей, разнесенных по различным геолокациям в масштабах всей планеты. В этом, в частности, и состоит «гениальность» человеческого сознания. *Homo sapiens* может благодаря своему интеллекту, техникам абстрагирования в нем, научным методам познания проникать в такие тайны, открытие которых невозможно себе даже вообразить в каком-либо образе или в «картинке». К примеру, нельзя воочию представить сингулярную точку зарождения нашей Вселенной (только в математических формулах) или соотношение в ней пространства, времени и движения (т. е. явление, открытое специальной теорией относительности). Словом, сознание является высочайшим коллективным благом, уникальным общественным достоянием, которое индивид осваивает, утверждает и даже иногда дополняет (если, конечно, удастся) на протяжении своей отдельной и, в исторических масштабах, достаточно короткой жизни.

Но во всеобщности (социетальности) данного продукта человеческой цивилизации и культуры таится и его уязвимость, хрупкость и даже беззащитность в конкретном бытии отдельных людей. И так обстоит дело несмотря на индивидуальный квазипространственный формат и своеобразие освоения и пользования

этими людьми данным общественным достоянием. Секрет императивности общественного сознания во влиянии на «головы» отдельных индивидов отражается отчасти в слове «интерсубъективность» (или иногда говорят «надперсональность», «имажинарность» [Иванчук, с. 92]).

Дело в том, что существующие коммуникативные сети, включая интернет, печатные и мультимедийные СМИ, радио, ТВ и другие каналы офлайн- и онлайн-общения, как бы соединяют, связывают и сочленяют субъективные форматы индивидуального сознания людей. Между тем в их воображении живут такие бестелесные и незримые сущности, как, например, бог или права человека, духовные ценности и природные законы, нации и традиции, а также баснословная стоимость естественных богатств и курсы валют. Эти и многие другие «призрачные» феномены образуют и презентуют не только общественные порядки и устройство повседневной жизни граждан. Они действуют еще и в воображении людей на основе совершенно абстрактных представлений о справедливости, правде и солидарности, и даже о красоте, гармонии и совершенстве. Между тем эти удивительные феномены сами по себе никто и никогда воочию не видел, как никто не наблюдал напрямую и отдельно от всего, например, общественные или личные отношения, а также — собственно власть, культуру, государство или политические системы (эйдосы, по Платону, т. е. умопостигаемые сущности вечно мира). Разумеется, эта нематериальность (= идеальность) сознания позволяет индивидам «работать» с репрезентами реальности — понятиями, идеями, представлениями, анализируя их, воображать и оценивать таким образом саму реальность, прогнозировать ее движение и изменения, проектировать новации в ней. Творческое мышление, рождаемое этим процессом, позволяет индивиду сохранять относительную суверенность своего сознания, его самостоятельность и рационально-критическое отношение к действительности.

Вместе с тем множественность предметно-вещественных и деятельных совокупностей, генерируемых совместно жизнедеятельностью больших масс людей, как и отдельные поступки человеческих индивидов, за которыми эти и тысячи других слов, а также их смысловых значений закреплены, образуют в итоге надперсональные общественные порядки, устойчивые социальные институты, которые предписывают, определяют и структурируют сознание миллионов и миллиардов людей на планете.

Если изменить, например, название всемирной сети закусовых «Макдональдс» на новое — «Вкусно — и точка», то поменяется только лексика, рекламное наименование (бренд), логотип и пр., но не материально-вещественная сеть закусовых в России. Она-то как раз в основном остается прежней. Однако жители нашей страны воспринимают ее уже как российское достояние. Точно также, к примеру, если поменять название «уральский университет» на «евразийский университет», то произойдет некоторая смысловая перестройка в восприятии этого учебного заведения общественным сознанием, связанная с масштабом его деятельности и геолокацией на определенных территориях, но не изменятся здания и сооружения, аудитории и преподавательский состав, спортзалы и столовые

этого университета. Все в основном останется тем же. Словом, и это очень важно, смысловое обновление в обоих наших примерах затрагивает, по существу, только сознание и воображение людей.

Таким образом, когда идеи, слова и смыслы овладевают массами, т. е. становятся надперсональными и «интерсубъективными», пронизывающими и структурирующими общественные отношения, они превращаются в императивную силу, предписывающую индивиду как ему думать, чувствовать и совершать определенные шаги и деяния. В определяющей степени эти конвенциональные общественные представления, укореняясь в человеческих связях и взаимных зависимостях, программируют сознание и линии поведения абсолютного большинства людей.

В чем же коренные предпосылки такой убедительной силы общественного сознания по отношению к его индивидуальному собрату? Разумеется, их множество, но одна из базовых и важнейших — это «молчаливый» характер индивидуального бытия отдельного человека. Дело в том, что оно в основном не имеет своего «авторского» языка, не говорит исключительно само по себе, полностью самостоятельно, своей собственной и оригинальной «речью». Это индивидуальное субъективное бытие усваивает тот язык (русский, китайский, японский, хинди и др.) и те понятия в нем, а также его категории, значения и смыслы, которые функционируют в культуре данного социума. Конечно, актуально функционирующая часть этой культуры помогает индивиду осознать, прояснить в отдельном его разуме складывающийся индивидуальный опыт, более того, придать ему функциональность — способность «работать» на благо самого индивида и его социальной среды. Но вместе с тем каждая автономная субкультура социума укоренившись в ней способами понимания и чувствования незримо навязывает индивиду специфическую интерпретацию данного индивидуального опыта, его особое истолкование по уже сложившимся социально значимым параметрам.

Короче говоря, общественная система осознания и чувствования действует в духовной сфере индивида как «фильтр»: его эмоции и переживания не смогут стать ясными и отчетливыми, облечься в понятную языковую форму, пока не пройдут через этот «фильтр». А между тем этот «фильтр» осуществляет своеобразную селекцию и отбор элементов опыта в сложившихся в данной культуре способах понимания и чувствования реальности, форматирует содержательное восприятие ее фактов и событий. Стратегическая задача такого общественного истолкования и оценки опыта отдельного индивида — превращение его самого в носителя и актора действующих общественных порядков, нацеливание и фокусировка данного индивида на посильное решение тех животрепещущих задач и проблем, которые стоят перед ним и окормляющим его обществом. Разумеется, это превращение не элиминирует тотально свободу сознания и воли отдельной личности, относительная автономия ее субъективности так или иначе сохраняется. Однако конвенциональные представления и установки, обеспечивающие сплочение индивидов, их относительное единомыслие и достижение таким образом успешной устойчивости общества, как правило, доминируют в нем, в процессе его функционирования и изменений.

Вместе с тем всегда, и это следует подчеркнуть особо, в силу общественной разнонаправленной динамики возникают «разрывы» и «расхождения» между сложившимися актуальными отношениями в обществе, с одной стороны, и огромным многообразием индивидуального опыта жизни в нем людей, с другой. Эти несоответствия и противоречия между ними подтверждаются тем очевидным фактом, что индивидуальное в людях сплошь и рядом не может воплотиться в том разнородном общественном концентрате, который представляют собой актуальные социальные отношения, данная культура и коллективное сознание. Индивидуальное не покрывается им, вырывается из-под его контроля, люди конфликтуют и противоборствуют, они часто не могут соединить свои деяния в общих интересах. Кроме того, ритм воспроизводства социальной (экономической) жизни может подчас не совпадать с темпом и особенностями жизни индивидуальной и даже им противоречить. Так, например, современное поточно-конвейерное производство при длительной занятости в нем приводит подчас своих работников к различным профессиональным заболеваниям, к выгоранию и эмоционально-интеллектуальной деградации. Однако осознание пагубности влияния потогонно-однообразных трудовых операций заглушается всеобщим и массовым характером условий работы на конвейере, а также различными бонусами компенсации его вредного воздействия.

Стало быть, «слабость» и уязвимость индивидуального сознания связаны не только с тем обстоятельством, что оно является своеобразным инобытием, духовной микропроекцией объективных общественных отношений и тех смысловых констант, которые закреплены за ними содержанием языка и культуры данного общества. В самом общественном сознании, многослойно «прошивающим» практическую жизнь людей, наряду с объективными представлениями о реальности присутствуют спонтанные игры вымысла и воображения, групповые фантазмы и заблуждения, застарелые иллюзии и привычные мифы. Конечно, многие личности — субъекты, оберегающие свою индивидуальную автономию и когнитивный суверенитет, осознают эти наваждения разума и стараются им противостоять. А вот для практик манипуляции эти феномены сознания и массовой культуры являются большим подспорьем.

Так, знаменитые интеллектуальные «идолы» рода, пещеры, площади и театра, филигранно выделенные в свое время Ф. Беконом [История философии, т. 2], создают одурманивающую предвзятость не только в живом массовом познании, но и в надперсональных, закрепленных в общественных структурах смысловых значениях. И, конечно, эти предрассудки живут и действуют в «сколках» индивидуальных сознаний, сопровождающих жизнедеятельность относительно обособленных индивидов.

Именно эта иллюзорная часть общественного и индивидуального сознания, сопряженная с играми воображения и выдумки, в первую очередь представляет собой сегодня сферу «охотничьего промысла» для авторитарных, да и подчас — что греха таить — демократических правительств. Они стремятся таким образом оказать решающее влияние на умы подданных и граждан, как это делают нередко

и глобальные, международные корпорации, формирующие себе клиентскую базу многочисленных адептов в виде широких потребительских сообществ. Поиск приверженцев в этой сфере присущ в известной степени и деятельности организаций гражданского общества, неправительственных институтов, социальных сетей и интернет-сообществ, стремящихся залучить себе новых сторонников и интересантов и таким образом поднять и институализировать свою общественную значимость, свой авторитет, усилить собственную легитимацию и влияние на умы и сердца граждан.

Превосходство и объемы информации массового сектора общественного сознания растут нынче по экспоненте благодаря всепроникающим в самые отдаленные уголки земного шара интернет-сетям, космической спутниковой связи с прямым выходом на мобильные телефоны, с помощью международных информационных агентств, национальных, региональных и корпоративных СМИ. Эти полчища коммуникативных каналов обеспечивают предельно разветвленную и бесперебойную информационную связь между глобализованным и разношерстным конгломератом сознания на планете и многомиллиардной мозаикой его индивидуальных проекций. Кроме того, эта всемирная паутина коммуникаций постепенно складывается в единую архитектуру невиданно плюрального информационного поля, стихийно обобщающего мириады персональных взглядов и воззрений и спонтанно типологизирующего их до кондиции общих конструкторов и мифологем массового общественного сознания, а то и до «пазлов» коллективного единомыслия. Вот почему факт духовного доминирования и незримого превосходства объемов, содержательной насыщенности и динамики массового общественного сознания над «сколками» сознаний индивидуальных вряд ли сегодня может вызвать большие сомнения.

Эта растущая и очевидная информационная асимметрия вносит в повестку дня критически важную проблему когнитивной защищенности индивидов, духовной безопасности их личности. Ведь «колебания» всемирного информационного поля могут не только ориентировать индивидов по фактам и смыслам конкретных событий и происшествий в мире, но и формировать целые «блоки» взглядов в их мировоззрении, генерировать доминанты мироощущения, а также правила и алгоритмы поведения в повседневной жизни.

Так, например, нынешняя политическая пропаганда, напоминающая подчас хирургическую лоботомию, задает векторы и направленность общественному мнению больших социальных групп и нередко выступает равнодействующим ценностным мерилем их политической и гражданской активности. А это, в свою очередь, чревато не только конструктивными, но и нередко разрушительными последствиями для мирной и благополучной жизни людей в современных обществах.

Другими словами, инфантильному, слепому или некритическому восприятию жизни на основе директив ошибочных и архаичных способов ее видения, понимания и чувствования следует противопоставить систему «сдержек и противовесов» в виде техники и приемов духовной безопасности людей, их здоровой

проницательности в восприятии явлений окружающей действительности. Такое интеллектуальное и душевное «самостоянье» (А. С. Пушкин) является важным слагаемым суверенитета личности, определенной гарантией ее возможности и способности прожить именно свою жизнь, построить ее по собственному, а не вмененному ей внешними силами сценарию. Иначе говоря, быть нормальным, развитым и адекватным человеком.

Вместе с тем сложность и трудоемкость распознавания манипуляций сознанием связаны с их важным и очень коварным свойством: как правило, люди принимают воздействие на них искусных и тайных манипуляций за проявление своих желаний, за выражение собственных чувств, мыслей и решений. В этом фундаментальном факте обнаруживает себя скорее всего чрезвычайно глубокая социальная природа человека, его эволюционная способность выживать в естественной и общественной среде лишь в составе определенных семейных и родовых общностей, под контролем социальных групп своего вида. Вот почему в позитивном своем проявлении манипуляции сознанием (а такие тоже есть) представлены очень широко, например, в семейной жизни, в формировании вмененных обществом стремлений индивидов к воспитанности, образованности и труду, в других духовных практиках и интеллектуальных дискурсах, формирующих и развивающих личность человека в качестве успешно действующего социального существа [Ермаков, 2013].

Также и вполне приемлемая нейтральность манипуляций действует сегодня, например, через влияние на потребительские пристрастия и покупательское поведение граждан. Современный нейромаркетинг обеспечивает, например, женщинам при выборе тех или иных покупок мысленный перебор своих идеальных «я» — роковой красавицы или образцовой бизнесвумен, идеальной домохозяйки или спортивной и обаятельной леди и, конечно, любящей жены и матери. Таким образом, поход по магазинам превращается подчас в повседневный гедонизм и убаживание своих многочисленных и воображаемых «я», на которых направлены уловки хитромудрых спецов маркетинга. А вот сезонные распродажи по сниженным ценам коррелируют, например, в игре потребительского воображения с веселым карнавальным шествием по нарядным коридорам торгово-развлекательных центров. Идея же чудесного ансамбля привлекательной целостности в облике покупателя неожиданным образом проявляется у него в желании докупить к одной правильной вещи множество красивых аксессуаров. Так, благодаря продуманным имиджевым манипуляциям мегамоллы превращаются в модель эйфорического мира, предлагающего своим адептам иллюзии праздника свободы выбора, обладания высоким общественным статусом, реализации своих самых сокровенных потребительских желаний.

Эта сравнительно безобидная игра воображения и шопинг-выдумки в других сферах жизни и деятельности человека, к сожалению, чревата его удручающим самообманом, досадными наваждениями временной «слепоты» в понимании реальности. «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...» — писал в свое время А. С. Пушкин [Пушкин, с. 189]. Он подметил в этом

высказывании фактически изначальную, подчас чрезвычайную уязвимость индивидуального сознания со стороны общественных иллюзий и искажающих сознание коллективных тщеславных вымыслов. Современный человек должен не просто помнить об этом, но и прилагать немалые усилия по выработке здравомыслящего и объективного взгляда на мир и, конечно, адекватного понимания действующих в нем людей.

Врачи, например, могут только лечить наши болезни, но о своем полноценном здоровье и его резервах человек вынужден позаботиться прежде всего сам. То же самое следует сказать и о здоровом понимании окружающего мира, поскольку хрупкость и подвластность нашего сознания социуму, заблуждениям и предрассудкам общества требует осмысленной его защиты и усилий по упрочению объективности и здравомыслия во взглядах на окружающее. Стало быть, здоровый и полноценный взгляд на действительность — большая жизненная сверхзадача каждого индивида, поскольку ее решение позволяет гораздо лучше и продуктивнее выстроить свою жизнь и осуществлять полнокровное бытие в данном обществе.

Эта сверхзадача предполагает развитие критического мышления и аналитических способностей человека, укоренения в нем стремления «подвергать сомнению» циркулирующие в половодье массовой информации нарративы и толкования конкретных событий и фактов. Так, например, в СМИ, в интернет-пропаганде и рекламе широко применяется такая достаточно известная техника воздействия на умы и души граждан, как «блистательная неопределенность», или, другое ее название, «сияющее обобщение» [Doob, p. 255–293]. Это многочисленные и развернутые утверждения и сюжеты, наделяющие конкретные объекты, социальные группы или массовые события обобщающим, предельно абстрактным значением, причем очень часто таким родовым именем, которое имеет позитивный и впечатляющий эмоциональный заряд. Эти «сияющие» наименования и характеристики объектов сопряжены, как правило, с высокими словами: «цивилизация», «культура», «созидательный труд», «пламенная любовь», «отечество», «права человека», «всевышний», «гуманизм», «духовность», «творчество», «добро» и т. п. В сочетании с патетикой и положительными чувствами они как бы «зажигают зеленый свет» на пропуск в индивидуальное сознание аудитории реципиентов. В свою очередь, это проникновение дает определенную власть над их духовной сферой, поскольку становится частью сознания воспринимающих.

Злободневный пример на эту тему: некоторые СМИ из недружественных стран утверждают на все лады, что наша страна из-за советского прошлого и нынешней государственной политики вышла из состава «мировой цивилизации» и уклоняется от «магистрального пути развития человечества». Этот достаточно влиятельный нарратив в зарубежной контрпропаганде построен фактически на подспудной логической ошибке — неправомерном расширении понятия «западная цивилизация» до масштабов «мировой». Между тем даже западной исторической науке хорошо известны суверенные цивилизации Китая, Японии, Индонезии, стран африканского континента и Латинской Америки (можно вспомнить цивилизации

ацтеков и инков), которые по многим своим параметрам не вписываются в специфику развития Европы и Северной Америки.

Так что данное «сияющее обобщение» создает нередко очередной пропагандистский мираж, неявным образом отвергающий не только особенности и ценность собственного национально-культурного опыта России, но и ее исторические цивилизационные достижения.

Можно привести более привычный и тривиальный пример влиятельных абстракций, когда предприятия или организации с целью привлечения новых кадров дают в СМИ рекламную информацию о высокой средней зарплате работников. При этом в цифрах средней зарплаты они лукаво объединяют доходы управленческого топ-персонала и рядовых сотрудников. И если директор на данном предприятии получает в месяц миллион рублей, а рядовой работник — 20 тыс., то, естественно, средняя зарплата получается 510 тыс. руб. Между тем этот усредненный мираж из цифр растворяет кричащее неравенство в доходах работников и таким образом разделенный, скорее всего, социально напряженный коллектив предприятия выдает за вполне благополучный.

Вот почему сегодня в восприятии важной информации необходим критический взгляд и аналитические навыки, позволяющие сквозь пелену словесных абстракций пробиваться к конкретике фактов и событий, к их причинно-следственным связям между собой и с окружающей средой. Начальным шагом в этом интеллектуальном движении следует признать умение задавать себе уточняющие, все более конкретные и детальные вопросы, научиться вести таким образом внутренний диалог, чтобы в конечном счете дойти до «вопросов самых последних» (Ф. Достоевский), т. е. до истока и корня животрепещущих проблем. Этот важный навык задавать умелые вопросы и вступать в коммуникацию (в том числе с самим собой) переводит нас из роли внимающих потребителей чужих идей и информации в качественно иной статус — равноправных участников общения. Уместно вспомнить при этом, что еще более 2,5 тыс. лет назад философ Сократ в своих уличных диалогах учил греков майевтике — мастерству вопрошания, т. е. умению задавать такие уточняющие и конкретные вопросы, которые, выявляя непримиримые противоречия в утверждениях спорящих, неумолимо ведут их к познанию истинного положения дел. В майевтике, или, как он считал, в своеобразном повивальном искусстве «родовспоможения души», философ развивал умение не только диагностировать лживости и фантазмы, но и отделять их от реальных вещей и явлений [История философии, т. 1]. Майевтику иногда называют «сократовским диалогом», который из разряда элитарных компетенций ученых и дипломатов переходит сегодня в категорию необходимых повседневных навыков, позволяющих гражданам устранять заблуждения и ошибочность в понимании реальности.

Другой актуальный навык в противодействии манипуляциям — так называемый рефрейминг, позволяющий воспринимающему информацию человеку изменять контекстуальное и смысловое понимание тех или иных явлений [Психотерапевтическая энциклопедия].

Так, если фрейм считается ценностно-смысловой рамкой восприятия фактов и событий, то рефрейминг предполагает наложение на них новой рамки значений, которая вводит альтернативные точки зрения, иную логику тех или иных реальных процессов и деяний людей. Манипуляторы очень часто, применяя, к примеру, популярный прием «трансфера», подталкивают аудиторию к механическому ассоциативному переносу качеств и свойств одних предметов, фрагментов реальности или людей на разнородные им другие объекты [Ермаков, 2020].

Например, если опытный политик появляется в период выборов перед избирателями в окружении любимцев публики — звезд эстрады, спорта, театра или моды, то в таком ярком обрамлении он может повысить свои шансы быть снова избранным благодаря популярности сопровождающих его селебрити.

Однако если поместить этого политика на основе достоверной информации и фактов в контекст, например, криминальных «авторитетов» из 90-х гг., то его шансы на избрание могут упасть до нуля. Умение искать альтернативные контексты и критические интерпретации фактов и событий, преодолевающие «единственно возможное» туннельное их восприятие, навязываемое, как правило, манипулятором, является очень важным в упрочении самостоятельности нашего мышления, его неподвластности хитроумным козням макиавеллистов.

Кроме того, тот или иной контекст, разные истолкования событий обычно задают определенный эмоциональный окрас их восприятию и пониманию. Поэтому другой расхожий прием манипулирования — так называемое «наклеивание ярлыков» нацелен на усиление экспрессии эмоциональных реакций, возникающих в сознании реципиента в связи с описанием тех или иных событий, их действующих лиц. Умело «наклеенный» коммуникатором ярлык, раскачивая чувства воспринимающих, фактически замещает у них необходимость рационального анализа фактов и размышлений над их сутью готовой экспрессивной оценкой, исподволь индуцированной в их сознание.

Длительное время, например, ярлык «красно-коричневых», навешанный в начале 90-х гг. на членов компартии РФ, содействовал устранению этой партии в качестве монополюбно правящей силы в нашей стране и ее маргинализации в политическом процессе. И только десятки лет многотрудных усилий и законодательных инициатив по улучшению жизни людей труда позволили коммунистам вновь стать влиятельной политической партией в парламентах страны и в органах исполнительной власти.

Защититься от агрессивного влияния «ярлыков» можно, конечно, бесстрашностью — достаточно трудным для большинства людей усилием «отключения» эмоций и чувств при рассмотрении каких-либо фактов и событий, стремлением перейти к их объективному анализу. Чтобы это все-таки сделать, следует не забывать, что наиболее сильные и импульсивные эмоции в повседневной жизни людей сопряжены с нравственной сферой и моральными оценками, универсально регулирующими человеческие отношения. Вот почему предлагаемые коммуникаторами-манипуляторами жизненные ситуации можно мысленно проигрывать, как это не покажется на первый взгляд циничным, вне этического контекста. Именно

это часто делают экономисты (рыночная экономика в подавляющей своей части неморальна) или военные, рассматривая лишь краткосрочную или долгосрочную эффективность действий боевых подразделений. Такой имморальный анализ происходящего вполне может выявить и показать оправданность и адекватность наших чувств, вызываемых тем или иным агрессивно-экспрессивным ярлыком.

При этом совершенно нелишне помнить, что люди в значительной мере зависят от слов, которые они используют в своей коммуникации. А иногда даже они являются, без преувеличения, рабами слов, полностью зависимыми от языковой «оболочки», презентующей в их сознании реальные факты и процессы. Вот почему слова, употребляемые в наших бесчисленных актах общения, являются также инструментами манипулирования сознанием. Ведь не случайно Ф. Бекон, рассматривая познавательные возможности речевых взаимодействий, говорил о «призраках рынка», порождаемых коммуникацией между людьми. В них большую роль играет неправильное словоупотребление, софизмы, искажающие восприятие и понимание человеком реальности [История философии, т. 2].

В связи с этим следует упомянуть такой показательный языковой феномен, как эвфемизмы, «лукавство» которых заключается во вполне приемлемой на первый взгляд «лакировке» реальности. Делается такое «улучшение» восприятия с помощью коннотаций — дополнительных значений слов или словосочетаний, позволяющих, например, кровавую войну называть более нейтрально — «столкновением противоборствующих сил», бомбардировки больниц, школ, торговоразвлекательных центров именовать «ударами по стратегическим объектам», а, например, размещение возле крупных городов огромных мусорных полигонов для хранения токсичных отходов называть «экологическим кластерами», дающими, между прочим, благодаря и такому языковому «лукавству» баснословные барыши их владельцам.

Изоощренные и незримые манипуляции пронизывают еще одно языковое явление — слова-ласки [Хайек]. Они названы так по имени животного грызуна, которое, питаясь птичьими яйцами, высасывает их так, что внешне они остаются целыми и невредимыми. Хотя на самом деле после столь изоощренного гастрономического акта яйцо остается совершенно пустым. Например, такие словосочетания, как «отрицательный экономический рост», «пролетарская демократия», «социалистическая собственность», так же, как и многие другие, содержат слова-ласки. В этих примерах слово «отрицательный» выхолащивает привычное значение из слова «рост» (увеличение чего-либо), а слова «пролетарская» и «социалистическая» растворяют общепринятые смысловые значения в понятиях демократии («народовластие») и собственности (то, что имеет конкретного владельца). Так, из достаточно четких понятий словами, выполняющими функцию «ласки», ликвидируется их общепринятое смысловое содержание, в результате они становятся не только пустыми, но и в то же время задействуют иллюзорное воображение реципиентов в восприятии конкретных объектов. Чтобы избежать этого, нужно наработать прочный навык вникать и вдумываться в смысл и значение употребляемых слов в общении. И если сочетание их подлинных значений

и устойчивых в них коннотаций вызывает в восприятии когнитивный диссонанс, то такой сигнал в наше сознание является поводом задуматься над обоснованностью и правомерностью их использования в коммуникации.

Сделаем некоторые выводы. Наше сознание имеет, в сущности, глубочайшую социальную природу, оно является, без преувеличения, уникальным и вечно создаваемым продуктом длительного эволюционного сотрудничества больших масс людей. Вместе с тем отдельные индивиды через язык, человеческие отношения и коллективный труд, благодаря своему жизненному опыту и интеллектуальным способностям, осваивают в индивидуальном субъективном формате это общественное достояние. Больше того, в силу творчески преобразующего характера самого сознания, а не простого механического копирования им окружающего мира, они обретают подчас способность внести в него и некоторые новые элементы, например, новые слова или научные открытия, новые смыслы или новые названия приемов и технологий овладения человеком окружающей действительностью.

Однако, несмотря на определенную автономию, индивидуальное сознание в своем содержании в силу информационной асимметрии и интерсубъективности подвластно социуму, его смысловым и знаковым константам, универсально пронизывающим все аспекты коллективной жизнедеятельности людей. Об этой непреходящей зависимости собственных представлений и взглядов от доминирующих в обществе конвенциональных представлений («единомыслия») и о влиятельности «мыслящего конформизма», действующего в качестве адаптирующих к жизни общества реакций, индивиду лучше, конечно, не забывать. И в то же время, обладая своим неповторимым жизненным опытом, особенными способностями и субъективностью, индивид может в определенной степени уклониться от принудительного управления его чувствами, желаниями и умозаключениями со стороны данного общества. Этому способствует, в частности, выработанный своими усилиями и качественным образованием объективный, критический и здравомыслящий взгляд, подвергающий подчас сомнению общественные представления и духовные стандарты практического обустройства повседневной жизни. В аналитическом мышлении и рефлексивном чувствовании важным навыком является также «внутренний диалог», который становится повседневной привычкой задавать себе по существу дела уточняющие и все более конкретные вопросы и давать на них по возможности честный и объективный ответ (искусство майевтики).

В ситуациях формирования важных личных взглядов и взвешенных жизненных решений необходимы и навыки рефрейминга — развития когнитивной способности менять содержательный и смысловой контекст своих восприятий фактов и событий действительности. Проще говоря, соотносить их с альтернативными взглядами и противоположными точками зрения, а также с перечнем других возможных решений.

В общественном сознании, как правило, над его интеллектуальной частью доминируют коллективные чувства и эмоции, на которые воздействуют разного рода махинаторы-манипуляторы, и преодолевать эту экспрессивность сознания

можно с помощью навыка беспристрастности — стремления к «отключению» своих эмоциональных импульсов из рассмотрения важных жизненных проблем. Ну и, конечно, при взаимодействии с другими людьми не следует забывать о подлинном значении тех или иных слов, а также их различных противоречивых сочетаний, которые создают в нашем сознании языковое оформление и презентацию текучей и разношерстной реальности. Следование этим правилам, думается, способно усилить наши возможности избегать заблуждений и иллюзий, порождаемых манипуляциями сознанием.

Ермаков Ю. А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 215–225.

Ермаков Ю. А. Манипуляции сознанием в политической пропаганде // СМИ в политическом процессе. Екатеринбург, 2020. С. 42–62.

Иванчук Н. В. Технологии зла в манипуляторской деятельности. Екатеринбург, 2005.

История философии / под ред. Г. Ф. Александрова и др. : в 2 т. М., 1941.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М., 2015.

Марков А. Эволюция человека. Кн. 2 : Обезьяны, нейроны и душа. М., 2013.

Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.

Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб., 1998.

Пушкин А. С. Герой // Полн. собр. соч. Л., 1977, Т. 3. С. 187–189.

Саймон Дж. Манипулятор в овечьей шкуре. М., 2018.

Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М, 2019.

Doob L. W. Public Opinion and Propaganda. Hamden, Connecticut, 1966.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023 г.

ЮБИЛЕИ

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.042

«С ТРОПЫ СВОЕЙ НИ В ЧЕМ НЕ СОСТУПАЯ...» К ЮБИЛЕЮ Т. А. СНИГИРЕВОЙ

Если Татьяну Александровну Снигиреву спрашивают, когда она родилась, то она, как правило, отвечает: «В мае, в мае я родилась...» И это действительно так. Но обязательно нужно добавить, что не просто в мае, а 9 мая, в День Победы!

Это символично. Ее родители прошли войну. Окончили Уральский госуниверситет. Отец — географ, директор школы, мать — филолог, лектор филармонии. От рождения ей предначертана была как дорога в университет, так и путь победительницы.

Татьяна Александровна в 1971 г. окончила среднюю школу в Свердловске, в 1976 г. — филологический факультет УрГУ, начала работать на кафедре советской литературы родного вуза. В 1985 г. защитила кандидатскую диссертацию «Жанровая типология лирики А. Твардовского» (научный руководитель проф. А. С. Субботин), в 1996 г. — докторскую диссертацию «А. Твардовский: поэт и его эпоха», с 1989 г. — доцент, с 2001 г. — профессор, в настоящее время профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета и ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Все последовательно, поступательно и в свое время. Но главное в университетской жизни Татьяны Александровны, думается, не это, а ее научные изыскания. Круг научных интересов Т. А. Снигиревой сформировался, как нам кажется, под воздействием творчества и личности А. Т. Твардовского, о котором написаны ею не только диссертации, но и несколько книг («Творчество А. Т. Твардовского в отечественной критике», 1994; «А. Твардовский: поэт и его эпоха», 1996), что сделало ее крупнейшим и одним из наиболее авторитетных специалистов в этой области. Отсюда ее постоянный и глубокий интерес к русской поэзии XX и XXI вв. — М. Цветаевой, А. Ахматовой, Д. Хармсу, И. Бродскому (этим поэтам посвящены кандидатские диссертации ее аспиранток), О. Мандельштаму, Ю. Казарину (о нем ее книга 2011 г. «Поводырь глагола: Юрий Казарин в диалогах и книгах»), А. Вавилову (об этом молодом незаурядном поэте она первая написала серьезную научную статью, а одна из ее учениц — дипломную работу), поэтам-фронтовикам и многим другим.

Не случайно в сферу ее исследований входит и феномен «толстого» литературного журнала, не только легендарный «Новый мир» и близкий всем нам «Урал», но и журналы бывших советских республик — «Литературная Грузия», «Звезда Востока», «Даугава»... Татьяна Александровна разработала оригинальную методику анализа «толстого» журнала, что описано в учебном пособии «Феномен российского литературно-художественного журнала» (2018) и постоянно демонстрируется в одноименном спецкурсе.

Традиционное восприятие истории русской литературы XIX–XX вв. как непрерывного целостного процесса в его эстетическом, эпистемологическом и этическом проявлениях, не лишенных, однако, внутренних противоречий, лежит в основе книг Татьяны Александровны «Русская литература XX века: проблемы и имена» (1994, в соавторстве с Л. П. Быковым и А. В. Подчиновым), «Русская идея как художественный феномен» (2001) и «Век девятнадцатый и век двадцатый русской литературы: реальности диалога», впервые вышедшей в 2008 г. и переизданной впоследствии трижды (!), в том числе и за рубежом.

Наконец, Татьяну Александровну всегда привлекает все новое, нестандартное, «маргинальное» в литературном процессе и современном литературоведении. Здесь и первая монография об авторе нашумевших исторических детективов, создателе «технологичной беллетристики» «Борис Акунин* и его игровой мир»

---

* Борис Акунин (настоящее имя — Григорий Чхартишвили) признан иноагентом в РФ, внесен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

(2017). Здесь и признанные «маргиналки» (Н. А. Купина) — серия международных научных семинаров по феноменологии и психологии творчества, проводимых совместно с А. В. Подчиновым с 2010 г., результатом которых стала публикация четырех монографий, изданных в Издательстве Уральского университета и переизданных в петербургском издательстве «Алетейя» («Феномен творческой неудачи», «Феномен незавершенного», «Феномен творческого кризиса», «Феномен затекста»), пятая — «Феномен *НЕ*» — выйдет в этом году. Эти семинары и монографии объединили близких по духу, творческим и методологическим принципам ученых из России, Беларуси, Польши, Венгрии, Чехии, в том числе и бывших аспирантов и докторантов Татьяны Александровны.

Можно только восхищаться творческой энергией Татьяны Александровны, ее работоспособностью и неугасающим интересом к научной и преподавательской деятельности. Она ежегодно читает объемнейший курс по истории русской литературы XX в., спецкурсы «Литературные традиции и современная журналистика», «Феномен затекста в русской литературе XX века» и др. Ежегодно руководит выпускными квалификационными работами бакалавров и магистрантов, много часов проводит на консультациях со своими аспирантами и докторантами.

Еще одним дорогим и любимым ее детищем стала всероссийская (с международным участием) конференция молодых ученых «Initium. Художественная литература: опыт современного прочтения». Главное отличие этого научного мероприятия заключается в том, что бессменный (вот уже семь лет) организатор и председатель оргкомитета Т. А. Снигирева каждый год задает новый актуальный исследовательский вектор, объединяющий доклады участников. Именно он становится тем началом, которое придает и конференции, и сборнику ее материалов необходимую цельность и научную глубину. А выбор в качестве основной площадки для проведения секций Объединенного музея писателей Урала добавляет камерности и особой, «домашней» атмосферы, что отмечают все участники, а это в основном студенты, и не только УрФУ, но и вузов других городов России, причем география конференции расширяется с каждым годом.

Кроме того, Татьяна Александровна — член двух диссертационных советов, аффилированный эксперт Российского экспертного совета по оценке и отбору журналов в Scopus (РЭС), постоянный член жюри конкурса «Свободный стих», который ежегодно проводит Объединенный музей писателей Урала.

А еще есть, как признается сама Татьяна Александровна, увлечения вне работы: семья, друзья, путешествия.

Большой и результативный труд Татьяны Александровны и замечен, и отмечен: в 2005 г. — Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, в 2010 г. — памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского» Министерства культуры Российской Федерации. В 2011 г. она становится лауреатом премии губернатора Свердловской области «Лучший профессор года» (по гуманитарным наукам), ей присвоено звание ветерана Уральского государственного университета, в 2015 г. — звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Сегодня Татьяна Александровна Снигирева остается одним из любимейших преподавателей филологического факультета. Студенты с неизменным постоянством выбирают ее спецкурсы по самым разным темам. На ее лекциях в аудитории сложно увидеть пустые парты. Каждый новый учебный год профессор кафедры русской и зарубежной литературы Т. А. Снигирева встречает с новыми магистрантами и аспирантами, выбирающими ее в качестве научного руководителя потому, что видят в ней, кроме глубоко погруженного в свой предмет педагога и имеющего широкую сферу научных интересов ученого, чуткого, вдумчивого и справедливого человека, интересного собеседника, обаятельную женщину с царственной осанкой, которая делает ее легко узнаваемой и за пределами университетских стен.

Доброжелательность и открытость для диалога, житейская мудрость и филологическая зрелость, отмеченная взвешенностью суждений и точностью оценок, особый поведенческий шарм и верность слову (во всех смыслах) — все эти качества привлекают к Татьяне Александровне не только студентов, но и коллег. И все вместе мы рады поздравить дорогого нам человека с замечательным юбилеем!

А в заключение прямая речь от ее учеников, магистрантов, аспирантов, докторантов.

С. Слепухина (Бабушкина): *Я благодарна Вам за большой-большой урок, который ненавязчиво длится всю жизнь, за то, что у меня все эти годы есть пример женщины, на которую хочется быть похожей. А еще за то, как внимательно, честно, точно, доброжелательно и критически Вы умеете давать обратную связь — от Вас правда целительна и делает сильным. Потому что она всегда добрая.*

О. Рябкова: *Мне приятно думать о многих-многих, кто слушал и будет слушать Вас на лекциях, семинарах, консультациях, в личных беседах. О том, сколько озарений, вдохновения, интеллектуальных восторгов и смыслов родится из этих бесед. И я чувствую радость и огромную благодарность.*

Т. Гарник: *А вот о чем вспоминаю всегда с особым теплом и нежностью — это про все встречи на кафедре и за ее пределами. Каждый раз мы говорили вроде бы о магистерской, но на самом деле — о жизни.*

Т. Бреева: *Для меня общение с Вами — это всегда яркая интеллектуальная игра, оттеняемая тонкой иронией, и одновременно все это строится на необыкновенном человеческом тепле, заботе и том чувстве ответственности, которое в постартровское время становится едва ли не основой нравственного чувства. Вы — один из двух людей, которых я могу и счастлива назвать Учителем.*

А. Бударина (Симанова): *Дорогая Татьяна Александровна, если есть в мире идеальный Учитель, то это Вы! Спасибо, что дали возможность творить вне рамок! Вы научили нас чтению в его истинном смысле.*

А. Меньщикова: *И, наверное, почти не бывает дней, когда обдумывая что-то — научное и общечеловеческое, — я автоматически не сверяю свои ощущения с тем, что сказали бы Вы: многие смыслы звучат Вашим голосом и Вашими интонациями.*

М. Михайлова: *Трудно передать мое восхищение Вашим профессионализмом, Вы для меня всегда будете эталоном преподавателя и научного руководителя.*

Спасибо Вам за Ваш поистине бесценный труд, за уроки литературы, научной работы, уроки жизни.

М. Графова (Брызгалова): Хотелось бы сказать Вам спасибо за поддержку, терпение, разговоры, книги, две курсовых работы, один выпускной диплом и одну кандидатскую диссертацию, а также около 15 статей и предрождественский кофе. Любовь к филфаку и кафедре во многом пришла благодаря Вам, и, несмотря на то, что на пути были и сложности, и спорные моменты, и разногласия, в конечном итоге осталось очень большое количество любви и благодарности.

М. Баруткина (ГраMATчикова): Вы дали мне невероятно много. И не только мне — ученому, но еще больше мне — человеку.

Что может быть дороже для Учителя этих искренних признаний? Из них можно заключить, что Татьяна Александровна — тот редкий преподаватель, профессор, который формирует из своих учеников, студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов не только ученого, но и человека.

А закончить, как и начали, хочется все-таки стихами А. Твардовского, так почитаемого Татьяной Александровной:

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.
И труд свой пристально любя, —
Он всех основ основа, —
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

Л. А. Назарова,
зав. кафедрой русской
и зарубежной литературы УрФУ

А. В. Подчиненов,
доцент УрФУ

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2024. Т. 30. № 2

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.

Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 05.06.2024. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 19,9. Усл. печ. л. 20,40. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 92.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
  - зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
  - электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
  - включен ВАК в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
  - Журнал публикует научные результаты исследований по следующим специальностям:
    - 5.9.1. **Русская литература и литературы народов Российской Федерации** (филологические науки),
    - 5.9.2. **Литературы народов мира** (филологические науки),
    - 5.9.9. **Медиакоммуникации и журналистика** (филологические науки, философские науки, социологические науки),
    - 5.10.1. **Теория и история культуры, искусства** (культурология, философские науки, искусствоведение),
    - 5.10.2. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов** (культурология).
- Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
  - материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

Адрес редакции:

620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования,
науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу.*

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru